АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2014

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Тульские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2014 — 2(35)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Пушкин и Толстой: государственник и пророк ... 3
К 215-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА (1799—1837)
Александр Сергеевич Пушкин. Клеветникам России. Руслан и Людмила: Посвящение ... 25
Федор Михайлович Достоевский. Пушкин: Очерк ... 27
КРУПНЫЙ ЖАНР: ПЬЕСА И ПОЭМА
Рагим Мусаев. Сретение (Цвет надежды): драма ... 37
Владимир Резцов. Песня о Гришке Отрепьеве: поэма ... 55
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Рудольф Артамонов. Два рассказа ... 70
Маргарита Морданова. Притчи о современной женщине ... 77
Людмила Авдеева. Житейские истории ... 81
Владимир Сапожников. Дырка в голове ... 88
Роза Нарышкина. Письмо в прошлое ... 91
Лилия Агадулина. Какая красивая ночь. Барабашка ... 92
Сергей Крестьянкин. Я тоже здесь живу ... 98
АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
Владимир Жириновский. Возвращение Крыма — это только начало ... 102
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Александр Хадарцев. Нет в юбилеях ничего хорошего! ... 107
Игрь Лукьянов. Александр Невский ... 111
Наталья Квасникова. Сказание о Борисе и Глебе (вольный перевод со старославянского) ... 114
Владимир Трусов. Осеннее бесприютное ... 119
Анатолий Пережогин. На посещение Музея-усадьбы Е. А. Баратынского и Ф. И. Тютчева в Мураново ... 127
Игорь Мельников. Быть простым ... 129
Олег Севрюков. Новые бесы ... 132
ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ
Сергей Лебедев. Двадцать шестой ... 135

Вячеслав Лобанов. Начало марта..... 141
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. ПЕРЕВОДЫ
Валентина Лысич. Ромашки (пер. А. Селичкина)..... 144
Игорь Карлов. Аэропорт и другие рассказы..... 147
Виталий Ковалев. Искатели..... 149
Дмитрий Виноградов. Пепел Чернобыля (эссе)..... 152
Михаил Серебро. Московский регтайм (глава из романа)..... 155
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. КРАЕВЕДЕНИЕ
Геннадий Маркин. Крапивенская уездная полиция Тульской губернии..... 160
Николай Макаров. Они учились в Тульском суворовском..... 167
Елена Серегина. Истоки железной дороги Москва — Тула
в исторических сведениях 1864 года..... 171
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ
Владимир Куликов. Парыгиной — 90!..... 180
Исполнилось пять лет премии «Левша» им. Н. С. Лескова..... 184
Яков Шафран. О книгах Ирины Кедровой и Натальи Квасниковой..... 190
Ирина Кедрова. Встреча на Везере..... 202
Игорь Нехамес. Звучит Ручьевская строка..... 208
Дмитрий Нифонтов. Татьяна Бельченкова. История одной песни..... 215
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ..... 247

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются (кроме поэзии).

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: *priok.zori@mail.ru*; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)
Зам. главного редактора Наталья КВАСНИКОВА (Москва)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск), зав. отделом международных связей
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики и литературоведения
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталия ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент Академии российской литературы
Яков ШАФРАН (Тула) — отв. секретарь

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Голос эпохи» (Москва)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)
— журнал «Золотая Ока» (Калуга)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате)
См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info

© «Приокские зори», 2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПУШКИН И ТОЛСТОЙ: ГОСУДАРСТВЕННИК И ПРОРОК

В прошедшем и нынешнем годах мы отмечали два «некруглых» юбилея: 185-летие со дня рождения Л. Н. Толстого и 215-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Соответствующие рубрики, посвященные юбилярам,— в предыдущем и настоящем номерах «Приокских зорь». Даже такие даты, тем не менее, заслуживают присутствия на страницах нашего русского классического журнала. А здесь и тема «Колонки» прямо-таки обрисовалась, сгустилась по причине взволновавших весь русский, российский мир событий на Украине, бывшей Малороссии. Мы снова, говоря словами русского классика, вернулись к «временам очаковским и покорения Крыма». С заменой, понятно, предпоследнего слова на «обретения»... То есть других тем в СМИ, исключая злосчастный куалалумпурский «боинг», вовсе и не осталось. И явно доминирует тема государственности и патриотизма.

Понятно, что в окрепшую уже нынешнюю эпоху глобализма, когда непричастный к высокой политике народ видит только самую верхушку айсберга, а поведение его подводного массива загодя просчитывается на мегакомпьютерах соответствующих штаб-квартир и центров, понятия государственности и патриотизма заметно смещены от традиционного их смысла. Самодостаточно мыслящий человек сам до всего своим умом дойдет, а для масс-медиа (это не о СМИ, а о народе) достаточно восторга и хоть какого-то отвлечения от серых будней. Но ведь и это свежий ветер! И это хорошо! И это дает нам полное право означенную тему рассмотреть в ретроспективе идеологии творчества двух гениев русской литературы.

Поэт-государственник (произведение, которое не изучают в школе). *Казалось бы, что в школе — за нынешнюю не ручаюсь, но в советской самоочевидно — творчество Пушкина изучали основательно во все времена и эпохи, за исключением коротких лет управления образованием А. В. Луначарского с его РАПП'ом (то есть во времена Троцкого), когда Пушкина «сбросили с корабля истории». Стихи, поэмы, проза, художественная публицистика — все это нам давали в школе в достаточной степени полноты; даже шутейно-антиклерикальную «Гаврилиаду» любознательные старшеклассники читали. Не в школьной хрестоматии, конечно. Понятно, определенная тенденциозность наблюдалась, точнее — соблюдалась. Памятуя партийно-педагогические методики преподавания литературы, учителя-словесники как-то невнятно объясняли смысл патриотических стихов Александра Сергеевича:*

Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас?
Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?

Упор все более делался на интернационализм, а по Пушкину выходило, как назло, что врагами России, русской государственной идеи в XIX веке являлись нации и народности, ныне (речь идет, понятно, о советском периоде истории) образующие государства соцлагеря и братскую семью советских народов...

Не дай, Бог, осуждать ранее и сейчас наших добрых учителей за их следование партийно-педагогическим методикам. Сами эти методики были выверены и соотнесены с гибкой политикой руководства СССР, требовавшей сочетания в воспитании советских людей традиций государственности и идеи интернационализма. Правда, последняя трактовалась по троцкистскому образу, ибо в своей многотрудной деятельности великий И. В. Сталин так и не успел, точнее — ему не дали успеть, привести эту идею в соподчинение и соответствие базовой, стержневой идеи доминирующей государственности. И, хотя не это явилось основной причиной разрушения русско-советской империи, но очень и очень способствовало трагедии страны, превращению ее в краткий срок в... понятно, что. Но вернемся к А. С. Пушкину.

Единственным произведением Пушкина, если не замалчиваемым, то уж во всяком случае «умалчиваемым» и ранее, и ныне, и присно, является «Путешествие из Москвы в Петербург» с приложением очерка «Александр Радищев», написанное им незадолго (в апреле 1836 г.) до гибели. Написанный как художественно-публицистическая антитеза радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву», очерк Пушкина представляет отображение гражданской позиции поэта. Но почему эта небольшая по размеру прозаическая вещь, повествующая о поездке некоего путешественника, живущего безвыездно в Москве, не бывавшего в Петербурге лет пятнадцать и решившего-таки навестить северную столицу, стоит как бы особняком в официальном пушкиноведении? Более того, при не столь частой публикации «Путешествия», например, в книге «Избранное» А. Пушкина в серии «Библиотека русской художественной публицистики» (М., «Советская Россия», 1980), в «идеологическом» предисловии обязательно развивается мотив, что-де «социальные и нравственные идеи в «Путешествии из Москвы в Петербург» значительны и во многих случаях близки радищевским»; «...эта мистификация понадобилась для того, чтобы ввести нелестные для Радищева замечания, без которых нельзя было рассчитывать на публикацию очерка, и в то же время дать понять читателю, что подлинный автор так не думает» и пр.

Что здесь правда, а что есть идеологическое лукавство и литературный эвфемизм? Попробуем ответить.

В соответствии все с той же гибкой политикой идеологии в СССР, отображение последней в литературе, равно как в искусстве и культуре вообще, выражалось в некоторой, достаточно строго выдерживаемой «табели о рангах». Опять же, подчеркнем это, при некоторой искусственности, прямолинейности и исторической неправомерности такой подход был объективно полезен и гармонировал с государственной сверхзадачей.

Согласно этой табели, фигура А. Н. Радищева трактовалась как прогрессивная, предтеча декабристов, которые разбудили... далее хорошо известно. А его «Путешествие из Петербурга в Москву» однозначно признавалось произведением великим, литературно высококачественным, идейно опередившим свое время на многие десятилетия вперед. Понятно, что все эти оценки были ориентированы на либерализм и революционный демократизм, как прогрессирующую доминанту в историческом развитии России, начиная едва ли не со времен Золотой Орды... Поэтому пушкинское «Путешествие» в обратную по отношению к радищевскому (и по направлению пути следования, и по оценкам российского бытия) сторону никак не вписывалось в уложения табеля. Более того, щекотливость ситуации усугублялась и положением

самого Пушкина в этой табели: как величайшего русского поэта, известного вольнодумца, почти декабриста и пр. Поэтому диалектический подход — отрицание отрицания — здесь явно не подходил. Соломоново же решение — сделать вид, что «Путешествие» Пушкина, конечно, произведение прогрессивное, но популяризировать его ни к чему — устраивало всех. На том point sur les «i» и была поставлена.

В чем же публицистическая, идеологическая разница между двумя «Путешествиями»? Полагаем, что основной контингент наших читателей учился в советской школе и содержание книги А. Н. Радищева помнит если не текстуально, то по нравственно-этической и политической направленности. Дабы не превращать эссе в литературоведческий трактат, ограничимся несколькими, наиболее сопоставительными тезисами (А. Н. Радищев) и антитезисами (А. С. Пушкин).

С самого начала очерка Пушкин отмечает, что некогда нашумевшая книга «потеряла свою заманчивость», прошумела скоро и была забыта; говоря современным языком, уподобилась диссидентскому бестселлеру...

Сопоставляя две российские столицы, Пушкин отмечает те значительные изменения, что произошли с ними со времен радищевских. Памятуя о том, что Радищев как прочитал в юные годы рассудочную философию Гельвеция, так и остался на всю жизнь ее поклонником-неофитом, Пушкин пишет в данном контексте: «Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее, влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествующего поколения!» (Здесь явная указка на декабристов).

Радищев заканчивает свою книгу словом о Ломоносове. Пушкин отмечает, что слово это по намерениям не совсем похвально: «Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе росского Пиндара. Достойно замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властью, на которую напал с такой безумной дерзостию». Радищев все внимание (а это 30 страниц текста!) сосредоточил на Ломоносове-поэте, риторе и грамматике, то есть на тех сферах деятельности русского гения, где, говоря словами Пушкина, «его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается...» и т.п. А Пушкин, проводя в тексте очерка пространные выписки из рапорта Ломоносова графу Шувалову за 1751—56 гг., доказывает, что Ломоносов есть, прежде всего, естественник, подвижник науки и государственник в области отечественного просвещения. Этого-то «не заметил» Радищев.

Особенно резко возражает поэт Радищеву в части пресловутого и ныне питающего отечественных и зарубежных ненавистников России вопроса о «рабском начале» русского характера, о «невыносимых» условиях жизни и труда русского простолюдина — вечно живая тема диссидентствующих! Пушкин сравнивает положение русского крестьянина и ремесленника с землепашцами французскими и рабочими английских мануфактур далеко не в пользу последних. А что касается «рабского начала», то: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его сметливости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны... В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища... Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности». И так далее.

Серьезные возражения Пушкин обосновывает и в главах «Слепой», «Рекрутство», «О цензуре», «Этикет» и «Шлюзы». Заканчивая очерк кратким описанием жиз-

ни Радищева, поэт резюмирует свое мнение: «Какую цель имел Радищев? Чего именно желал он? На сии вопросы вряд ли бы мог он сам отвечать удовлетворительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее, несмотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений, которые не имели никакой нужды быть облечены в бранчивые и напыщенные выражения и незаконно тиснуты в станках тайной типографии, с примесью пошлого и преступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностию и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви».

Такими проникновенными и гениальными в своей краткости словами заканчивает Пушкин свой очерк. Сказать, что Радищев — западник, а Пушкин более тяготеет к отстаиванию самобытности пути России в сонме европейских народов и государств, значит мало чего сказать. Символично, что «путешествия» их антипараллельны; Радищев едет в истинную, историческую русскую столицу из столицы-призрака, олицетворяющей западническое начало в новейшей жизни государства. Это не подходит под само определение путешествия; путешествуют — это когда из дома на время уезжают в чужие края... А вот Пушкин истинно путешествует: из «домашней» столицы во временную.

И так во всем у них разнится. Радищева с полным правом можно уподобить иному диссидентствующему советских времен, который (как Радищев в Германии со чтением случайного Гельвеция) побывал в «европах», упал в обморок при виде 3000 сортов колбасы — теперь мы знаем, что она синтетическая,— а вернувшись в «эту страну», начал хулить ее с надеждой получить выездную визу... Радищев, представленный своим «Путешествием», есть духовный предтеча и прообраз масонов-западников-декабристов.

Конечно, молодой Пушкин — на то и молодость, чтобы следовать порыву сердца, но не ума! — мог произнести приписываемые ему слова ответа на вопрос Николая I о его возможном участии в мятеже. Но мудрый царь уже тогда видел в поэте государственника и не ошибся в нем, как и вообще редко ошибался в людях и делах (лишь подлость Европы не оценил).

И напрасно наше каноническое литературоведение винит Николая Павловича в гибели поэта, годовщину которого мы отмечаем каждый год. Пушкина, поэта-государственника, для которого не было истины без любви, погубили те, для которых Россия была очередной страной пребывания (где лучше, там и родина!). Не существенно, что погиб поэт от руки этнического чужестранца — «не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал!» Не он, так другой, из своих, числом всегда многих, прилепившихся к трону... Главное — кто и за что наводил казнящую неправую руку. Казнили подло, не открытым судом, но спровоцированной дуэлью величайшего русского поэта, который своей музой служил государству, служил и царю, но не как персонифицированной личности, а именно как воплощению государственной, национальной идее.

Вот и получается, что небольшой очерк, который не изучают в школе, относимый литературоведами-пушкинистами к второстепенным упражнениям поэта в публицистическом жанре, не так-то и прост. Это серьезная полемика, как ни в каких других, намного более известных произведениях Пушкина, открывающая в нем человека государственного мышления и души патриота.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

А. С. Пушкин

...Будем всегда помнить Радищева. Но еще более — Пушкина.

...Ваш покорный слуга и ранее писал об «антитезе» Пушкина — Радищева. Даже появлялись неодобрительные отзывы на сей счет. Но вот что самое интересное: антитеза-то здесь вовсе и не требовалась, ибо авторы откликов и нашего очерка практически с одинаковых позиций трактуют роль Радищева в русской литературной и политической истории, одинаково подчеркивают повышенное и постоянное внимание нашего великого поэта к великому же свободолюбцу. Замечания автора, что-де в очерке ругаются советские школьные методики преподавания литературы и вовсе не выдерживают критики: в очерке как раз утверждается, что эти методики были совершенны для своего времени и своей страны, то есть СССР.

Может быть поэтому, чувствуя, что пресловутая антитеза как-то вяло гаснет, опытные в своем деле журналисты сразу же после вступления переходят, анализируя дилемму Пушкин — Радищев, к более общим категориям, вовсе и не имеющим отношения к содержанию нашего очерка, то есть рассматривают современный «бандитизм в литературе», заказную — от власть имущих — критику и литературоведение и дают прочие, очень правильные, определения нынешнему развалу в литературе, синхронном общему развалу страны, государственности, этики и пр.

На этом примирительном тоне реплику «постфактум» можно было бы и закончить, но позвольте и мне еще раз коснуться темы Пушкина и Радищева, вскрыв некоторые лейтмотивы, побудившие авторов очерка и статей все же с несколько различных позиций — не идейных, конечно, но профессиональных, так сказать — подойти к столь важному для истории русской литературы вопросу.

Скажет — чем занялись? — наш читатель, поотвыкший в бедламе нынешней жизни и вообще-то читать что-либо, а об очередном вторнике — падении курса рубля, смене «по понедельникам» (при Ельцине) правительства и — без привязки к дням недели — бомбардировке американцами очередной же, еще не продавшейся им страны, узнающий из рупора дьявола — телеящика.

— Писали бы лучше о трагедии Югославии, что называется, на злобу дня!

С одной стороны верно, но вот как быть с Юбилеем Александра Сергеевича? Нас-то пока не бомбят, поэтому изустно и печатно надо вспомнить о юбилеях, а то неудобно как-то. Будут, будут и снова кого-то бомбить, не задержится. И вины Пушкина, автора «Песен южных славян», здесь не будет, а вот Радищев...

Вот здесь и выступают на первый план эти самые профессиональные позиции авторов: журналиста и писателя. Ведь не зря же, при некоторой внешней схожести занятий, им и названия дали разные, общаются с собратьями по профессии в разных творческих союзах, даже квалификацию они получают (хотя дело это очень условное) в разных вузах: на журфаках университетов и в Литинституте, соответственно. Но это все внешняя сторона, антураж. Различны же их творческие подходы. Журналист экспрессивен, профчутьем находит интересную для масс-медиа тему и емко, выразительными средствами (аргументом и фактом, так сказать) отображает и развивает ее для органа оперативной информации. А от торопливости повседневной спешки анализ зачастую уступает место эмоциям. Это нравится широкой читательской среде. Писатель же все больше «бьет» на анализ, сводит тезы с антитезами, идет от частного к общему, формулирует в художественной форме выводы (не оргвыводы!). То есть различие между ними укладываются в написанные десяток строк, но они почти что ф у н д а м е н т а л ь н ы.

Вот и в образовавшейся дискуссии об отношении Пушкина к Радищеву четко это вырисовывается. Не только в науке, но и в литературном творчестве любой объект или процесс можно рассматривать как в статике, так и в динамике. Первое есть срез события в какой-то временнóй момент; динамика же предполагает учет

связи времен, в частности, отображение давно имевшего место на текущее время. «Журналистский» способ мышления — описание в статике; писательский же анализ заключается в учете многофакторной динамики. И этим все сказано.

Наши уважаемые оппоненты совершенно правильно для своего метода исследования пишут о роли Радищева для с в о е г о, то есть к о н к р е т н о г о времени; роль его, как провозвестника антикрепостничества, трибуна свободы человека личной, исключительно велика. Благие намерения всегда похвальны. Это и привлекало Пушкина, самогó свободолюбца; отсюда и его восторженное отношение к автору «Путешествия», однако... с одним, но все решающим уточнением, которое обходит в рамках своего метода наш журналист: это отношение характерно для молодого Пушкина, хотя в наше время как-то непривычно выделять период молодости в отношении человека, не прожившего и сорока лет... Зрелый же Пушкин, прошедший путь от либерального стихотворца, за злые эпиграммы и байронические, вольнолюбивые стихи ссылавшийся в Новорòссию, до поэта-государственника («Клеветникам России»), оценивает роль Радищева именно с позиций наличия или отсутствия факторов гражданственности, патриотизма. Поэтому и появляется его «Путешествие», которое, учитывая сказанное выше, все же следует рассматривать уже как антитезу радищевской книге. То есть он не то чтобы поменял свое личное отношение, нет, до конца дней своих чтил первого русского бунтаря духа — нельзя не уважать человека безудержного риска! — но, и в этом отличие гения и провидца, он понимал, что любая свобода есть осознанная необходимость. По той же причине Пушкин столь быстро отошел от масонства, осознав его угрожающую миру опасность.

И Екатериной, сурово наказавшей вольнодумца, владели не столько оскорбленные чувства «первой помещицы России», но более государственные соображения. Она четко осознавала, что Радищев опасен не как критик крепостничества, но как вольный или невольный апологет масонства. Она тоже прошла путь от либеральной переписки с Вольтером до осознания грядущей из Франции опасности и де-факто запрещения масонских лож в России. Резюме: государственные умы, в отличие от остальных, пусть даже прекрасных душой людей, видят и оценивают последствия того или иного явления.

Более того, Пушкин в русской литературе далеко не одинок в эволюции от бунтаря до охранителя государственных устоев. Стоит только назвать имена Достоевского, Некрасова, Тургенева и все станет ясно. Ведь именно приговоренный к повешению молодой петрашевец Достоевский в своих «Дневниках писателя», которые — также — не «проходили» в школе ранее, а теперь и вовсе замалчивают, впервые обосновал геополитическую имперскую стратегию России и за сто двадцать лет наперед объяснил причину и движущие мотивы наблюдаемой ныне гибели империи. Поэтому не зря в литературном мире упорно ходят слухи о том, что названные выше три писателя в зрелом — творчески и политически — возрасте имели полковничьи чины по линии внешней (не внутренней!) разведки... «И вы, мундиры голубые». Вот вам и мундиры; кстати, а где хранил Федор Михайлович свой голубой мундир полковника жандармерии?— Ведь тогда разведка шла по ее линии. И платил ли Тургенев долги мужа посредственной певички-француженки из личных или казенных денег?— Вот где настоящее золотое дно для журналистских расследований!

Так виноват ли Радищев в реальном наступлении эры Мирового правительства сил зла, сил Антихриста, виноват ли, говоря языком обывательским, в уже давней бомбардировке нашего последнего и естественного союзника — героической Сербии? Лично, как человек, чья жизнь отдалена от этих событий двумя веками, конечно, нет; это абсурд. Но как некоторая абстрактная единица, в совокупности со многими другими подрывавшая в литературной форме борьбы устои империи —

безусловно да! Я уже зримо ощущаю трепетное перо уважаемого журналиста, который пишет очередную статью в развитие дискуссии под заголовком: «Радищев развязал войну на Балканах!..». Ибо империя, страна, этнос есть динамически развивающийся, самоорганизующийся механизм, который либо существует, либо не существует. А существует он положенные столетия или тысячелетия независимо от того, кто олицетворяет организующую государственность: поставленные ли ханским ярлыком князья, цари и императоры, красные вожди, генсеки или президенты. Основной же целью мирового масонства являлось, теперь уже сбылось, разрушение основных империй, тем более самодостаточных, автаркических, какой была Русская империя в зените ее могущества, то есть в период сталинского и послесталинского СССР. А бесконечные бомбежки Ирака, а теперь и европейского государства, означают одно: дело, которому, не осознавая этого в исторической перспективе, служил Радищев и другие — имя им легион — победило, наступил час торжества Антихриста. Поэтому-то вслед за империями пришла горестная очередь и последней твердыни христианства — православию. Но не надо плохо думать о Радищеве-человеке, ибо не знал и не мог знать, что творил. Не дано было ему обрести ум государственника. Таких людей жалко: жизнь не сложилась, и хлопоты-то были по неправому делу. Как Радищев не понадобился уже либеральному (опять-таки поначалу) Александру I, так и наш современник, протестант духа и разрушитель на литературном фронте, тоже человек искренний, не понадобился в наши дни людям и идее, которым он невольно служил, помогая ломать хребет советской империи. Понятно о ком речь идет... Бедные они, бедные,— беднее нас всех, нищих — но только кошельком.

Поэтому, дорогой мой оппонент-журналист, мы всегда будем помнить прекрасного душой человека, сердце которого сжималось от боли за ближнего своего, отчего в слепой благородной ярости начинал он грызть свое государство, но еще более мы помним Пушкина, рано повзрослевший ум которого осознал диалектическую категорию свободы как осознанной необходимости.— По Гегелю.

Цензуре долг свой заплачу
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам...

«Евгений Онегин», гл. 1

Журналистская муза поэта. *«Цель художества есть идеал, а не нравоучение»,— незадолго до своей смерти написал Пушкин, имея в виду художественное творчество, не очерченное только строгими рамками поэзии, драматургии и художественной прозы. Такое расширительное толкование, его справедливость и правомочность поэт подтвердил всей своей творческой жизнью, начиная от чистой поэтической лирики, продолжая ее прозой, драматургией, публицистикой и журналистской деятельностью, восходя в «Маленьких трагедиях» до философских обобщений, в публицистике — до исторических умозаключений и глубокого, но художественного осознания глобальных закономерностей нравственности, этики, социальной морали.*

Талантливый человек талантлив во всем, а в приложении к художнику слова это ассоциируется с полижанровостью его творчества. Пушкин здесь не то чтобы исключение, но наоборот — ярчайший пример. Конечно, определенную роль здесь играет основной, изначальный жанр, в котором работает художник; это уже особенности как самого психологического типа творца, так и проявление некоторых общих закономерностей. В отношении последнего можно с определенной утверди-

тельностью сказать, что лучшую прозу пишут поэты, но худшие стихи, или, по крайней мере, посредственные, сочиняют прозаики...

Столь же закономерен и тот реально наблюдаемый и подтверждаемый всей историей литературы факт, что редкий поэт в самом творческом своем расцвете не обращает свое перо к иным, «более прозаическим» формам художественного самовыражения. Так и Пушкин, в нашем понятии еще человек молодого возраста, то ли шутливо, но, скорее, и серьезно замечал, что-де стареет, к прозе тянет...

Был он в этом замечании искренен и последователен. Не чета многим и многим другим, явно рисующимся, посредственным талантам, но на многое претендующим... У всех нас еще на памяти былой кумир «шестидесятников», что, явно подражая Пушкину, повсеградно и повсеэкранно скандировал: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати!» Увы, и стихи он как-то скоро писать перестал, а к прозе (несколько посредственных киносценариев не в счет) так и не приступал; внеся посильный, но весомый вклад в разрушение вскормившей его страны и литературы, убыл на «ПМЖ» в «жаркие страны», где гарантирован ему честно заработанный кусок хлеба... то бишь гамбургер с чисбургером за 5 USD штука; а цена самому бывшему волнителю умов всего лишь в 6 с небольшим раз больше. Но — то другое, по Сеньке и шапка.

Вернемся к Пушкину, о коем стократ приятнее писать, нежели о рядовом ренегате, начавшем за здравие (Иосифа Виссарионовича), а кончившем за упокой Великой державы, созданной тем же Сталиным.

Не отстраняясь от высокой, но становящейся все более гражданственной, философской лирики, поэт создает свой цикл трагедий от «Бориса Годунова» до «Сцен из рыцарских времен». Почти одновременно появляются образцы и поныне лучшей русской прозы, среди которых драгоценным соцветием выделяются «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Как бы предчувствуя конец малых отпущенных ему лет, рука его торопится означить хотя бы начало многого задуманного: история, публицистика, жизнеописания, дневники... И именно в эти последние годы жизни поэта появляется и еще одна сторона энергичного его творчества; да, поэта посетила и журналистская муза, причем явилась она к нему не как нечто дополняющая, но как развивающая талант и г р а ж д а н с к и е устремления Александра Сергеевича.

«Мы все учились понемногу», а потому можем составить для себя мнение о роли журналистской работы для талантливого и разностороннего художника-гражданина. С позиций всеобщей испорченности нашего времени, однако, можно сходу насчитать с десяток прагматических «обоснований» такой роли, главные из которых суть самореклама, политическая или денежная выгода. Действительно, посмотрите на 99 % нынешних газет, еженедельников, пресловутых «толстушек», журналов? — Оптовый торговец подчинил себе лавочную сеть города, прошел в местную думу, так как же ему не основать свой орган печати — «Голос среднего класса»; конечно, патриотический и независимый... Группа, а может и единоличная пишущая сущность, берут под свой контроль журнал или газету и так далее. Глядишь и телевизионный бандит Вован откроет свою «Новую патриотическую». Но, повторимся, это наши времена и люди... тем более, бесталанные.

История же русской журналистики наглядно повествует об ином подходе наших великих писателей, поэтов, гуманитариев и ученых, встававших во главе учрежденных ими изданий. Пожалуй, это чисто русская литературная традиция, когда известный и талантливый писатель в пору своей художественной зрелости начинал издавать журнал, и, как правило, издания эти становились для своего времени событием литературной жизни и преследовали цель именно художественного, граж-

данского идеала, но не нравоучения, вновь возвращаясь к словам Пушкина. Здесь и «Почта духов» с произведениями Крылова, журналы Достоевского и Некрасова, «Голоса из России» и другие лондонские издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева; многое другое. Да и «Библиотека для чтения» Осипа Сенковского, как бы ее ни третировали радикалы разных времен и толков, кроме пользы ничего и не привнесла в отечественную литературную жизнь, действительно став общедоступной библиотекой России. И, конечно же, «Современник» Пушкина, ставший первым истинным литературным журналом в стране.

Роль Пушкина в становлении русской литературной периодики отмечена и символами последней: как в русском флоте существует традиция преемственности названий боевых кораблей, так и основанные Пушкиным «Литературная газета» и «Современник» имели и ныне имеют свои продолжения; другое дело, что позиции «ЛГ» и «Нашего современника» столь резко разошлись по самым животрепещущим вопросам, как литературного процесса, так и по гражданским позициям... но это уже не вина светоча русской поэзии. Хоть это-то на него не навешаешь, а то получится как в слышанном некогда автором этих строк (на дворе год разгула демократии 90-ый) монологе своего сотрудника, человека пожившего и мыслящего здраво: «Купил вчера «Литературку», открыл, а на весь разворот заголовок: «Кто убил Пушкина?» Плюнул и читать не стал, понятно, кто убил — Сталин!»

Ну, это к слову, к нашей славной действительности и окололитературной поденщине.

Еще в 1825 году в письме к П. А. Вяземскому Пушкин писал: «Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет хочется...» Только через пять лет он вместе с А. А. Дельвигом начал издавать «Литературную газету», которая незамедлительно стала, как сейчас говорят, писательским рупором литераторов пушкинского круга. Выходила она чуть больше года и прекратилась со смертью Дельвига, основного организатора столь хлопотного дела как регулярная газета.

Последующие пять лет Пушкина не оставляла мысль, что «литература не может не согреться» (из письма П. А. Плетневу), если начать издание альманаха, журнала или газеты с выраженной литературно-нравственной и гражданской позицией. В беседах и переписке с П. А. Плетневым и В. Ф. Одоевским Пушкин отрабатывал структуру и направление грядущего издания, которые предугадывались в различных вариантах названия: «Арион», «Летописец», «Современный летописец политики, наук и литературы».

В самом начале 1836 года по отношению Бенкендорфа на письмо Пушкина журнал «Современник» был разрешен к изданию, но — как чисто литературный, то есть отвечал только литературно-критической установке пушкинской программы журнала.

Пушкин успел издать четыре тома журнала; остались материалы, которые он готовил для последующего тома уже в январе 1837 года. Какими же именами представлены изданные тома? — Это Гоголь с его знаменитой статьей «О движении журнальной литературы» с критикой «торгово-промышленного» направления в литературе и журналистике; с критическими статьями печатались Одоевский и Вяземский; этот же раздел «Современника» во многом поддерживал подготовкой критического материала сам Пушкин.

В поэтическом разделе журнала наиболее полно представлен пушкинский круг: Жуковский, Языков, Вяземский, Тютчев, Баратынский, Денис Давыдов. Самим Пушкиным впервые опубликованы его «Пир Петра Первого», «Скупой рыцарь», «Полководец» и пр. Художественная проза вышедших томов «Современника» по преимуществу принадлежала Гоголю и Пушкину; так здесь была опубликована «Капитанская

дочка». Листая страницы «Современника», находим «Записки» кавалерист-девицы Н. А. Дуровой, очерки о войне 1812-го года Дениса Давыдова, этнографические очерки М. П. Погодина и Султана Казы-Гирея.

Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужий час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,—

этими строками из опубликованной в третьем томе «Родословной моего героя» можно охарактеризовать ту атмосферу, публицистическую направленность, которую с первого тома поддерживал в журнале Пушкин, используя много и охотно документальные материалы; это же позволяло ему оттенять гражданскую позицию журнала, его общественно-политическую, патриотическую направленность. «Я думаю пуститься в политическую прозу» (Из письма Вяземскому). Выше мы уже писали о Пушкине-публицисте в сопоставлении его с Радищевым. Так вот, статья «Александр Радищев» также была опубликована в «Современнике».

В организации и поддержании присущей «Современнику» позиции Пушкин сочетал, казалось бы, несовместимые вещи: своего рода «литературный аристократизм» (в чем его упрекали современные ему радикалы), глубокий патриотизм и подлинный демократизм. Тем не менее, это так, если учесть реалии эпохи, а еще в бóльшей степени учесть, что это был Пушкин последнего периода своей жизни и творчества. Реалии же эпохи таковы, что на подходе были сороковые годы, то есть годы раннего наступления капитализма на Россию. В литературе предвестником его явилось ложное «одемокрачивание», сопровождаемое натиском чуждых русскому самосознанию веяний прагматичного Запада. На пороге стояли и отечественные разночинцы. То есть в литературу хлынула толпа, привнося неуют, характерный для любого «перестроечного» времени. А куда от того деваться, но зрелый Пушкин был аристократ — в смысле аристократ духа, но еще более был он патриотическим государственником (это не тавтология, но наиболее верное определение сути его мироощущения и мировоззрения). Надо постараться это понять, скорее — не умом, но душой прочувствовать, и тогда ясной станет позиция его «Современника». И совсем уж ясно, что дай Бог Пушкину еще десять-двадцать лет жизни, как пить дать, литературоведы радикального толка уже полтора столетия обличали бы «Современник» как верноподданническое, черносотенное, антидемократическое и пр. и пр. издание...

В этом смысле можно провести прямую параллель между пушкинским «Современником» в его эпоху, и правнуком его — «Нашим современником» в эпоху нынешнюю, когда в литературу вновь хлынула толпа: чужеродная, голодная, всепродажная, безликая и бесталанная. В очередной раз раздался клич сбросить Пушкина с парохода истории...

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнее блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,

Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!»

«Родословная моего героя»

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

А. С. Пушкин «Воспоминание»

Самое загадочное стихотворение Пушкина. *Признаемся себе: непривычно читать у Пушкина строки, выдержанные в такой мрачной экспрессии; не то чтобы Александр Сергеевич ассоциируется с этаким «веселым» поэтом навроде любимого им Парни, но обычный слог его, при всей информационной и эмоциональной емкости, независимо от фабулы стихотворения и идейной направленности, неизменно оптимистичен.*

Немалое число наиболее известных литературоведов и исследователей творчества и жизни поэта дружно выделяют это стихотворение, ставят его почти что обособленно от всего остального поэтического наследия Пушкина. Вместе с тем «Воспоминание» общепризнанно как самое великолепное творение, философское обобщение, лирическое откровение зрелого поэта. Однако его содержание, ассоциативные связи, причины, побудившие Пушкина к написанию этой исповеди души, вызывают много вопросов как у поклонников его творчества, а это все грамотные по-русски люди, так и у ученых-филологов. Автор этих строк в разговоре с одним из известнейших советских литературоведов, к сожалению, ушедшим из жизни в относительно молодом возрасте, Юрием Селезневым предложил свое понимание «Воспоминания» как мирового образца законченности формы художественной мысли и нашел позитивный отклик. Думаю, что в контексте данной «Колонки» нелишним будет поделиться с литературно-взыскательным кругом читателей своими соображениями.

При анализе законченности формы первоочередным является ответ на вопрос: каков «масштаб» отношения художественного выражения к породившей его художественной мысли, то есть соотношение интуитивного, художественного и логического в творческом познании?

Прежде всего, поражает большой объем черновых вариантов стихотворения (ПСС в 16 тт.; Т. III (Кн. 1), 1948); для примера переработки приведем строки первого варианта:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, в гоненьи и в степях
Мои утраченные годы.

Еще более усложняет загадку стихотворения история публикации. Датированное пометой Пушкина 19 мая 1828 года, только первая его часть была напечатана Пушкиным как с а м о с т о я т е л ь н о е произведение в «Северных цветах» за 1829 год:

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный разворачивает свиток...

(Окончание — см. эпиграф к разделу)

В этом виде стихотворение и известно широкому кругу читателей. Вторая же часть (строки 17—36) была впервые опубликована Анненковым в 1858 году в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» и обычно не включается в массовые издания произведений Пушкина. Отсюда и вопрос о целостности стихотворения. И третий момент — конкретность образов во второй части стихотворения. В любом случае следует постоянно держать в уме, что сам Пушкин опубликовал только первую часть (!).

По вопросу «разъятия» стихотворения на две половины, по-видимому, прав Б. В. Томашевский: «Ведь если Пушкин и отбросил этот конец по интимности, то эта интимность помешала ему ее доработать. Кроме того, еще неизвестно, насколько основательна эта догадка об «интимности» как решающем поводе. Быть может, здесь играли роль и мотивы чисто эстетические: придание стихотворению большей сжатости, выразительности и общности путем устранения перечня личных воспоминаний».

Как бы там ни было, но центральным в толковании и восприятии «Воспоминания» является вопрос об авторской идее. В стихотворении явно ощущается душевная угнетенность поэта; ее толкуют по-разному: первый биограф Пушкина Анненков трактует ее последекабрьской реакцией, разъединенностью поэта со столичным окружением; у В. В. Вересаева — это «тоска олимпийского бога», изгнанного за какую-то вину на землю грешную и пр. На наш взгляд, более всего истины в словах Толстого, многократно обращавшегося к стихотворению: «Во время моей вынужденной праздности — болезни — мысль моя все время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны. Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении «Воспоминание».

Это весьма примечательные слова, которые с полным основанием можно отнести с известным периодом в жизни самого Толстого; речь идет об известной «Арзамасской тоске» (1876 г.) — периоде, хотя и краткосрочном, но повлекшим за собой многие кардинальные изменения в характере и творчестве Льва Николаевича. Этот, описанный самим Толстым, психологический перелом, сопровождавшийся глубокой депрессией, проявлением сумеречных состояний, ощущением патологического страха смерти, проявлением наследственной отягченности, достаточно точно определил хронологические рамки рубежа двух основных этапов в жизни и творчестве писателя. Если до «Арзамасской тоски» Толстой, по преимуществу, писатель-беллетрист, то во втором его жизненном периоде с нарастающей динамикой прогрессирует художественно-творческое угасание, возобладает морализаторская, проповедническая, религиозная и обличительная тенденции.

Проводя допустимые аналогии, можно хотя и осторожно, но говорить о периоде написания Пушкиным «Воспоминания» как некотором рубеже. Действительно, если внимательно посмотреть на творческую хронологию поэта, то становится очевидным: именно в 1827—29 гг. в его творчестве наблюдается переход в высшую, г р а ж д а н с к и зрелую сферу литературной деятельности. Никакой речи и идти не может, что ослабело его лирико-поэтическое дарование, но все бóльшую роль приобретает драматургия, проза, во всей своей видимой «простоте» достигающая вершин философских обобщений, опыты в исторических изысканиях, то есть жанры, относящиеся к высшим литературным формам.

Причем, если у Толстого, равно как и большинства великих художников слова, коренной, рубежный перелом в творческой жизни — будем объективны и искренны — неизменно приводил к определенному снижению того качества, что принято называть творческим тонусом, и явлению, известному из психологии как «сдвиг мотива на цель», то в отношении Пушкина все наоборот. И этот рубеж можно с полным правом назвать как наступление периода высшей творческой зрелости. Может, это потому, что рубеж этот поэт встретил, еще не будучи тридцатилетним? — Возможно, но возможно и иное.

Есть такая наука э в р о п а т о л о г и я (бывшая «лженаука»), помещаемая где-то на стыке психологии творчества, гуманитарной и медицинской психологии, отчасти — психоанализа, основателем и наиболее значимым теоретиком и практиком которой полагается Г. В. Сегалин, издававший в 1925—30 гг. в Свердловске журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)». Основная идея этой науки суть утверждение о том, что гениальность есть в определенном смысле патология, то есть выход за нормальные для (среднего) человека рамки, но — в отношении качеств творческого самовыражения; как и в медицине, патология суть отклонение организма от характеристик нормального функционирования. Это диковато звучит для уха рядового читателя, но ведь в обыденной жизни мы одинаково хорошо относимся к коллегам по работе Ивану Ивановичу и Петру Петровичу, хотя второй имеет явный «недостаток»: он непереученный левша и свободно пишет служебные записки и отношения как правой, так и левой рукой... Скорее, наоборот.

Понятно, что придуманная свердловским врачом эвропатология не имеет строгой методологической базы (а разве ее имеет хоть одна из отраслей психологической науки?), но закрыли журнал Г. В. Сегалина, скорее, потому, что он пошел дальше и на примере творческих и жизненных биографий многих гениев и талантов доказал, что практически всегда эвропатология личности дополняется и определенной патологией личности, психики чаще всего. Увы, это закон природы по принципу: где прибудет, а рядом убудет. В науке это называется расплатой за гедонизм. Сегалин здесь далеко не одинок: авторитеты Ломброзо, Ясперса, Фрейда, многих отечественных психиатров (Ганнушкин, Гиляровский) многое значат.

Так вот, по этим самым авторитетным мнениям Пушкин в числе тех немногих гениальных творцов, для которых, исключая объясняемую у Александра Сергеевича африканским темпераментом вспыльчивость, эвропатология не сопровождалась патологией личности! Поэтому-то и укоренилось за Пушкиным определение: «ч и с т ы й г е н и й».

Однако никому не дано обойти законы природы, в данном случае законы развития психической конституции творчески одаренной личности. Для каждого художника неизбежен переломный этап, как неизбежна ломка голоса в переходный от отрочества к юности возраст. Не будем даже «на пальцах» касаться биомедицинских механизмов этого перелома или перехода: специалисты знают, а другим ни к чему голову забивать. Одно несомненно: даже у абсолютно душевно здоровых творческих

личностей этот переломный переход сопровождается своей «Арзамасской тоской». Симптомы ее мы находим одинаково в дневниках Толстого и в тексте «Воспоминания» Пушкина: душевная неустроенность, неуверенность в будущем, а более всего в настоящем, доходящее в апофеозе почти что до отрицания наличия смысла в предыдущей жизни, постоянные гипертрофированные укоры совести за прошлые грехи, словом, то, что по-русски называется маета. Это своего рода самоочищающая душу переоценка ценностей, за которой следует полная творческая зрелость художника и новый расцвет его таланта.

Художник же слова не был бы писателем или поэтом, если бы просто запил, загулял, как более простодушные люди во время маеты и хандры, нет, он обязательно изложит свои метанья на бумаге. Толстой это делал в дневниковых записях, а впоследствии отображал свое состояние в период кризиса на героев своих произведений; у Пушкина же это вылилось, а точнее выкристаллизовалось, в самом его загадочном стихотворении.

Осталось еще уяснить причину двухчастности стихотворения, на чем ломают копья полтора с лишком века маститые литературоведы. Очевидно, автор «Воспоминания» — осознанно ли, в подсознательном ли акте творения? — оказался гораздо «холоднее рассудком», нежели все его позднейшие комментаторы, разделив задуманное стихотворение на два самостоятельных, хотя очень близко стоящих друг к другу, стихотворения: «Воспоминание», состоящее из первых шестнадцати строк — лирико-философское размышление, и второе, относительно самостоятельное произведение (17—36 строки текста) — лирическая жалоба — воспоминание о тяготах жизни полуопального поэта, о былых в его жизни «ангелах-заступниках».

Заметим, что в литературоведении принято сопоставлять «Воспоминание» с «Думой» Лермонтова, написанной десятью годами позднее. Так вот, сопоставлять-то можно как раз — и только — первую часть.

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Много вашими устами
Пил я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пел я ваши имена!
И в удалом хоре звуков
Целы, радостны они
Будут жить у дальних внуков,
Прославляя наши дни...

Н. Языков

Пушкинский памятник Дельвигу. *Продолжая тему Пушкина-публициста и журналиста, предварим настоящий раздел необходимым пояснением: почему именно такая тема нами выбрана? Выбрана, понятно, не случайно, благо многогранное творчество поэта дает множество степеней выбора.*

Выбор темы во многом диктуется характером и значением самого конкретного издания печати. Газета, в классическом ее понятии, есть орган оперативной информации, дополняемой малыми жанрами публицистики, прозы и поэзии. Такими

были ведущие русские газеты прошлого века, в том числе и основанная с участием А. С. Пушкина «Литературная газета»; эту же традицию продолжила советская пресса. Всех их характеризовало оптимальное сочетание хроники, аналитических обобщений, обзоров различных сторон текущей жизни страны и зарубежья, разножанровой публицитики, произведений «малой» литературы. Сюда же следует добавить высокий уровень грамотности публикуемого материала; далее — цензура, а вообще-то говоря — строгая и оправданная самоцензура в отношении политической, нравственной, этической сторон содержания газеты. Кстати, учитывая сегодняшнюю повальную, вопиющую безграмотность изданий периодики, напомним, как ответственно и квалифицированно к оформлению печати относились еще в недавние времена... В бытность своей учебы в Литературном институте слышал рассказ на эту тему преподавателя по курсу практической грамматики; тот уже тридцать с лишком лет совмещал преподавание со штатной работой в «Правде», где в его обязанности единственно входило раз в месяц выполнять подробнейший грамматический и стилистический анализ произвольно выбранного номера газеты. Отчет этот шел в соответствующий отдел ЦК КПСС, откуда и спускались, по мере необходимости, соответствующие директивные указания в редакцию центрального органа... Именно поэтому рассмотрим публицистическую, журналистскую сторону творчества А. С. Пушкина (в дополнении к сказанному).

Однако вернемся после пространного, но необходимого вступления к теме о Пушкине-журналисте и Пушкине-друге. Обилие мемуаров и литературных жизнеописаний, посвященных Пушкину и изданных более чем за полутораста лет со дня гибели поэта, дает вполне исчерпывающий ответ на вопрос о друзьях Пушкина. Имея представление о натуре и характере поэта, его окружении и других ситуационных и событийных сторонах его жизни, не приходится удивляться, ставить под сомнение сформировавшееся мнение, что число друзей было очень и очень ограничено; ограничено — несопоставимо с общественной и литературной значимостью Александра Сергеевича. Исключая дружественных к поэту женщин, но это совсем иной круг общения, число это очень мало, в основном — сохранившиеся друзья от лицейских лет и кружковцы «Арзамаса»: Дельвиг, Вяземский, Кюхельбекер, Жуковский, Баратынский, Пущин.

Несомненно, что первым и наиболее искренним другом поэта был Дельвиг; со школьных лет помним мы пушкинские строки, посвященные ему. Через призму времени сложно однозначно, вербально так сказать, определить истоки и движущую силу этой дружбы. Не претендуя на истину в последней инстанции, все же полагаем далеко не последней причиной эту-то присущую Пушкину и Дельвигу черту характера, определяющую в человеке все — от образа мыслей до черт поведенческих — которую емко и кратко называют п а т р и о т и з м о м и г р а ж д а н с т в е н н о с т ь ю.

Казалось бы, не потомку эфиопских князей Пушкину и остзейскому барону Дельвигу выпячивать эти черты, но они их вовсе не выпячивали, а были изначально, имманентно пронизаны ими. Для России это не парадокс, но чисто русская норма; как спустя столетие величайшим выразителем русского духа, его воли, характера и величия стал грузин Джугашвили-Сталин со сподвижниками, тоже далеко не всегда этническими русскими... Кстати об остзейских немцах. Две мировые войны, в которых силы Мирового зла столкнули — против их воли и разума — в смертельной схватке русскую и германскую нации, наложили в нашей литературе, пропаганде, образе мышления печать негативизма на роль этнических немцев в новейшей, то есть послепетровской истории России. Так и остались в ней только бироновщина, немецкое засилье в только что созданной Академии, где их лупил по мордасам Михайла Ломоносов, да лесковские персонажи глуповатых карлов с «железным характером».

На этом, правда, вполне объяснимом исторически негативном фоне напрочь забыта, отринута та положительная и весьма немалая по своему вкладу роль остзейских немцев в становление Российской империи, в состав которой они вошли с присоединением Петром к России ее исторических прибалтийских земель: Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Приняв русское подданство — не народу русскому, но государю-императору, остзейцы вписали немало ярких страниц в историю империи: открыватель Антарктиды Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, филолог Фасмер, математик Эйлер... перечислять можно долго и обоснованно. Да и одиозная фигура Бенкендорфа, если отбросить эмоции, в своей государственной пользе позитивна. Уже и не говорим о русских императорах: полунемцах, а то и вовсе немцах. Да и российский флот в XIX и начале XX вв. своей выправкой, дисциплиной и боевым искусством обязан остзейским немцам, поколениями дававшими ему офицерский состав. Вот из таких — не гастролеров «на ловлю счастья и чинов», но верных государственных подданных — немцев и происходил барон Дельвиг, что так много значил в жизни Пушкина, к кому так часто обращался поэт в своих стихах.

14 января 1831 года умер Дельвиг, которого с Пушкиным связывала не только личная дружба, но и его журналистская деятельность, к которой поэт все активнее стремился с конца двадцатых годов. «Литературная газета» и «Северные цветы», которые мы привыкли ассоциировать с именем Пушкина, были основаны и издавались Дельвигом. «Литературная газета» просуществовала недолго, но и она, и альманах «Северные цветы» пережили своего создателя. Об активном участии Пушкина в альманахе, выходившем с 1825 по 1832 год, свидетельствуют опубликованные в нем произведения: отрывки из «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», «Моцарт и Сальери», «Граф Нулин», «Бесы», «Анчар», «Воспоминание», «19 октября». Перечисление пушкинских шедевров можно продолжать и продолжать.

Выпуск альманаха за 1832 год был последним и недаром его называют пушкинским памятником Дельвигу. Сама мысль издания посмертного выпуска была инициирована Плетневым в пользу отнюдь не богатой семьи Дельвига и была словом, а главное делом поддержана Пушкиным: «Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами»... Однако денежные дела никак не превалируют над основной мыслью: увековечить изданием альманаха память друга и поэта.

Исходя из такого намерения, Пушкин и отбирал произведения постоянных авторов альманаха — соратников и спутников Дельвига. Поэтому наиболее значимым стал отдел поэзии; кроме пяти стихотворений самого Дельвига («К Морфею», «Сонет» и др.), в нем были помещены поэтические произведения, посвященные Дельвигу Баратынским, Языковым, Деларю. Подвел Пушкина Плетнев, поначалу обещавший для выпуска «Северных цветов» заказную, как бы сейчас сказали, статью о жизни и творчестве умершего поэта и издателя. Последнее очень огорчило Пушкина, проявлявшего отнюдь не вольнолюбиво-поэтическую твердость в делах, касающихся дружбы, памяти и обязательств.

Кроме указанных произведений, в поэтический раздел вошли стихи самого Пушкина: «Анфологические эпиграммы», «Эхо», «Дорожные жалобы», «Делибаш», «Анчар», «Бесы». Центральным же в разделе поэзии был «Моцарт и Сальери». Остальные из 82-х стихотворных произведений альманаха были представлены именами В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского, Ф. Н. Глинки, М. Д. Деларю и менее известными ныне поэтами пушкинского круга: Е. Ф. Розен, Д. Ю. Струйский, Л. А. Якубович, сестры Тепловы и др.

Отдел прозы был выдержан в традициях «Северных цветов», то есть наряду с художественной прозой («Предслава и Добрыня» К. Н. Батюшкова, «Страшный суд» И. И. Лажечникова и др.) здесь был представен этнографический очерк

Н. Я. Бичурина «Байкал», «О жизни растений» М. А. Максимовича, «Нечто о науке» М. П. Погодина. Но все же жемчужиной памятного выпуска, как ни крути, оказался поэтический раздел, оно и понятно — составлял-то альманах Поэт! И здесь же вослед литературоведам, многократно обращавшимся к «Северным цветам» за 1832-ой год, отметим бросающееся в глаза при прочтении (это доступно всем, учитывая, что в 1980 году издательство «Наука» в серии «Литературные памятники» переиздало этот выпуск альманаха): даже на фоне имен — цвета тогдашней русской поэзии бросается в глаза определенная неадекватность творений Пушкина и поэтов его времени и круга. Как пишет литературовед-пушкинист Л. Г. Фризман: «Трудно сказать, в какой мере современники отдавали себе отчет в несоизмеримости пушкинских произведений с самыми несомненными творческими достижениями его поэтических спутников, но мы видим ее ясно... Может быть, «Северным цветам» за 1832 год не довелось стать памятником Дельвигу в той мере, в какой к этому стремился Пушкин. Но они стали несомненным памятником поэзии пушкинской эпохи. Конечно, они не заменят нам сборников стихов отдельных поэтов. Но и эти сборники не подарят читателю тех чувств, которые он испытывает, перелистывая знаменитый альманах. Он сберег для человечества нетленную частицу художественного мира, к которому оно будет тянуться, может быть, не одно столетие».

Внемли же ныне, тень поэта,
Певцу, чью лиру он любил,
Кому щедроты бога света
Он в добрый час предвозвестил.
Я счастлив ими! Вдохновенья
Уж стали жизнию моей!
Прими сей глас благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Из милой памяти людей
Уйдут в несносный мрак забвенья
Все, все!.. Но лучшее, одно
Да не погибнет: вот оно!

Н. Языков «А. А. Дельвигу»

Разные бывают памятники: кому его «родная» страна, разоренная при его деятельном участии, но людям светлой души и помысла, как правило, это нерукотворный памятник.

Пророки в отечестве своем. *И. Бунин в своей книги «Освобождение Толстого» цитирует Льва Николаевича: «Люди, ненавидящие существующий строй и правительство, представляют себе какой-то другой порядок вещей и даже никакого себе не представляют и всеми безбожными, бесчеловечными средствами — пожарами, грабежами, убийствами — разрушают этот строй... Но дело не в перемене правительств.*

Разве жизнь станет лучше, если вместо Николая II будет царствовать Петрункевич?»

Кстати, знаменательное совпадение с пророческими словами Толстого с астрономической точностью: не так уж давно в Санкт-Петербурге Ленинградской области прошли ритуальные похороны останков, предполагаемых людьми заинтересованными как кости Николая II и его семьи. А хоронили их исключительно петрунке-

вичи, «жадною толпой стоящие у трона» тогдашнего... Все в наши дни символическое, сакральное, на грани овеществленной мистики: и похороны, и ураган, сломавший зубцы кремлевской стены, и обещание генерала Рохлина вывести на столичную площадь новых декабристов...

Итак, пророчество в Отечестве своем. Народная мудрость гласит, что таких пророчеств и их носителей-пророков нет. Позволим себе усомниться, ибо очень часто неверно трактуют смысл пророчества, а он прост изначально: тот, кто приоткрывает картину будущего, опираясь на всесторонний анализ настоящего и прошлого. Логическим, даже сверхорганизованным умом этого сделать нельзя; это доступно только человеку с преобладающей подсознательной компонентой мышления; обычно это есть художественные натуры, потому и большинство пророков из их числа, начиная от собственно пророков ветхозаветных, от Будды и Магомета и все далее и далее по направлению исторической цивилизации. В отношении судеб России за последние 100—120 лет таких пророков нам явилось два: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой.

Главное, что пророк никогда не разрушает свое государство. Принято считать, что Толстой это делал своим поздним философско-публицистическим творчеством. Это совершенно не так; видя сложность и опасность исторической ситуации, в которую попала Россия на рубеже веков, да еще при самом из бездарных царей за всю тысячелетнюю историю государства, Толстой, заранее обреченный на неуспех, со своей яснополянской трибуны пытался предупредить людей о страшном грядущем, наставить их на путь истинный, при этом любя их, связывая свою судьбу с их жизнью. Так мать воспитывает ребенка в опасном его переломном возрасте: то хвалит, то ворчит, приласкает и тут же даст предупредительную оплеуху...

На совершенном контрасте предстает в новейшей истории СССР-России Вермонтский отшельник, которого иные еще недавно пытались представить русским пророком XX века. Увы, вся его энергия ушла на разрушение государства, движимая гипертрофированной личной обидой. На созидательную деятельность ее уже не хватило, потому и участь его печальна: не понадобился он ни прежним, ни новым, словом, полное забвение. (Опять же понятно — о ком идет речь.)

Второе непременное качество пророка — патриотизм — прямо-таки вытекает из сказанного выше. Хотя поздний Толстой и любил цитировать слова космополита XIX века доктора Джонсона, что-де патриотизм есть последний довод негодяя, но это адресовалось к людям в маске патриота, типа нынешних «пэров и мэров», не говоря уже о губернской мелочи, ищущих политическую конъюнктуру.

Причем патриотизм этот обязательно включает и личное служение государству. Толстой стоял под англо-французскими пушками в Севастополе, служил чиновником в Туле, в позднем возрасте работал в земстве, а этнограф (и полковник опять же внешней разведки) Миклухо-Маклай по заданию Генштаба создавал разведывательную сеть в Океании — планировавшийся объект российской экспансии...

Вот в этом-то они и отличаются от лжепророков-разрушителей: не таят обиду на свой народ и свое государство. Ведь и Достоевский на каторге был, стоял на эшафоте, и Толстого государственная церковь объявила временно отпавшим от нее (отнюдь не отлученным, тем более — преданным анафеме, как принято почему-то считать!). Редко дети на мать обижаются до степени непризнания и мщения.

Итак, вернемся к пророчеству Толстого, сбывающемуся в наши архиокаянные дни. «Но дело не в перемене правительств». Это надо понимать именно так, как думал Толстой, оценивая реальную ситуацию в России столетней давности. А ситуация опять-таки во многом схожа с нынешней; прямо-таки установившийся 100-летний цикл, подобный циклам солнечным, планетарным.

В то время Россия путем неимоверных усилий, лишений и жертв сумела переломить ситуацию, подавить в своем теле бациллы индивидуализма, космополитической пустоты, заразы торгашества. Быть может, во многом и потому, что еще не успели истлеть идеи и мысли только недавно почивших великих русских Учителей и Пророков.

К новому наступлению сил мирового зла мы их обрести не успели, слишком страшным выдался отпущенный век. И это отсутствие пророков нынешних скажется.

Закончим это краткое эссе пространной цитатой из статьи Толстого «К рабочему народу» (1902 г.) и подумаем над этими словами:

«Мы говорим: рабочий народ порабощен правительством. Богатыми. Но кто же эти люди, составляющие правительство и богатые классы? Что это — богатыри, из которых каждый может победить десятки и сотни рабочего народа? Или их очень много, а рабочего народа очень мало? Или только эти люди, правители и богатые, одни умеют работать все нужное и производить все, чем живут люди? Ни то, ни другое, ни третье: люди эти не богатыри, а, напротив, расслабленные. Бессильные люди... И все, чем живут люди, производится не ими, а рабочими, они же и не умеют и не хотят ничего делать, а только пожирают то, что делают рабочие. Так отчего же эта маленькая кучка слабых, праздных, ничего не умеющих и не хотящих делать людей властвует над миллионами рабочих? Ответ есть только один: происходит это оттого, что рабочие руководятся в своей жизни теми же самыми правилами и законами, которыми руководятся и их угнетатели. Если рабочие работают и не пользуются в такой степени трудами бедных и слабых, как неработающие правители и богатые, то это происходит не оттого, что они считают это нехорошим, но оттого, что не могут и не умеют этого делать, как делают это правители и богатые, более ловкие и хитрые, чем остальные. ***Правители и богатые властвуют над рабочими только потому, что рабочие желают точно так же и теми же способами властвовать над своим же братом рабочим*** *(Выд. нами — А. Я.)».*

Толстой и Сталин: теория и практика восстановления общинной идеи на Руси. *В предисловии к первому тому Юбилейного полного собрания сочинений Льва Толстого в 90 томах (1928—1964 гг.) редакционная коллегия издания (В. Г. Чертков и др.) уведомляла читателей, что предпринятое собрание является полным, исключая неразобранные слова, слова «неудобные для печати», а также высказывания о лицах, которые ныне живы и которых это может уязвить. То есть речь идет о рукописях пресловутого «зеленого сундука». Вряд ли там есть хоть слово о И. В. Сталине, еще не попавшем в первом десятилетии века в большую политическую орбиту. Скорее, речь идет о фигурах масштаба (на тот момент времени) бóльшего.*

Определенная сдержанность в отношении Толстого присутствует и в опубликованных работах и высказываниях Сталина, даже учитывая предельную лаконичность в оценках и характеристиках Вождя. Здесь важнее д е л о, а не слова, проявившееся во всяческой поддержке издания 90-томника; напомним, что большинство томов было издано в период 1937—53 гг., обычно относимых историографами к «вершине власти» Сталина. Для сравнения: издававшееся в 70—80-е гг. 30-томное собрание сочинений Ф. М. Достоевского бесконечно тормозилось в части издания «Дневников писателя», как следует понимать, из-за мощного давления отечественной и мировой сионисткой закулисы. А нынешние бойкие перья без конца плачутся, что-де эти годы были периодом «государственного антисемитизма»?!

Сказанное выше следует понимать в том смысле, что отношения Толстого и Сталина суть ситуация разделенных во времени, в роде основной деятельности, в классовой, то есть общественно-социальной, принадлежности отношений Старшего и Младшего; в литературно-философской аранжировке это соответствует диспозиции «автор — читатель».

...И второй, уточняющей тему настоящего очерка, вводный момент из недавнего прошлого. В преддверии 170-летнего юбилея Льва Толстого в стране и в мире был проведен ряд научных мероприятий — конференций, симпозиумов и пр.,— литературной и философско-этической направленности, где одним из основных обсуждаемых был вопрос: «Почему Россия не пошла путем, указанным Толстым?» Что тут сказать. Многое, но все говоримое речелюбивыми гуманитариями, а это стопроцентный состав участников всех этих мероприятий, укладывается в два исходных тезиса: а) заработать долларовую подачку вершителя дум современной науки России венгерского уроженца Сороса; б) удержаться, дотянуть до пенсии на своей доцентско-профессорской должности столь переимчивых ныне гуманитарных кафедр ВУЗов, число которых по программе Бжезинского-МВФ должно быть в России сокращено с 500 до 50 (?!).

Бедные они, бедные, даже беднее чем вся наша уничтожаемая и унижаемая страна. Сразу вспоминаю своих коллег, преподавателей кафедр общественных наук; как они, морщась, по воскресеньям напиваясь, чтобы притушить ощущение собственного, но вынужденного (семью-то кормить надо!) ренегатства, готовят и читают студентам лекции, по содержанию антиподные тем, что читали с исторических аспирантских времен своей молодости: где было белое — ставить черное, коллективизм советского общества — поменять на благонесущий волчий индивидуализм «нового русского» и пр.

Также непросто и вроде бы ныне находящимся в фаворе экономистам-профессорам. Лихорадочно перелистывая на старости лет толстенные переводные тома пресловутой «Экономикс», изданные под эгидой того же Сороса и «Горбачев-фонда», они выискивают критерии экономического благосостояния современного общества: то им рекомендуют критерий «количество энергоносителей», то критерий «денежной массы». А они, забывшие, что есть и будет наука политэкономия, не понимают, что критерием современной мировой экономики есть число авианосцев у преуспевающей державы, и чем их больше, тем больше тонн ничем не обеспеченных долларов можно напечатать и расплачиваться этими, равными по цене туалетным, бумажками с 90 % населения Земли...

Но эта тема может увести нас далеко, поэтому вернемся, уточнив предмет нашего размышления, к существу декларированного в заголовке.

В том-то все и дело, что Россия в государственной форме Союза Советских Социалистических Республик пошла путем Толстого; естественно не директивно указанным яснополянским мудрецом, но созвучным духу его учения. И то, что Россия пошла этим, изначально адекватным русской национальной идее, путем, позволило, с одной стороны, еще на 70 лет продлить существование Русской империи меча и духа, причем не просто продлить, но впервые в ее тысячелетней истории вывести в сверхдержаву и сделать провозвестником будущего социального и экономического устройства мира, то есть на новом витке диалектической спирали повторить итоги Великой Французской революции. С другой и, увы, печальной стороны, столь резким прорывом в будущее и реализацией национальной идеи Россия подписала себе смертный приговор, де-факто исполненный в результате проигрыша силам Мирового зла Третьей мировой («холодной») войны.

А теперь сформулируем базовый тезис. В упрощенном, завуалированном, во многом вульгарном философско-литературоведческом подходе, что называется «для

домохозяек», учение Толстого-проповедника в последние 30 лет его жизни сводится к самосовершенствованию личности, как онтологической первооснове этического прогресса человечества. Это есть движущий принцип ведической философии и практика буддизма. Я приношу извинение читателям, что приходится для массового прочтения подыскивать «житейские» синонимы строгим научным определениям. Во многом этому способствовал и сам Толстой, включая, причем обильно, ведические и буддийские жизнеописания, афоризмы и максимы в свои философско-просветительские работы: «Путь жизни», «На каждый день», «Круг чтения» и др.

Именно потому, что Толстой терминологически акцентировал слово «личность» в своем морально-этическом учении, дало, а ныне и тем более дает, повод к полному извращению философии Толстого и причислению его к апологетам западно-восточного индивидуализма. В этом и вторая, после «яснополянского ухода», трагедия Толстого и его учения.

Воистину, человек видит в любых явлениях жизни, в поступках и деяниях то, что он видеть хочет. Какой же, эквивалентный ныне господствующему в мире индивидуализму, в основе своей западноевропейской протестантской, кальвинистской модели, самодовлеющий момент можно найти в творчестве Толстого: от грандиозной эпопеи «Война и мир» до малоизвестного рассказа «Суратская кофейня», в публицистике поздних лет, наконец, во всей личной и общественной жизни и деятельности Льва Николаевича?

В том-то и дело, что в основе этики самосовершенствования лежит общинная идея, а это является выкристаллизованной движущейся силой исторического этногенеза русской нации. Действительно, в мире западно-восточного индивидуализма самосовершенствование личности есть вредный анахронизм, как полностью отвергающий вседовлеющую власть денег, накопительства, что является сутью Европы, «американской мечты», конфуцианской морали, прагматизма Востока — не мусульманского, а скороспело «цивилизующегося» азиатско-тихоокеанского Востока. Ибо самосовершенствование есть высшая ступень осознанного подчинения личности коллективной идее национальной, духовной государственности. Сравни: свобода есть осознанная необходимость. Этой-то идее, более того — философско-этической парадигме, подчинено все творчество Льва Толстого, его воззрения и собственный жизненный образец.

Второй существенный момент: русская общинная идея есть глубоко интернациональная, что почти что продекларировано Толстым в «Суратской кофейне», а в историческом этногенезе Руси это наглядно выявилось в создании уникальных и единственных в новейшей истории многонациональных государственных образований: Российской империи и Советского Союза.

В то же время существование и развитие сверхдержавы, движущей силой которого являлась и н т е р н а ц и о н а л ь н а я общинная идея, было одним из немногих (второе основное — исламское сообщество), но наиболее могущественных факторов на пути мирового господства идеи н а д н а ц и о н а л ь н о й, которую характеризуют по-разному: Мировое правительство, мондиализм, атлантизм и пр. А еще точнее и конкретнее эту противоборствующую идею лучше называть сатанизмом. На сегодняшний день, когда разрушен главный форпост евразийской общинности, сатанизму противостоят только исламский и китайский факторы противодействия.

Попыток уничтожения общинной по духу Руси история насчитывает несколько: Хазарский каганат, тевтонский натиск XIII века, католическая экспансия начала XVII века, восстание масонов-декабристов, череда революций 1905—17 гг. И только нынешний достиг своей цели. Если Толстой был наиболее выдающимся теоретиком общинной идеи предреволюционной поры, то гениальным ее практиком стал в XX веке Иосиф Виссарионович Сталин.

Сквозь оголтелую, оболванивающую ложь масс-медиа и мегатонны псевдонаучной макулатуры, выплескиваемой уже свыше сорока лет — с перерывом на время руководства страной «поздним Брежневым», трудно обычному человеку безоговорочно принять такую роль Сталина, особенно в сопоставлении с учением Толстого, но это именно так.

Возрожденная и многажды усиленная Иосифом Виссарионовичем русская империя духа — СССР имела своим основанием глубочайше понятый и воплощенный коллективизм (синоним общинности); последний прочно стоял на двух «китах»: самосовершенствовании личности и подлинный интернационализм.

Вопрос о приоритете всестороннего развития личности в становлении общинной идеи в практике построения социализма в СССР зачастую сводят к декларированному в Моральном кодексе строителя коммунизма, то есть осовремененным по терминологии основным заповедям христианства, хотя и это уже немало. Однако сталинская система воспитания, выработки мировоззрения, поддержания мироощущения, наконец, есть структурно система намного более сложная и динамичная, поскольку она вырабатывалась в самом процессе становления Советской империи духа и неослабевающего противодействия сатанизма.

Отринув извечный масонский девиз «Свобода, равенство, братство», сформулированный в XVII веке братством розенкрейцеров, великий практик самосовершенствования и общинности сформулировал и претворил в жизнь людей 1/6 части планеты следующие, обоснованные еще Толстым, идеи.

Свобода, как осознанная необходимость, предполагает неограниченное саморазвитие личности, включая духовное и этическое, образовательное, конечной целью которого является наиболее полное служение г о с у д а р с т в е н н о й идее общинности.

К 215-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА (1799 — 1837)

Александр Сергеевич Пушкин

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

Посвящение

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть украдкой,
На песни грешные мои.

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,

И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;

Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русской дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Федор Михайлович Достоевский

ПУШКИН
Очерк

Произнесено 8 июня 1880 г. в заседании Общества любителей российской словесности

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание. Я делю деятельность нашего великого поэта на три периода. Говорю теперь не как литературный критик: касаясь творческой деятельности Пушкина, я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческом для нас значении его и что я в этом слове разумею. Замечу однакоже, мимоходом, что периоды деятельности Пушкина не имеют, кажется мне, твердых между собою границ. Начало «Онегина», например, принадлежит, по-моему, еще к первому периоду деятельности поэта, а кончается «Онегин» во втором периоде, когда Пушкин нашел уже свои идеалы в родной земле, восприял и возлюбил их

всецело своею любящею и прозорливою душой. Принято тоже говорить, что в первом периоде своей деятельности Пушкин подражал европейским поэтам: Парни, Андре Шенье и другим, особенно Байрону. Да, без сомнения, поэты Европы имели великое влияние на развитие его гения, да и сохраняли влияние это во всю его жизнь. Тем не менее даже самые первые поэмы Пушкина были не одним лишь подражанием, так что и в них уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его гения. В подражаниях никогда не появляется такой самостоятельности страдания и такой глубины самосознания, которые явил Пушкин, например, в «Цыганах» — поэме, которую я всецело отношу еще к первому периоду его творческой деятельности. Не говорю уже о творческой силе и о стремительности, которой не явилось бы столько, если б он только лишь подражал. В типе Алеко, герое поэмы «Цыганы», сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потом в такой гармонической полноте в «Онегине», где почти тот же Алеко является уже не в фантастическом свете, а в осязаемо реальном и понятном виде. В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем. Отыскал же он его конечно не у Байрона только. Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей русской земле поселившийся. Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского — интеллигентного общества, то все равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастие, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится,— конечно, пока дело только в теории. Это 'все тот же русский человек, только в разное время явившийся. Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия после великой петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы. О, огромное большинство интеллигентных русских и тогда, при Пушкине, как и теперь, в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживают разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читают лекции — и все это регулярно, лениво и мирно, с получением жалованья, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские таборы или куда-нибудь в места более соответствующие нашему времени. Много, много что полиберальничают «с оттенком европейского социализма», но которому придан некоторый благодушный русский характер,— но ведь все это вопрос только времени. Что в том, что один еще и не начинал беспокоиться, а другой уже успел дойти до запертой двери и об нее крепко стукнулся лбом. Всех в свое время то же самое ожидает, если не выйдут на спасительную дорогу смиренного общения с народом. Да пусть и не всех ожидает это: довольно лишь «избранных», довольно лишь десятой доли забеспокоившихся, чтоб и остальному огромному большинству не видать чрез них покоя. Алеко, конечно, еще не умеет правильно высказать тоски своей: у него все это как-то еще отвлечено, у него лишь тоска по природе, жалоба на светское общество, мировые стремления, плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может. Тут есть немножко Жан Жака Руссо. В чем эта правда, где и в чем она могла бы явиться, и когда именно она потеряна, конечно он и сам не скажет, но страдает он искренно. Фантастический и нетерпеливый человек жаждет спасения пока лишь пре-

имущественно от явлений внешних; да так и быть должно: «правда, дескать, где-то вне его, может быть где-то в других землях, европейских, например, с их твердым историческим строем, с их установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то он не поймет, что правда, прежде всего, внутри его самого, да и как понять ему это: он ведь в своей земле сам не свой, он уже целым веком отучен от труда, не имеет культуры, рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безотчетные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество. Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно! Ну и что же в том, что, принадлежа, может быть, к родовому дворянству и даже весьма вероятно обладая крепостными людьми, он позволил себе, по вольности своего дворянства, маленькую фантазийку прельститься людьми, живущими «без закона», и на время стал в цыганском таборе водить и показывать мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выражению одного поэта, всего скорее могла подать ему надежду на исход тоски его, и он с легкомысленною, но страстною верой бросается к Земфире: «Вот, дескать, где исход мой, вот где может быть мое счастье, здесь, на лоне природы, далеко от света, здесь, у людей, у которых нет цивилизации и законов!» И что же оказывается: при первом столкновении своем с условиями этой дикой природы он не выдерживает и обагряет свои руки кровью. Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняют его — без отмщения, без злобы, величаво и простодушно:

Оставь нас, гордый человек
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,

Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить. Именно, именно чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду, или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам возопиет, может быть (ибо случалось и это), к закону терзающему и казнящему, и призовет его, только бы отомщена была личная обида его. Нет, эта гениальная поэма не подражание! Тут уже подсказывается русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не не тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоем собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостоин, злобен и горд, и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить». Это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснее выражено оно в «Евгении Онегине», поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй.

Онегин приезжает из Петербурга,— непременно из Петербурга, это несомненно необходимо было в поэме, и Пушкин не мог упустить такой крупной реальной черты в биографии своего героя. Повторяю опять, это тот же Алеко, особенно потом, когда он восклицает в тоске:

Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?

Но теперь, в начале поэмы, он пока еще наполовину фат и светский человек, и слишком еще мало жил, чтоб успеть вполне разочароваться в жизни. Но и его уже начинает посещать и беспокоить

Бес благородный скуки тайной.

В глуши, в сердце своей родины, он, конечно, не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слыхал и об родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность какой бы то ни было работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность,— и тогда, как и теперь, немногих,— смотрит с грустною насмешкой. Ленского он убил просто от хандры, почем знать, может быть от хандры по мировому идеалу,— это слишком по-нашему, это вероятно. Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Но манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз, в глуши, в скромном образе чистой, невинной девушки, так оробевшей пред ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял ее за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион, это после письма-то ее к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он ее и потом в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам, в письме к Татьяне, «постигал душой все ее совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него не узнанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на нее,— о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! Но этого не случилось, и искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив все таки очень честно, отправился с мировою тоской своею и с пролитою в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями:

Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил ее посетившею дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о

художественности, недосягаемой красоте и глубине этих строф. Вот она в его кабинете, она разглядывает его книги, вещи, предметы, старается угадать по ним душу его, разгадать свою загадку, и «нравственный эмбрион» останавливается, наконец, в 'раздумье, со странною улыбкой, с предчувствием разрешения загадки, и губы ее тихо шепчут:

Уж не пародия ли он?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. В Петербурге, потом, спустя долго, при новой встрече их, она уже совершенно его знает. Кстати, кто сказал, что светская, придворная жизнь тлетворно коснулась ее души и что именно сан светской дамы и новые светские понятия были отчасти причиной отказа ее Онегину? Нет, это не так было. Нет, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротив, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдает; она ненавидит свой сан светской дамы, и кто судит о ней иначе, тот совсем не понимает того, что хотел сказать Пушкин. И вот она твердо говорит Онегину:

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

Высказала она это именно как русская женщина, в этом ее апофеоза. Она высказывает правду поэмы. О. я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака — нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: «Я вас люблю», потому ли, что она, «как русская женщина» (а не южная или не французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием почестей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она «другому отдана и будет век ему верна». Кому же, чему же верна? Каким это обязанностям? Этому-то старику генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина, и за которого вышла потому только, что ее «с слезами заклинаний молила мать», а в обиженной, израненной душе ее было тогда лишь отчаяние и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, ее мужу, честному человеку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее «молила мать», но ведь она, а не кто другая, дала согласие, она ведь, она сама поклялась ему быть честною женой его. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он ее муж, измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его. А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? Ей бежать из-за того только, что тут мое счастье? Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастии? Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того — пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить, и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых выстроили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастие, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного

существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастие, остаться навеки счастливыми? Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокою душой, с ее сердцем, столько пострадавшим? Нет: чистая русская душа решает вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счастия, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, и этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливою, загубив другого!» Тут трагедия, она и совершается, и перейти предела нельзя, уже поздно, и вот Татьяна отсылает Онегина. Скажут: да ведь несчастен же и Онегин: одного спасла, а другого погубила! Позвольте, тут другой вопрос, и даже, может быть, самый важный в поэме. Кстати, вопрос: почему Татьяна не пошла с Онегиным, имеет у нас, по крайней мере в литературе нашей, своего рода историю весьма характерную, а потому я и позволил себе так об этом вопросе распространиться. И всего характернее, что нравственное разрешение этого вопроса столь долго подвергалось у нас сомнению. Я вот как думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если б умер ее старый муж и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным. Надобно же понимать всю суть этого характера? Ведь она же видит, кто он такой: вечный скиталец увидал вдруг женщину, которою прежде пренебрег, в новой блестящей недосягаемой обстановке,- да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. Ведь этой девочке, которую он чуть не презирал, теперь поклоняется свет — свет, этот страшный авторитет для Онегина, несмотря на все его мировые стремления,— вот ведь, вот почему он бросается к ней ослепленный! Вот мой идеал, восклицает он, вот мое спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а «счастье было так возможно, так близко!» И как прежде Алеко к Земфире, так и он устремляется к Татьяне, ища в новой причудливой фантазии всех своих разрешений. Да разве этого не видит в нем Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? Ведь она твердо знает, что он в сущности любит только свою новую фантазию, а не ее, смиренную, как и прежде, Татьяну! Она знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что так мучительно страдает! Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь если она пойдет за ним, то он завтра же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь,— это «крест и тень ветвей над могилой ее бедной няни». О, эти воспоминания и прежние образы ей теперь всего драгоценнее, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасают ее душу от окончательного отчаяния. И этого не мало, нет, тут уже многое, потому что тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею. А у него что есть, и кто он такой? Не идти же ей за ним из сострадания, чтобы только потешить его, чтобы хоть на время из бесконечной любовной жалости подарить ему призрак счастья, твердо зная наперед, что он завтра же посмотрит на это счастье свое насмешливо. Нет, есть глубокие и твердые души, которые не могут сознательно отдать святыню свою на позор, хотя бы и из бесконечного сострадания. Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным.

Итак, в «Онегине», в этой бессмертной и недосягаемой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего над народом стоящего общества. Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьем своим, с исто-

рическою судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, Пушкин, и, конечно, тоже первый из писателей русских, провел пред нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят, как изваянные. Еще раз напомню: говорю не как литературный критик, а потому и не стану разъяснять мысль мою особенно подробным литературным обсуждением этих гениальных произведений нашего поэта. О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и все значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть и дух народа, его создавший, есть, стало быть и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека.

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни,—

сказал сам поэт по другому поводу, но эти слова его можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности. И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями, и так талантливо, так метко и так любовно писавших о народе, а между тем, если сравнить их с Пушкиным, то, право же, до сих пор, за одним, много что за двумя исключениями из самых позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие. У самых талантливых из них, даже вот у этих двух исключений, о которых я сейчас упомянул, нет-нет а и промелькнет вдруг нечто высокомерное, нечто из другого быта и мира, нечто желающее поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием. В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду, доходящее в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления. Возьмите сказание о медведе и о том, как убил мужик его боярыню-медведицу, или припомните стихи:

Сват Иван, как пить мы станем,—

и вы поймете, что я хочу сказать.

Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве.

Положительно можно сказать: не был бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни. Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимою силой (в какой это явилось потом, хотя все еще не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов. Этот подвиг Пушкина особенно

выясняется, если вникнуть в то, что я называю третьим периодом его художественной деятельности.

Еще и еще раз повторю: эти периоды не имеют таких твердых границ. Некоторые из произведений даже этого третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне. Внешность только будила в нем то, что было уже заключено во глубине души его. Но организм этот развивался, и периоды этого развития действительно можно обозначить и отметить, в каждом из них, его особый характер и постепенность вырождения одного периода из другого. Таким образом, к третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении. Некоторые из этих произведений явились уже после смерти Пушкина. И в этот-то период своей деятельности наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, не слыханное и не виданное до него нигде и ни у кого. В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его италиянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один изо всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из «Фауста», вот «Скупой рыцарь» и баллада «Жил на свете рыцарь бедный». Перечтите «Дон-Жуана», и, если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме «Пир во время чумы»! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня о чуме героя поэмы, эта песня Мери со стихами:

Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,—

это английские песни, это тоска британского гения, его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой...

Это почти буквальное переложение первых трех страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора,— но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреоборимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания. Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков Реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили. Кстати: вот, рядом с этим религиозным мистицизмом, религиозные же строфы из корана или «Подражания корану»: разве тут не му-

сульманин, разве это не самый дух корана .и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее? А вот и древний мир, вот «Египетские ночи», вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, уже презирающие гений народный и стремления его, уже не верящие в него более, ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием паучовой самки, съедающей своего самца. Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк.

В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее, то есть в смысле ближайше утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм,— ощутив эту цель опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однакоже, и непосредственно и вполне жизненно. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовию приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и наклонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в

государственной политике нашей. Ибо что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего. Да и высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадеянным: «это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?» Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя Христос». Почему же нам не вместить последнего слова его? Да и сам он не в яслях ли родился? Повторяю: по крайней мере мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и Бесчеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть по крайней мере на чем этой фантазии основаться. Если бы жил он дольше, может быть явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

КРУПНЫЙ ЖАНР: ПЬЕСА И ПОЭМА

Рагим Мусаев
(г. Тула)

СРЕТЕНИЕ

(Цвет надежды)
Драма

Родился 6 ноября 1977 года в г. Богородицке Тульской области. Окончил Юридический институт МВД России (юриспруденция) и Московский университет им. С. Ю. Витте (государственное и муниципальное управление). Живет и работает в Туле. Член белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Член Российского авторского общества. Публиковался в литературных журналах «Приокские зори», «Золотая Ока», «Ступени», «Край городов», «Пражский Парнас», периодической печати Владивостока, Дорогобужа, Калуги, Новокузнецка, Тулы, Орла, а также в сетевых альманахах и драматургических библиотеках русскоязычного Интернета. Пьесы ставились театрами Белгорода, Богородицка, Костромы, Элисты, Слонима. В 2010 году издана книга «Окно в театр». В 2011 году книга «Спасибо, что он был» заняла 1 место на Всероссийском ежегодном конкурсе на лучшее произведение о работе следователя. Лауреат международной литературной премии «Славянские традиции». В 2013 году драма «Сретение» заняла 1 место на Международном литературном конкурсе «Славянские традиции» в номинации «Драматургия».

Пьеса основана на фронтовых воспоминаниях моего деда, раненного зимой 1943 года под Мценском

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В 1943 году:
Владимир Саморуков, командир взвода ПТР.
Петр Тихонов, сержант.
Галя.
*Женщина-вра*ч.
Убитый солдат.

В наши дни:
Ветеран, он же Владимир Владимирович Саморуков.
Галина Ивановна.
Продавщица.
Внук Саморукова, тот же актер, что играет молодого Саморукова

Городище. Село в сотню дворов на стыке Тульской и Орловской областей.

И пылиться бы этому названию как месту слияния Оки и Зуши в географических справочниках, если бы не один факт.

Здесь в 1942 — 1943 годах проходила фактическая граница СССР.

Американцы умудрились превратить в массовом сознании поражение под Пирл-Харбором в подвиг своего народа. В то декабрьское утро 1941 года жертвами японской атаки стало более трех тысяч человек.

В феврале 1943 года после нескольких дней боев под Городищем от шеститысячной 116 отдельной морской стрелковой бригады не осталось и десятой части.

Морские пехотинцы сделали свое дело, голыми руками прорвав линию вражеских укреплений, почти два года считавшуюся неприступной. После этого стали возможны знаменитые победы в Орле, Курске, Белгороде, первый салют.

А тогда за массовый героизм бригаду морпехов решили выделить, добавив к названию «Тихоокеанская».

Не сложилось. Носить гордое звание оказалось некому.

Сотню еще державшихся за оружие подранков попросту распустили.

Да, число таких городищ, городков и городов в нашей стране не сосчитать. Как до сих пор не сосчитать числа погибших в ту войну.

А может, просто не считали?

Почему? Потому что... Потому, что.

Впрочем, и те бойцы героями себя не считали. Не считал себя им и мой еще двадцатилетний дед Владимир Саморуков. Он, как и все, просто защищал свой дом, свою маму, свое право на то, чтобы когда-нибудь его внук написал эти строки. И всю жизнь стыдился того, что ему пришлось убивать.

Как лихо мы умеем забывать.

Говорят, История — дама коварная, и повторяет все забытые людьми уроки. События и герои этой истории, случившейся с моим дедом 15 февраля 1943 года, подлинные. Тем не менее, смените форму солдат и имя их врага,— пьеса ничего не утратит. Увы. Слишком хорошо мы умеем забывать.

Может, пора вспомнить?

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Темнота. Стрельба, крики, взрывы снарядов.

Один взрыв слышен особенно громко.

Его звук перекрывает все.

Нависает звенящая тишина.

Высвечивается воронка от снаряда, в нее сваливаются два солдата.

Постепенно один приходит в себя, начинает трясти другого, кричать на него, но мы ничего не слышим.

Не слышит и второй солдат. Он контужен.

Постепенно к нему возвращаются сознание и слух.

Петя и Володя.

Петя: ...что ли надоело!? Куда лезешь? А еще лейтенант, твою дивизию! Чему вас только в училище учили!

Володя: Ммма... Ууу...

Петя: Чего мычишь? Терпи, лейтенант, скоро отпустит. Терпи, говорю. Слышишь? Погоди. Слышишь? Да не меня, вокруг слышишь? Стихает. Живые. Ты понимаешь, мы живые. Вон и солнышко скоро поднимется. День зачнется... Живем. Ну и что, что не-

понятно где. Хотя почему непонятно? Понятно. С одной стороны наши, с другой — фрицы. Дело проще пареной репы: мы где-то посредине. Еще бы понять, где наши, и, как стемнеет, по-пластунски, а там, глядишь, короткими перебежками и к своим. Напугал ты меня. Думал все, капут тебе. А куда я один? Вдвоем все сподручней. Вдвоем и умирать не так страшно. Чего молчишь? Как думаешь, умирать страшно?

Володя: Не знаю.

Петя: А я так думаю, чего там страшного? Одна секунда — и все. Ждать эту секунду страшно.

Володя: Вот стемнеет, дождемся.

Петя: Полундра! Это что за паника на корабле? Ты ж командир. Ты должен...

Володя: Иди к черту. Должен, должен...

Петя: Что, испугался? Ладно, я сам перетрухнул. Это мертвым все едино, а живым страшно. Со всех сторон одна пальба, ничего не видать, ребят косит. Куда бечь...

Володя: Живы, радуйся.

Петя: Я и радуюсь! Лейтенант, ты ж образованный. Вот скажи, правду говорят, будто перед смертью перед глазами вся жизнь проносится? Ну, вспышками, как в кино.

Володя: Проносится. Если есть чему проноситься.

Петя: Не, я думаю так: если перед смертью, то проносится. А если не проносится, то еще время не пришло. Вот тебя когда шарахнуло, ты что вспомнил?

Володя: Да ничего я не вспомнил, не успел.

Петя: Тебе, поди, и вспоминать нечего. Ты не обижайся, только что у тебя в жизни было? Школа, учебка, теперь война.

Володя: А у тебя что-то другое?

Петя: Сравнил! Я ж с Сухиничей! А на селе — это не в твоем городе. Чего только не пощупаешь! То посевная, то уборочная, то на ток, то за скотиной. Рассусоливать некогда. И везде успей.

Володя: И успевал?

Петя: А то! Еще и в ночь на речку поплавать успевал! Меня потому в морскую пехоту и послали, что я к любой службе годный, нигде не пропаду: ни на суше, ни на море.

Володя: Мне года три было. Родители привезли на Волгу. Отец поставил меня на камень у самой воды и отошел. Я стоял, смотрел на текущую воду, и вдруг все будто поплыло. Когда родители посмотрели на камень, меня уже не было.

Петя: Помер?

Володя: Самое главное, все вижу. Вижу дно, камешки, вижу пузырьки у меня из носа. Вижу. И будто все это не со мной.

Петя: Так помер?

Володя: Так вот я, живой. Нашли там же, у камня. То ли голова закружилась, то ли камень скользкий. Все быстро, не успел даже волжской воды как следует хлебнуть. Бог уберег.

Петя: Так его же нет.

Володя: И слава Богу! Вот после того случая кто-то наверху решил в море меня не пускать. Потому я моряк, но сухопутный.

Петя: Ты плавать-то умеешь?

Володя: Потом уже научился.

Петя: У городских всегда все потом.

Володя: Зато деревенские все видели и все могут.

Петя: Сам ты деревенский! А я с Сухиничей. Ну, то есть почти с Сухиничей. Село Стрельна, слыхал?

Володя: Не доводилось.

Петя: Что тебе вообще доводилось? Ты хоть целовался?

Володя: С девчонками?

Петя: Не с винтовкой же.

Володя: Нет. Не успел. А ты?

Петя: А то! У меня и невеста есть.

Володя: В деревне?

Петя: Сам ты деревня! У нас село. А невеста городская, из Калуги.

Володя: Когда ты с ней успел познакомиться? Ты же из своего села не выезжал никуда. На формировании что ли?

Петя: А чего теряться. Мы ж в Калуге почти три месяца стояли. *(Достает и показывает фотографию)* Смотри.

Володя: Как зовут?

Петя: Галя.

Володя: Красивая. Три месяца? И уже невеста?

Петя: А что, я парень видный. Да не завидуй. Ты жених хоть куда. Просто как это... Скромный очень. Бабы, они напор любят.

Затемнение

Вспышка 1

Поцелуй, которого не было.
Калуга, парк. Петя и Галя.

Петя: Красивый у вас парк. Фонтан даже. Я фонтан только в кино видел. Из него ведь вода?

Галя: До войны была вода. До войны все было. А там танцплощадка. Сейчас, правда, никто не танцует. Не с кем. Да и не в чем. Все платья наши Гитлер забрал.

Петя: Прям сам Гитлер и забрал?

Галя: Он нашу молодость забрал. У нас на заводе все девчонки в мужских сапогах и телогрейках. Тепло, конечно, только неправильно... А Светочка наша шутит: раз настоящих кавалеров не осталось, пусть хоть такая видимость по Калуге ходит.

Петя: Ну, еще мы есть.

Галя: Вы... Сегодня есть, а завтра и вам в дорогу.

Петя: Наше дело военное.

Галя: Конечно. Только война — неправильно это. Поможете нам с дровами? У мамы здоровье не то, а одной мне сил не хватает мерзлую землю копать.

Петя: Почему землю? Ведь дрова...

Галя: Тут в парке немцы во время оккупации свое кладбище устроили. Чудно так. Кресты со свастикой. Целая поляна. Его же все равно сносить будут. А дров в Калуге не хватает. Поначалу мы крестами топили, а потом кто посильней стали гробы выкапывать и ими топить.

Петя: Как гробами? А фрицев куда?

Галя: Да никуда. На что они? Поначалу они там же в парке валялись, а потом ребята приспособились на них вместо санок по склону Оки кататься. Они обледенелые, скользят хорошо. И вот ребята на них вниз скатятся, а наверх тащить ленятся. Так в проруби их и потопили. Ну что, поможете?

Петя: Галя, вы мне на фронт напишете?

Галя: Какой у вас адрес?

Петя: 116 отдельная морская стрелковая бригада, рота противотанковых ружей, третий взвод, сержанту Тихонову. А какой ваш адрес?

Галя: Вон ту калитку видите?

Петя: Серую?

Галя: Вообще-то она голубого цвета. Там я и живу. Значит, лом и лопата у меня есть. Еще нужно снега набрать, и тогда мы с мамой вас чаем напоим.

Петя: Снежным?

Галя: У нас заварка есть! Настоящая.

Петя: Никогда еще не копал дрова и не пил настоящий снежный чай.

Затемнение

Явление второе

Петя и Володя.

Владимир осторожно выглядывает из воронки и всматривается вдаль.

Петя: Ну что там уже?

Володя: Да не видно ничего.

Петя: Церкву, церкву на холме ищи. Крест должен блестеть.

Володя: Темно еще. Да и туман стелет, все закрывает.

Петя: Слазь, если ослеп за своими книжками, так и скажи. А то только щуришься и тень на плетень наводишь. Дай я.

Володя: Ну, нашел церковь?

Петя: Вон она! Или вон... Черт, не видать ничего.

Володя: Я хоть за книжками зрение потерял, а ты где?

Петя: Ладно тебе, туман там. А ты раз не видишь, чего очки не носишь?

Володя: Не привык. В школе почему-то стыдным считалось, не пролетарским что ли. А я, как назло, на «камчатке» сидел.

Петя: Где?

Володя: На задней парте. Я раздобыл стекло от очков, на уроке зажму его между большим и указательным пальцами, к глазу приставлю, как бы головой на эту руку обопрусь, и так на доску гляжу.

Петя: А после школы?

Володя: Что после школы?

Петя: Ну, купил бы очки, раз слепой.

Володя: Да денег как-то все не было. Отец умер, а с мамой мы вдвоем тяжело жили. Да и не настолько я плохо вижу.

Петя: Ну да, тебя ж в военное училище взяли.

Володя: Ну да, со второго раза. Пришлось таблицу, по которой зрение проверяют, наизусть выучить.

Петя: Ну даешь! И охота тебе было?

Володя: Жить захочешь — не то сделаешь.

Петя: Какая ж это жизнь, если после училища прямая дорога на фронт.

Володя: Так я до того в шахте работал, еще то место. На фронте еще шанс есть, а из шахты все одно рано или поздно вперед ногами вынесут.

Петя: Перешел бы еще куда.

Володя: Не пускали. Да куда бы меня кроме шахты взяли. Я ж в сорок первом в оккупации был.

Петя: Где?

Володя: Под Москвой, как раз в начале зимы.

Петя: Скольких фашистов убил?

Володя: Кто?

Петя: Ты.

Володя: Зачем я?

Петя: Они ж в оккупации рядом ходили.

Володя: Я почти все время в подполе просидел.

Петя: Герой, твою дивизию! И как там, в подполе?

Володя: Нормально, не расстреливают.

Петя: А кормился как?

Володя: Мать носила. Первые недели две и не помню точно. Без сознания был, раненый. Госпиталь наш перед приходом немца срочно эвакуировали, а ходячих всех повыписали и домой отправили. А я что, у меня только контузия и рука разбита. Кое-как дошел до матери и там свалился. Видать, все же рано выписали.

Петя: Далеко шел?

Володя: Нет, километров сто двадцать. Только днем идти нельзя, «юнкерсы» летают. На открытой местности прямо с самолетов расстреливали. Так я днем в лесу прятался, а ночью шел. Пришел домой, а туда аккурат через день немец нагрянул. Мать меня в подпол и перетащила, а форму и документы сожгла.

Петя: Так ты уже воевал, что ли?

Володя: В кашеметных войсках. Мне ж восемнадцати не было, потому, как война началась, нас под Смоленск рвы противотанковые рыть. А осенью в запасной полк под Москву. Там меня при налете и ранило.

Петя: Все равно. Если б рядом со мной фашисты ходили, я бы не усидел, постреляла бы всех к чертовой матери.

Володя: Из чего?

Петя: Из чего угодно!

Володя: А если нет ничего? Ты один, а вокруг на сотни километров они?

Петя: Я тогда...

Володя: Что? Что тогда?

Петя: Все равно! Я... я...

Володя: И все. У нас Мишку, парня соседского, расстреляли только за то, что он коротко стрижен был. Решили, что солдат. Мать кричала, что ему только пятнадцатый год, а толку.

Петя: Погиб как герой.

Володя: Где там геройство. Это в кино все красиво. За дом на капустную грядку его вывели и очередь дали. И убирать три дня под страхом смерти запретили. Так он в этих заиндевелых кочерыжках скрюченный и лежал.

Петя: Гады. Ничего, придет и их час. Передавим как клопов.

Володя: Быстрее бы.

Петя: Не боись, лейтенант, ты еще на нашей с Галей свадьбе гулять будешь! Накроем стол прямо на улице. И пусть, что Калуга — город, по-деревенскому душевнее. Песни петь будем. Ты петь любишь?

Володя: Люблю.

Петя: И я люблю, но не умею. Этого, голоса нет. Ничего, войну бы пережить, а там и с голосом, и со всем разберемся! Заживем! Ты еще на свадьбе моих внуков погуляешь! Спой что ли.

Затемнение

Вспышка 2

Наши дни. В магазине.

Ветеран и продавщица.

Ветеран: Дочка, мне бы мерзавчик. И две галеты.

Продавщица: Чего?

Ветеран: Ну, печенье, две штуки.

Продавщица: Поштучно не продаем. Берите пачку.

Ветеран: Давай пачку.

Продавщица: Откуда вы только беретесь, алкашня проклятая. С вами борются, борются, а вы все заливаете и заливаете. Проваливай.

Ветеран: Ты не горячись, дочка. Непьющий я. Праздник у меня.

Продавщица: Знаю я ваши праздники. День взятия Бастилии и первая среда на этой неделе.

Ветеран: Да нет. Сретение у меня. С другом.

Продавщица: А что только вдвоем? Третьего не нашли?

Ветеран: Я в этот день в сорок третьем с другом жизнями поменялся.

Продавщица: Допился.

Ветеран: Что было, то было. Перед этим махнули фронтовые сто грамм. Страшно под пули. И вот я здесь, а он там. С сорок третьего. И каждый год у нас с ним в этот день праздник. Сретение. К нему мне надо. Туда. А там без фронтовых нельзя. На фронте.

Продавщица: Я тебя туда не посылала.

Затемнение

Явление третье

Петя и Володя.

Владимир поет.

В низенькой светелке огонек горит,
Молодая пряха под окном сидит.

Молода, красива, карие глаза,
По плечам развита русая коса.

Русая головка, думы без конца...
Там она ласкает старика-вдовца.

Старый, что ж такого! Пусть осудит мир.
Он гусар к тому же — ротный командир!

Он красотку-пряху в город увезет,
Для красотки-крали...

Петя (прерывая): Тихо! Тихо ты! Слышишь? Вроде собака скулит?

Володя: Показалось.

Петя: А я говорю, где-то неподалеку собака.

Володя: Откуда! От села одно название и кирпичи да головешки остались.

Петя: И название. Городище. Странно. Село, а по названию вроде как город. Лейтенант, ты ж образованный, почему так?

Володя: Да говорят, на этом холме в древности, еще при Владимире Красно Солнышко, город стоял.

Петя: Молодцы, твою дивизию!

Володя: Кто?

Петя: Деды наши. Это ж у них ни танков, ни артиллерии, ничего не было. Толь-

ко шлем, меч да кольчуга. Так они вон чего придумали! Место какое нашли! Город на холме, у холма аккурат две речки встречаются, а за речками поле широченное. К такому городу незаметно и мышь не проскочит.

Володя: Деды молодцы. А нам теперь как? У нас тоже ни танков, ни артиллерии.

Петя: У нас противотанковые ружья! Мы ж бронебойщики!

Володя: Бронебойщики. Ствол длинный — жизнь короткая. Где ты тут броню видишь? Фрицы, конечно, холм водой полили, корку ледяную в придачу ко всему навели, только лед все равно не броня.

Петя: Ну и что, зато по холму вмажем раз, вмажем два, немец разъярится да и в ответ шмальнет. А мы тут как тут, его огневую точку засечем и по ней со всей силы!

Володя: Так и они так же. Толку что? Нам бы сначала артиллерию да танков, как по науке положено, а потом и самим вперед на штурм. А так... Мы с тобой здесь засели, еще кто, может, в какую щель забился, кто-то отполз назад, а большинство здесь, на поле остывают.

Петя: Чего ж ты хотел, война.

Володя: Война войной, а глупость глупостью. Одними ружьями, пусть даже противотанковыми эту высоту не взять. Потому здесь наши деды и крепость выстроили, потому мы полтора года отсюда немца выбить и не можем. Ему ж здесь сама природа помогает.

Петя: Ты чего это говоришь? Кто фрицам помогает? Природа наша, стало быть, врагу помогать не может. Вон в сорок первом наши морозы как задвинули! А у фрицев бельишко зябкое, сапожки — сплошной форс, а тепла с гулькин нос! Думали за месяц нас на колени поставить! Умны — куда деваться, а про метели с морозами забыли. Дохли как мухи! А ты говоришь, природа!

Володя: Сорок первый прошел, уже сорок третий идет. И немцы свои промахи исправлять научились. А мы все не уменьем, а числом, числом...

Петя: Ты эти пораженческие настроения брось, пока кто не услышал.

Володя: Те, кто здесь может услышать, уже никому ничего не расскажут.

Петя: Это так кажется. Вон, в первой роте подошел один к подбитому немецкому танку, посмотрел и с дуру ума ляпни: «А броня у них толще нашей». Через час увели и больше его не видели. Эти хоть ясно за что лежат, а тот умник? Эх...

Володя: Жалко. Пацаны ж одни.

Петя: А «дед» наш? Он еще в гражданскую воевал! Говорит, самого Чапаева видел!

Володя: «Дед». Это нам он вроде как дед. Знаешь сколько тому деду лет? Сорок.

Петя: Пока жалеть некогда, воевать надо. А война закончится, бабы еще нарожают. Ты кого хочешь, мальчика или девочку?

Володя: Все равно, лишь бы здоровыми были.

Петя: Так нельзя. На войне сколько людей поубивалось, нужно ж кому-то страну поднимать. У нас с Галей и мальчик будет, и девочка. И лучше по двое. Только бы отсюда выбраться.

Володя: Учиться нужно. Чтоб не числом побеждать, а уменьем.

Петя: Нудный ты, лейтенант. Заладил, как дятел. Дай лучше выгляну. Вроде расцвело, и дым разошелся. Подсади.

Володя: Ну, что там.

Петя сваливается вниз

Володя: Ну?

Петя (очумело, через паузу): Твою мать!

Володя: Что?

Затемнение.

Вспышка 3

Петя и Галя.

Петя: Твою мать в госпиталь бы, врачу показать. Глядишь, чего подскажет. Чего молчишь?

Галя: Не уходи.

Петя: Дуреха! Не плачь. Нельзя мне. Сама посуди, если все мужики за юбки попрячутся, кому немца выгонять?

Галя: Мужик... Тебе лет сколько?

Петя: Мне, как и всем. И я мужик. Я даже расписаться могу.

Галя: Где расписаться?

Петя: Где-где, в ЗАГСе. Пошли?

Галя: Зачем?

Петя: Хочу, чтобы ты была моей женой.

Галя: Женой? Зачем?

Петя: Чтоб ты меня ждала.

Галя: Мне для этого ЗАГС не нужен.

Петя: А если я приду, а у тебя все по-другому?

Галя: Нашу калитку помнишь?

Петя: Голубую?

Галя: Пока я тебя жду, она всегда будет голубой. Ты, главное, возвращайся. Обещаешь?

Петя: Голубой — цвет неба.

Галя: Это цвет надежды. У тебя на тельняшке полоски тоже почти голубые.

Петя: Синие они.

Галя: Пусть синие. Ты посмотришь на них и вспомнишь про голубую калитку. И про меня.

Петя: Я буду с тобой всю жизнь.

Галя: Всю-всю?

Петя: Всю-всю-всю.

Галя: Можно я с тобой?

Петя: Куда? С ума сошла? Не бабское это дело.

Галя: Сейчас все дела общие. Я медсестрой могу.

Петя: Нельзя тебе, мама у тебя больная, да и возраст у нее, пропадет без тебя.

Галя: Мама...

Петя: Обещай, что не оставишь ее одну. Да?

Галя: Не уходи.

Петя: Дуреха моя. Дуреха...

Затемнение.

Явление четвертое

Петя и Володя.

Володя: Что! Что там?

Петя: Тихо, твою мать! Мы чуть не влезли в их окопы! У нас под носом их боевое охранение!

Володя: Вот и приплыли, морячки. Вот тебе и Гитлер капут.

Петя: Да не паникуй, лейтенант! Где наша не пропадала!

Володя: Говори, говори... Что я здесь делаю? Зачем я здесь? Зачем?

Петя: Я Галю защищаю. Еще маму, свои Сухиничи, Калугу. Много чего. А ты?

Володя: Я... И я... Маму...

Петя: То-то мне показалось, что я собак слышал...

Володя: Не показалось. Тебя видели?

Петя: Черт знает. Шуму нет, кажись, пронесло. Развалились, как дома. Тушенку на костре греют. Гады.

Ребятушки дорогие,
Конфеточку дайте!
Когда буду пьяная,
Тогда не зевайте!

Эх, пожрать бы напоследок.

Володя: Сходи, попроси.

Петя: Думаешь, не пойду?

Володя: Думаю.

Петя: Правильно думаешь, лейтенант. А знаешь, почему?

Володя: Жить хочешь.

Петя: Тебя, дурака, одного оставлять не хочу. Вдвоем у нас хоть какой-то шанс, а поодиночке, как курят, постреляют.

Володя (через паузу достает флягу): Держи.

Петя: Опа! Вот они, родные фронтовые! Откуда?

Володя: Осталось.

Петя: Лейтенант, ты непьющий, что ли?

Володя: Да как-то не успелось.

Петя: Твою дивизию! Это ты зря. Не пить так же вредно, как и пить. Особенно на фронте. *(Делает глоток)* Хлебни.

Володя: Ну ее.

Петя: Хлебни, тебе говорят. Может, и не доведется больше попробовать. Все веселей.

Володя делает глоток и морщится.

Петя: Да ты во рту не держи, глотай!

Володя: Гадость какая.

Петя (протягивая галету): На, зажуй. У меня целых две галеты! Ты что, совсем непьющий? Дела. Ты ж лейтенант!

Володя: И что?

Петя: Да так, ничего. Чудной ты. От глотка — другого толком и не захмелеешь, а мозгам немного полегче. Опять же убивает этих, мелких, как их...

Володя: Микробов?

Петя: Их, падлюк! И для сна хорошо. А без отдыха нельзя. Потому фронтовые и придумали. Сам знаешь.

Володя: Знаю. Покурить бы.

Петя: Чего? Ну ты даешь. Я думал, ты совсем мамкин сынок.

Володя: Я и есть мамкин, чей же еще.

Петя: Не, ты не такой. У нас по соседству Митька жил, его отец в правлении колхоза работал, а мать там же бумажки перекладывала. Так его мать и сама в поле никогда не ходила, и Митьку не пускала. То у него одно заболит, то другое. А у нас кроме меня пять ртов детей, так что болит — не болит, руки в ноги и вперед. А с началом войны Митька с матерью в эвакуацию. Ничего, теперь под призыв уже попал.

Володя: Жалко его.

Петя: Глотни. И закуси. Только на галету не налегай. У меня еще только одна осталась.

Володя: А хлеба нет?

Петя: Ну ты барин!

Володя: Тогда давай тост.

Петя: Тост... Лучше ты, лейтенант. Не умею я.

Володя: И кто из нас чудной? Пить умеешь, а простой тост сказать...

Петя: Что ж ты нудный! Говори уже.

Володя: Мы часто не ценим того, что имеем. Мы думаем, что близкие всегда будут рядом, что наша жизнь бесконечна, а небо всегда будет голубым. И только потеряв что-то, понимаем, как это бесценно. Только вернуть иногда уже ничего нельзя. Давай выпьем за то, что вернуть необходимо. За мир *(отпивает)*.

Петя: Правильно сказал *(отпивает)*.

Раздается голос из громкоговорителя.

Голос: Солдаты Красной Армии! Ваше положение безнадежно. Не тратьте время зря, сопротивление бессмысленно. Немецкое командование гарантирует вам горячее питание, чистое белье и жизнь. Повторяю. Немецкое командование гарантирует вам жизнь.

Затемнение

Вспышка 4

Галя теперь медсестра.

Она и врач принимают раненого.

Галя: Осколочное в ногу. Сергей Степаныч велел к ампутации готовить. Нога заледенела, сутки почти на морозе. Случайно нашли.

Врач: Случайно ничего не происходит. Сказал — готовь.

Галя: Еще один калека. Жалко.

Врач: Зато на обуви сэкономит.

Володя: Ма... Мама...

Врач: Терпи, родной. Хоть живой остался.

Володя: Мама...

Врач: Терпи, Миша... Мишенька.

Володя: Володя я.

Врач: Да, Мишенька, да, сынок. Ты только потерпи.

Галя: Наталья Сергевна, ведь ваш Миша...

Врач: Молчи. Вот мой Миша. Совсем замерз. А ну, расстегивайся.

Галя: Как?

Врач: Фуфайку расстегивай, ногу греть будешь. Прижимай его к себе. Да задери рубашку, своим теплом его грей. Глядишь, кровь отойдет, еще танцевать будет!

Володя: Катя...

Галя: Галя я.

Врач: Все будет хорошо. Все будет хорошо, Мишенька.

Затемнение

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление пятое

Петя и Володя.

Голос: Повторяю, немецкое командование гарантирует вам жизнь.

Петя: Ишь как по-русски шпарит!

Володя: Наш, гад! Предатель!

Голос: Сдавайтесь. Выходите по одному с поднятыми руками и ничего не бойтесь.

Петя: Лейтенант, ты боишься?

Володя: Боюсь.

Петя: Это правильно. Живот смерти боится. Не боятся только мертвые и сумасшедшие.

Володя:

Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?
Es ist der Vater mit seinem Kind;
Er hat den Knaben wohl in dem Arm,
Er fasst ihn sicher, er hält ihn warm.

Петя: Что это?

Володя: «Лесной царь» Гете.

Петя: Про что там?

Володя: Про умирающего мальчика. Отец везет его к врачу через лес. Ребенок бредит, и ему кажется, что лесной царь зовет его остаться с ним.

«Du liebes Kind, komm, geh mit mir!
Gar schöne Spiele spiel` ich mit dir;
Manch bunte Blümen sind an dem Strand;
Meine Mutter hat manch gulden Gewand».

Петя: И что?

Володя:

Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Петя: Не успел, значит, отец к врачу? Поди, расстроился. Получается, в немецком не только «хенде хох» и «шнелляр» есть.

Володя: Получается что так.

Петя: Ты, поди, отличник?

Володя: Больше хорошист.

Петя: Ладно тебе. По немецкому наверняка пятерка.

Володя: По немецкому — единственная тройка.

Петя: Шутишь?

Володя: Не шучу. У нас «немка» молодая была, только после курсов. Всего на несколько лет старше нас. Ну и...

Петя: Ты в нее втюрился?

Володя: Нет, я...

Петя: Ладно уже, говори как есть.

Володя: Да.

Петя: Лейтенант! Ты прям вырос в моих глазах! А она?

Володя: Что она? Я ученик, она — учитель.

Петя: Да нет, она красивая?

Володя: Да.

Петя: Ты ей хотя бы сказал?

Володя: Ты что!

Петя: Тогда почему единственная тройка — по немецкому? Не учил?

Володя: Наоборот! Ребята заметили и стали нас дразнить. И она, чтобы никто ничего не подумал, стала меня валить.

Петя: Лейтенант! Так ты ей нравишься!

Володя: Думаешь?

Петя: Дурень! Вернешься, увидишь, как она тебя встретит.

Володя: Ладно тебе мечтать.

Петя: Не ладно. Человеку без мечты нельзя. И чем невероятнее мечта, тем большего можно добиться. Мечтаешь о своей «немке»? Зовут ее как?

Володя: Катя.

Петя: Подходящее имя, как раз для немки. Так мечтаешь?

Володя: Да... Я...

Петя: Еще о чем мечтаешь? Что тебе хочется больше всего?

Володя: Человеком стать хочу.

Петя: Отлично! Живи этой мечтой.

Володя: А Катя?

Петя: Ну и Катей тоже.

Володя: Сам о чем мечтаешь?

Петя: Сам... Не до мечтаний пока. Выбраться бы.

Раздается голос из громкоговорителя.

Голос: Солдаты Красной Армии! Ваше положение безнадежно. Не тратьте времени зря, сопротивление бессмысленно. Немецкое командование гарантирует вам горячее питание, чистое белье и жизнь. Сдавайтесь. Выходите по одному с поднятыми руками. Повторяю, немецкое командование гарантирует вам жизнь.

Петя (выглядывает и кричит): Чтоб ты сдох!

Голос: Чтоб ты сдох вперед меня. Ну, держитесь, морячки, искупаем в кровавой Оке!

Автоматная очередь.

Возникает лай собак, который медленно нарастает.

Володя: Все. Пошли добивать раненых. С собаками.

Петя: Твою мать! У собак знаешь, какой нюх!

Володя: Без паники. Это чья нога?

Петя: Я почем знаю.

Володя: Тащи его сюда. *(Втаскивают в воронку убитого)* Зарываемся в грязь, его кладем сверху. *(К убитому)* Друг, помоги!

Лай собак приближается.

Затемнение

Вспышка 5

Поднимается убитый солдат.

Убитый солдат (в зал): Ну, здравствуй, внук. Не пугайся, ты меня не видел и почти ничего обо мне не знаешь, но я был. Иначе откуда бы у твоей бабки отец твой завелся. Он, правда, меня тоже никогда не видел. Мы аккурат перед фронтом поженились. А отец твой в день моей смерти родился. Так вышло. Он этого не знает. Он вообще не знает, что я погиб. Нас здесь таких много лежит, считается, мы без вести пропали. Ну да. Вести про эти бои ни до кого не доходили. Это потом, когда немца погнали, все радиоприемники кричали о взятии Орла, Курска, Белгорода... Про салют в честь первых побед... Это правильно, к чему вспоминать неудачи? Только если бы мы год своими телами дорожку в грязи не выкладывали, хрен бы наши танки до Берлина дошли. По военной науке этот год одним словом называется — «подготовка». Вроде мы и не жили вовсе, а только готовили вашу жизнь. Что ж, пусть так. А лейте-

нанта этого я тогда не просто так собой прикрыл. Седым полковником он напишет про эти бои. И про меня. И ты узнаешь, что я пусть и не жил, но готовил твою жизнь. Только ты живи так, чтобы твою жизнь «подготовкой» не назвали. Живи. Иначе нам, безвестным, за тебя больно будет.

Затемнение

Явление шестое

Автоматная очередь. Удаляющийся лай.
Петя и Володя.

Петя: Лейтенант, ты живой? Лейтенант! *(Стаскивает с напарника убитого солдата и видит на нем кровь)* Лейтенант... Ты это зачем? Как я без тебя? Гады...

Володя: Не скули, услышат.

Петя: Ах ты! Да я тебя! А кровь?

Володя: Да не моя это, это его кровь.

Петя: Лейтенант! Дай я тебя...

Володя: Тихо! А то нарвемся.

Петя: Не нарвемся! Снаряд дважды в одну воронку не попадает!

Володя: На передовой командир взвода живет три дня, а рядовой — одно наступление. Нам с тобой все сроки вышли. Почему она не залаяла?

Петя: Хорош тоску наводить! Они же были прямо здесь, я даже запах сигарет чувствовал! Потом собаку на нас наслали, она, зараза, пыхтит, носом воздух тянет. А когда затвор передернули, думал все, приплыли, «и дорогая не узнает, какой танкисту был конец!» Глядь, обошлось. Лучше скажи, чего они над нами балакали?

Володя: Который вскинул автомат, сказал, что сейчас нас прошьет.

Петя: Чего ж не прошил?

Володя: Второй ему сказал не тратить патроны на грязных русских свиней, которые и так давно мертвы.

Петя: Что? Это кто здесь свинья?

Володя: А первый начал говорить, что у него дома жена, дети, старая мать, а он должен убивать этих русских. Ему надоело.

Петя: Так пусть катится в свой Берлин! Я его не приглашал. Надоело ему! Можно подумать, у меня дома нет! Или мне здесь нравится!

Володя: Все-таки, почему она не залаяла? Не могла она нас двоих не учуять.

Петя: Стало быть, могла.

Володя: Найдя живого человека, она должна сесть рядом и залаять.

Петя: Так может мы уже и неживые? Может, мы как он? *(Указывает на убитого)*

Володя: Не знаю.

Петя: Лейтенант, ты слишком много думаешь. Нехорошо это. Главное, смысла никакого. Живы — и радуйся.

Володя: Она должна была залаять.

Петя: Ну залаяла бы? Кому хорошо от этого стало бы? И нам капут, и ему грех на душу. Животина, она разумнее нас. Почуяла, что хватит землю кровушкой поливать. Сам говоришь, здесь со времен царя Гороха крепость стояла.

Володя: Владимира Красно Солнышко.

Петя: Пусть так. Стало быть, здесь с тех пор люди гибли. У них ведь тоже невесты были. Ждали, надеялись, на дорогу смотрели. Которые не дожидались... Повоют, а что делать. Все они здесь лежат. Это мы их не видим. А животина учуяла. Она хоть и немка, а поняла: хватит, земля уже новых постояльцев не принимает. Жить надо. Тем более мы моряки. Жизнь, она же, как тельняшка: полоса серая, полоса голубая.

Володя: Почему голубая? Синяя.

Петя: Голубая — почти синяя, только лучше. Голубой — цвет неба, цвет надежды. Без надежды нельзя.

Затемнение

Вспышка 6

Наши дни. Галина Ивановна.

Галина Ивановна: Отче наш, иже еси на небеси! Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да... Только пусть царствие Твое придет для всех, а не как обычно. Слышишь? Ведь как Девятое мая, так нам чуть не в ножки кланяются, говорят, какие мы герои, если б не мы тогда, ничего бы не было. Я тоже раньше думала, что врут, а прошлом годе мне ажно тушенку подарили. Ей-ей! Две банки! Значит, и правда, мы герои? Петя мой тогда больно по мясу скучал, а у нас с мамой только чай морковный и яичный порошок. Ты это не слушай, не про то я. Я вот что: если мы такие герои, если мы всей стране жизни спасли, то, может, мы не меньше министров с депутатами для народа сделали? Может, если бы я, когда солдатиков раненых из под обстрела медсестрой таскала, вместе с ними на том поле осталась, может, этим министрам и править было б некем? А раз так, пусть бы нам с ними жить одинаково. Сделай так, чтобы зарплата их стала, как у нас пенсия. Чтоб отдыхать ездили на свои шесть соток с тяпкой. Чтоб болели так же бесплатно и никому не нужно. Слышишь? Слышишь... Ну и правильно, чего меня слушать. Разве молодой думала, что такой стану... Отжила я свое. Лишняя. Только небо коптю да место в доме занимаю. Пятнадцать лет с племянником да детьми его в двух комнатенках. Неправильно это. Детям помоги, забери меня. Вот только калитку подновлю. Я и краску купила. Голубую. Цвета неба. Подкрашу, и тогда уже... Пожалуйста. Мне просить больше некого. На Тебя вся надежда. Неправильно. Все неправильно. Слышишь? Слышишь...

Затемнение

Явление седьмое

Петя и Володя.

Петя: Чего опять мозгами скрипишь? Темнеет, к своим пробиваться нужно.

Володя: Думаешь, пробьемся?

Петя: Твою дивизию! А что, есть варианты?

Володя: Если даже пробьемся, как свои встретят?

Петя: А что?

Володя: Ушли вчера, 14 февраля, а пришли сегодня, 15 февраля. Где сутки пропадали? Может, нас за это время фашисты своими шпионами завербовали?

Петя: Не дури. Нормально встретят. Не может иначе. Сегодня день такой.

Володя: Какой?

Петя: Праздник большой. Сретение.

Володя: Божественный что ли?

Петя: Сам ты божественный. Старинный. Бабка моя говорила, в этот день на небе Зима с Весной встречаются. Зима на санях, а Весна в своей колеснице, и вот они путь делить начинают: кому ехать дальше.

Володя: И кто победит?

Петя: Весна, конечно. За ней правда.

Володя: А если не победит?

Петя: Не может такого быть. Никогда не было.

Володя: Да какая весна, того гляди морозы стукнут.

Петя: Может, и стукнут. Думаешь, победа такое плевое дело? Сегодня только начало. Если сегодня победим, то дальше все уже одно за другим покатится. Глядишь, Мценск возьмем, за ним Орел, Курск, а оттуда и до Белгорода рукой подать. И погоним мы фрицев! А, лейтенант? Погоним?

Володя: Погоним.

Петя: Ну что ты все молчишь! Соберись! Немного осталось, скоро к своим. О чем думаешь?

Володя: О маме.

Петя: Почему о маме?

Володя: Все лучшее в мире начинается с улыбки мамы. Мама — это абсолютное добро, в которое иногда так хочется уткнуться носом, зарыться и забыть обо всем. Даже если на тебе уже давно не короткие штанишки и пьешь ты не только молоко. Когда твой нос зарывается в мамину шею, это абсолютное счастье. В эти минуты ты умеешь летать, и по миру бродят добрые феи. Самое главное, даже не уткнуться, а знать, что ты можешь это сделать. Ведь мама все равно чувствует своих детей. Даже если они не рядом. Даже если они про что-то молчат. Даже если они ее обманывают. Она все чувствует. И знает, почему сын неразумный повел себя так. И умудряется ребенка своего понять и оправдать. И это объединяет всех.

Петя: Не понял, кто объединяет?

Володя: Та, благодаря которой все мы явились на свет. Мама. Видимо, пуповина, которую, как считают врачи, они перерезают во время родов, куда прочнее и долговечнее. И связывает она не только организмы, но и миры.

Петя (протягивает бутылку): Допивай. Не тащить же с собой. Дойдем, еще дадут. Пей, говорю! Знаешь, а церкви больше нет. Я, когда выглядывал, видел. Взорвали.

Володя: Ориентир для наших хороший был, вот и взорвали.

Петя: Ориентир? А я так думаю, чтоб Бога не помнить. Так убивать сподручней.

Начинается обстрел.

Петя: Наши проснулись. Пора, пока фрицы в ответ не задвинули. Бог даст, прорвемся.

Володя: Думаешь, пробьемся?

Петя: Твою дивизию!

Володя: Ты многому меня научил. Спасибо.

Петя: Скажешь тоже. Держись меня, лейтенант, ежели чего, прикрою.

Затемнение

Обстрел усиливается.

Взрыв. Все смолкает.

Вспышка 7

После взрыва появляется русский витязь в шлеме и плаще.

Склоняется над лежащим бойцом. Закрывает ему глаза. Раненый стонет.

Витязь: Что? Скажи еще что-нибудь.

Володя стонет.

Витязь сбрасывает плащ и оказывается медсестрой Галей. Она перевязывает раненого, а затем укладывает его на плащ.

Галя: Терпи, милый, терпи. Знаю, что больно. Нога у тебя. А мне тебя каково ворочать. Да ты замерз совсем. Ничего, прорвемся. Терпи. Лишь бы дотащить тебя.

Терпи. Все будет хорошо. Все будет хорошо.

Тащит раненого.

Затемнение

Явление последнее

Та же воронка. Наши дни.

Откуда-то доносится современная мелодия.

Владимир Владимирович с внуком, затем Петя.

Внук: Дед, здесь что ли?

Дед: Не спеши, я же не могу так быстро. Думаешь, я помню? Лет сколько прошло. Может, здесь, а может... Здесь. Точно. Ну, здравствуй, Петя. Здравствуй.

Внук: Дед, а сколько тебе лет было?

Дед: Как тебе сейчас. Совсем зеленый.

Внук: А ему?

Дед: Примерно столько же.

Внук: Дед, а как он...

Дед: Не знаю. Обстрел с двух сторон начался. Кругом все горит, рвется. Мне в ногу осколок мины и влетел. Лежу, все понимаю, а сил даже повернуться нет. Сутки на снегу пролежал, замерз. Крови потерял... Не знаю, как в госпитале очутился.

Внук: А Петя?

Дед: Не знаю. Потерялись мы. Официально числится пропавшим без вести.

Внук: Ты же говорил, он погиб.

Дед: Если бы уцелел, обязательно домой бы вернулся. Был я после войны в его селе.

Внук: Почему тогда...

Дед: Тело не нашли. Знаешь, сколько здесь таких. Без вести. Здравствуй, Петя. Все здравствуйте. Доставай.

Внук: Я это... Сейчас...

Дед: Забыл?

Внук: Нет! В машине! Сейчас принесу.

Внук убегает. Появляется Петя.

Петя: С Катей у тебя тогда получилось?

Дед: Вон, бежит, что получилось.

Петя: Сын?

Дед: Внук.

Петя: Ну да. Похож. Тоже, поди, образованный?

Дед: Старается. Только сейчас у них все по-другому.

Петя: Тоже хочет стать человеком?

Дед: Надеюсь. Как ты?

Петя: Вроде нормально. Без перемен. А ты?

Дед: Живу помаленьку. Я не про то. Как ты... Как тебя...

Петя: Ты про это. Я до речки дополз. А они по льду вдарили. Помнишь, обещали в кровавой Оке искупать? Не обманули. А я ж плавать не умею.

Дед: Ты же говорил, у вас в деревне речка была.

Петя: Не в деревне, а в селе. Была. Только батька мой по пьяному делу в той речке утоп. Вот я туда лезть и боялся. Так что плаваю только топориком. Потому и просился в пехоту. Кто ж знал, что она морской окажется. Думал, ушел от моря, ан меня речка настигла.

Вбегает внук с мерзавчиком и галетами.

Внук: Вот, держи стакан.

Дед (Пете): Тебе плеснуть?

Внук: Ты что, дед, я за рулем.

Петя (Деду): Выпей за меня ты.

Дед: Ну, со сретением.

Петя: Да. Со сретением. На поле этом еще долго сеять не могли. Трактора о металл ломались. Зато трава в человеческий рост стояла. Кровь, она лучшее удобрение. Ты меня видишь?

Дед: Вижу.

Внук: Что?

Петя: А он? Он видит?

Дед: Он чувствует.

Внук: Кто, Петя?

Дед: Да, он тебя чувствует.

Внук: Ну да...

Петя: Чудно. Как ты жил? Что с тобой было потом?

Дед: Много всего, сразу и не расскажешь.

Петя: А у меня больше ничего не было.

Дед: Ты тогда мне верный совет дал.

Внук: Дед, ты со мной?

Дед: Человек жив мечтой. Это точно.

Внук: Я об этом как-то и не думал.

Дед: А ты подумай. Какого цвета небо?

Внук: Обычного.

Дед: Ты даже не посмотрел на него.

Внук: Что на него смотреть? И так все знают.

Петя: Точно в тебя, образованный. Знаешь, я стал чаще смотреть в небо. Раньше я знал, какое оно, но только сейчас я это увидел.

Дед: Если захочешь понять цвет неба, посмотри в него сам.

Внук: Смотрю. Дед...

Дед: А...

Внук: И какого оно цвета?

Петя: Оно цвета надежды.

Занавес

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ

II. ОТ ВЕКА К ВЕКУ*

Год победный — сорок пятый.
Вот и кончена война,
И повержен враг заклятый.
А вокруг — звенит весна,

А в садах цветенье вишни
И черемуха в цвету.
Мы встречать героев вышли
Всем Народом в пору ту.

Шли обратно эшелоны
Дни и ночи напролет;
Всюду смех, в цветах вагоны,
И гармоника поет,

А в глазах от счастья слезы —
Капли горького дождя...
Впереди у паровоза
Под звездой портрет Вождя...

На груди солдат медали,
Орденов иконостас:
Крепко немца воевали,
Не сбоили в грозный час...

А еще фашистом хищным
В рабство угнанный народ
Возвращался к пепелищам
В этот самый славный год.

Кто в военной круговерти
Был фашистами пленен,
Отправлялся в лагерь смерти,
На погибель обречен.

---

* Продолжение. Начало в № 4—2012 г., №№ 1, 4—2013 г. и № 1—2014 г.

Так бы всех нацисты-каты
В *бухенвальдах*[*] извели,
Да советские солдаты
Не позволили, спасли.

И сказал освободитель
Ждавшим лютой смерти там:
«Люди добрые, живите,
Расходитесь по домам!»

Покидали страшный лагерь
Не погибшие зазря...
А иные бедолаги
Поменяли лагеря...

Славен будь, советский воин,
Победивший в ту войну!
Ты величия достоин
За спасенную страну!

Сколько тысяч батальонов
Потеряли мы к весне!
Двадцать с лишним миллионов
Полегло на той войне...

Жизнь, что только раз дается,
Не жалел солдат в бою,
Потому как сердце рвется
В бой за Родину свою.

Что нам жизнь, когда Отчизне
В сердце нож вонзает враг?
Чем скорбеть на страшной тризне,
Лучше смерть — и только так!

Ну, а коль остались живы,
Надо думать, не помрем.
Ждут нас фабрики и нивы.
Что разбито — соберем!

Встанет Родина из пепла,—
Нам ведь это не впервой —
Вызволять страну из пекла,
Обустроить край родной!

Отгремел Салют Победы,
Отшумели торжества,

---

* *Бухенвальд* — крупнейший и самый (печально) известный нацистский лагерь смерти. Из 238380 заключенных, прошедших через Бухенвальд со дня его основания и до освобождения (1937—1945 гг.), 56549 умерли или были убиты.

И, с войны вернувшись, деды
Засучили рукава.

И душою возрожденья
Снова Партия была
И на славные свершенья
Направляла и вела.

Да, таких масштабов предки
Не знавали никогда,
Как в *четвертой пятилетке*[*],
В те великие года!

Восстанавливать и строить
Много нам тогда пришлось.
Надо было так устроить,
Чтоб не вышло вкривь и вкось.

Где фашист ходил Мамаем,
Там теперь ударный труд:
Мы заводы поднимаем,
Как грибы, дома растут.

Людям — новые жилища!
Каждый город будет сад!
Из руин на пепелище
Встанут Минск и Сталинград!

И плечом к плечу с Россией,
Дружбой крепкою сильны,
В общий труд свой труд вносили
Все республики страны.

Был, как пух, узбекский хлопок,
А донецкий антрацит
Знатный жар давал для топок,
Повсеместно знаменит.

Днепрогэс восстановили.
Бойко нефть качал Баку.
С нею баржи бороздили
Волгу-матушку реку.

И отмечен был недаром
В сводках, словно боевых,
Труд *азовских*[**] сталеваров
И ивановских ткачих.

---

* *Четвертая пятилетка* СССР (1946—1950) — четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР после окончания Великой Отечественной войны.

** Металлургический комбинат «*Азовста́ль*» — один из крупнейших металлургических комбинатов СССР с полным циклом производства в г. *Мариуполе* (в советское время — Жданов) Донецкой области на берегу Азовского моря в устье реки Кальмиус.

Нет, не все катилось гладко,
Кое в чем бывал изъян,
Но крепка стальною хваткой
Власть рабочих и крестьян!

Всем Народом навалились.
Были славные дела:
Рубль окреп, хлеба родились...
Экономика росла!

Победили беспризорность
И бандитов извели.
И наградой за упорность
Стал расцвет родной земли!

Были к благу перемены,
Это чувствовал Народ:
Каждый год снижались цены.
Значит, жизнь на лад идет!

Значит, сердце песен хочет,
Если ты Отчизной горд!
Сын Вождя, отважный летчик[*],
Поднимал советский спорт.

Стало жить определенно
Интересней, веселей:
Шел Народ постадионно
Посмотреть футбол, хоккей.

Мастерство душевно ценим
И болеем — будь здоров!
Ведь блистали, как на сцене,
И *Федотов*, и *Бобров*[**]!

Вот где страсть, где воля чувствам
И азарт спортивный шал!..
А театр своим искусством
Людям душу возвышал.

Сколько фильмов добрых, умных
У советского кино —

---

* *Васи́лий Ио́сифович Ста́лин* (*Джугашвили*) (24 марта 1921, Москва, РСФСР — 19 марта 1962, Казань, РСФСР, СССР) — советский военный летчик, генерал-лейтенант авиации (1947). Командующий ВВС Московского военного округа (1948—1952). Младший сын И. В. Сталина. Внес огромный вклад в развитие физкультуры и спорта в СССР.

** *Григо́рий Ива́нович Федо́тов* (11 апреля (24 апреля) 1916, пос. Глухов, Богородский уезд, Московская губерния, Российская империя — 8 декабря 1957, Москва, СССР) — советский футболист, нападающий, тренер. Капитан команды ЦДКА. *Всево́лод Миха́йлович Бобро́в* (1 декабря 1922, Моршанск, Тамбовская губерния, Советская Россия — 1 июля 1979, Москва, СССР) — советский футболист, хоккеист, футбольный и хоккейный тренер.

Про любовь, отвагу юных
И про давнее давно!

Вдохновенен стих поэта
(Не один талант сверкал!),
И советскому балету
Шар земной рукоплескал.

Был такой расцвет культуры,
Грандиозен и велик!..
Поднялась литература
Мощью *шолоховских*[*] книг...

Чей народ до книг охочей,
Чем Советский? Да ничей!
Каждый пахарь и рабочий —
Книголюб и книгочей.

К высшим знаниям стремится
Мир рабочих и крестьян.
Для того чтобы учиться,
Людям свет зеленый дан.

И далеко за примером
Мне не надобно шагать:
Стал отец мой инженером,
Инженером стала мать.

У Советского Союза
Твердый шаг, полет высок.
Вождь мечтал, чтоб по два вуза
Человек окончить мог.

Много планов дерзновенных
Он вынашивал в себе.
Жизнь прошла в трудах военных,
Созидании, борьбе...

Сын сапожника из *Гори*[**],
Знавший горе с юных лет,
К *Марксу*[***] шел, тропинку торя,
Недоучка и поэт.

---

* *Михаи́л Алекса́ндрович Шо́лохов* (11 мая (24 мая) 1905, хутор Кружилин Донецкого округа Области Войска Донского (ныне Шолоховский район Ростовской области), Российская Империя — 21 февраля 1984, станица Вешенская, Ростовская область, СССР) — русский советский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1965 г. — за роман «Тихий Дон»), классик русской советской литературы.

** *Го́ри* (груз. გორი) — город в восточной Грузии, центр края Шида-Картли и центр одноименного муниципалитета. Основан царем Давидом Строителем в начале XII века. Родина И.В. Сталина.

*** *Карл Маркс* (1818 — 1883) — немецкий экономист, философ и политический мыслитель, создатель (вместе с Фридрихом Энгельсом) марксизма.

Недоучка?! А *Платона*[*],
Знай, по-гречески читал!
Мысль сильна, стройна, резонна;
Воля — истинный металл.

Он — «рабочая лошадка»:
Только Партия велит,
Где раздрай и нет порядка,
Все отладит, разрулит.

Начались у нас напасти,
Как не стало Ильича,
И рвались к кормилу власти
Мастера рубить с плеча.

Шла борьба за власть долгонько.
Он, природный дипломат,
Потихоньку, полегоньку
Ликвидировал разлад.

Далеко, как Ленин, метил,
На великое позвал.
И Народ ему ответил
И Вождем своим признал.

И затмить его харизму
Ни один не сможет впредь:
За него и за Отчизну
Шли на подвиг и на смерть.

Все ему осанну пели,
Только кто ж подумать мог,
До чего на самом деле
Был «всесильный» одинок?

Где бы что ни сотворилось,
Чей бы ни был тяжкий грех,
Отдуваться приходилось
Исключительно за всех.

А ведь он в той страшной драме
Псов удерживал и так
На хрущевской телеграмме
Начертал: «*Уймись, дурак!*[**]»

---

* *Плато́н* (др.-греч. Πλάτων, 428 или 427 до н. э., Афины — 348 или 347 до н. э., там же) — великий древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля. Основатель Академии и родоначальник традиции платонизма.

** В 1938 году Н. С. Хрущев, будучи первым секретарем КПУ, направил Сталину телеграмму, в которой жаловался генсеку, что Москва ограничивает Киев в проведении репрессий на территории Украины. На что Сталин ответил: «*Уймись, дурак! И. Сталин*».

Не всегда был в том успешен,—
Что один поделать мог?..
Сам — конечно, небезгрешен:
Человек ведь — он не бог...

Что бы там ни говорили,
Сгоряча срываясь в крик,
Где бы, как ни голосили,
Что поделаешь? Велик!

Запах пороха сквозь годы
Чуял он, и потому
Предвоенные заводы —
Это памятник ему!

Как к Москве остервенело
Лезла гитлеровцев рать,
Все, казалось,— плохо дело...
Что ж, все бросить и бежать?

Он тогда в Кремле остался,
Тверд и непоколебим.
И Народ не сомневался:
«С нами Сталин — победим!»

Был он знаменем герою
В ту великую войну...
Да чего там! Он собою
Цементировал страну.

И была фашистам взбучка!..
Пусть припомнит англофил,
Как в *Потсдаме** «недоучка»
Лорда *Черчилля* возил:

Так себя премьер хваленый
Ощущал нехорошо,
Что, не раз Вождем смущенный,
Трепетал пред *папой Джо***.

У Вождя ответ мгновенный,
Аргумент — не в бровь, а в глаз:
Нет, союзник переменный,
Не обманешь, знай же нас!

---

* *Потсдамская конференция* состоялась с 17 июля по 2 августа 1945 г. с участием руководства трех крупнейших держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне с целью определить дальнейшие шаги по послевоенному устройству Европы. В конференции участвовали главы правительств трех государств — президент США Гарри Трумэн (1884—1972), который председательствовал на всех заседаниях, председатель Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталин и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль (1874 —1965).

** Так между собой называли И. В. Сталина англичане и американцы.

Что до янки, их апломбу
Тоже дал он окорот:
Вскоре атомную бомбу
Смастерил и наш Народ!

Ну-ка, суньтесь, те, кто ране
Под союзников косил!
Гитлер бит, и то же с вами
Учиним, достанет сил!

Больше мы не одиноки,
И уже в десятке стран,
Что теперь с Союзом в блоке,
Власть рабочих и крестьян!

И стоим мы друг за друга;
Наша дружба на века.
Это Сталина заслуга,
Мысль его, его рука!

Не судьба свалить кумира
Прохрущевскому гнилью,—
Он второй державой мира
Сделал Родину мою!

За словесною трухою
Правда спрятана шутом:
Принял Вождь страну с сохою,
Сдал же — с ядерным щитом[*].

И, великие почины
Сердцем чувствуя остро́,
Незадолго до кончины
Он на космос дал «добро»[**].

Первый спутник[***] запускали,
Небывалое верша.
Космос — это тоже Сталин,
Мысль его, его душа!

Янки новостью убиты,—
И представить не могли б,

---

* «Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народы не забывают». (Из речи У.Черчилля в Палате лордов 21 декабря 1959 г. по случаю 80-летия со дня рождения И. В.Сталина.)

** План полета человека в космос был предложен Сталину в 1946 г., но последовал ответ: «Полстраны в руинах, надо подождать лет 7—8, пока не поднимемся». Сталин помнил об этих планах, и его слова сбылись: государственный план создания Р-7, основы всей советской космонавтики, был подписан Сталиным и принят к исполнению всего за несколько недель до смерти Вождя.

*** *Первый* искусственный *спутник Земли*, советский космический аппарат, запущенный на орбиту 4 октября 1957 года.

Что *у нас* с земной орбиты
Прозвучит веселый «бип»!..

Старт в космическую эру
Был тогда произведен.
Слава нашим инженерам!
Нами космос покорен!

Первый запуск легендарен,
Он исток великих дел,-
И вокруг Земли *Гагарин*[*],
Как по Питерской, летел!

Он *взмахнул рукой* отважно
И *«Поехали!»*[**] *— сказал*;
Над планетой взмыв бесстрашно,
Сам звездой бессмертной стал!

Снова янки опоздали:
Юрий первым из землян
Из далекой звездной дали
Видел сразу сотни стран!

Мчался он дорогой зыбкой,
Красотой Земли пленен,
И гагаринской улыбкой
Мир Вселенной озарен.

Под конец «Восток» крутила
Адским вихрем в три оси
Просто дьявольская сила
Так, что господи спаси!

Но герой, невозмутимый,
Словно олимпийский бог,
Приземлился невредимый:
Все отладил, превозмог!

Позабудется едва ли
Тот великий пилотаж!
Мы в Союзе ликовали:
«*Наш* Гагарин! Космос — *наш*!»

Для него звучала лира,
Шар земной его любил,

---

* *Ю́рий Алексе́евич Гага́рин* (9 марта 1934, Клушино, Гжатский (ныне Гагаринский) район, Западная область — 27 марта 1968, около города Киржач, Владимирская область) — советский летчик-космонавт, Герой Советского Союза, первый человек, совершивший полет в космос.

** Парафраз песни «*Знаете, каким он парнем был*?!» (муз. А. Пахмутовой, слова — Н. Добронравова), написанной в 1971 году.

Видел в нем посланца мира...
Ах, *каким он парнем был*!..

Речь героя справедливо
Мир запомнил на века:
«До чего ж Земля красива,
До чего она хрупка!

Люди! Красоту планеты
Надо нам приумножать;
Общий дом — другого нету —
Строить, а не разрушать!..»

Те б слова — да богу в уши...
Но, объевшись беленой,
Запродавши черту души,
Новой — ядерной — войной

Бредят там, за океаном,
Когти рвут раздуть пожар
И в безумье окаянном
Обезлюдить хрупкий шар.

Грабежом земель богаты,
Только алчность не унять,—
И всерьез решили Штаты
Под себя весь мир подмять.

Их военщина, наглея,
Угрожать посмела нам;
Занялась огнем Корея,
И напалмом жгут Вьетнам;

И в делах своих неправых
Всем в глаза бесстыдно лгут,
Будто на штыках кровавых
«Демократию» несут!

Вот откуда ждать сюрпризов
В это время нам пришлось.
Им Союз Советский вызов,
Коммунизм — что в горле кость.

От Москвы и до окраин
Братство с равенством у нас;
Человек труда хозяин,
Он — господствующий класс!

А в Америке иначе:
Пуп земли у них богач;
Кто богаче — тот тем паче,
А бедняк — горюй и плачь!

Безнадега в настоящем,
Безработицы каток...
И рабочий люд все чаще
Взгляд бросает на восток.

Для буржуйского эдема
Мы — опасный прецедент!
Неприятнейшая тема!
Озабочен президент!

Ну, как грянет, между прочим,
Революция, ярясь,
И в Америке рабочим
Хватит духу, скажут: «Слазь!»?!

И в угаре сатанизма
Ищет *дядя Сэм** пути,
Чтобы мир социализма
Уничтожить, извести;

В злобе дикой и звериной
(Знать, башкой-то пообмяк)
Машет атомной дубиной,
Как законченный маньяк.

Что ты, дядя? После пьянки
Не вполне еще воскрес?
Мы же к вам не лезем, янки,—
Строим новые *АЭС***.

Мы стоим за мирный атом,
Но готовы дать отпор.
А на вражеское *НАТО*
Есть *Варшавский Договор****,

И советские ракеты
Защитят своих от вас.
Это Сталина заветы,
Мысль его, его приказ!

Ох, найдет коса на камень!..
Как ни раздувай огонь,
А вода потушит пламень.
Так что малость охолонь!

---

* *Дя́дя Сэм* (англ. *Uncle Sam*) — персонифицированный образ Соединенных Штатов Америки.

** *АЭС* — атомная электростанция.

*** *Организа́ция Североатланти́ческого догово́ра, НА́ТО* (англ. North *Atlantic Treaty Organization — NATO*) — военно-политический блок, объединяющий большинство стран Европы, США и Канаду. Основан 4 апреля 1949 года в США, «чтобы защитить Европу от советского влияния». *Варша́вский догово́р* (Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи) от 14 мая 1955 года — документ, оформивший создание военного союза европейских социалистических государств при ведущей роли Советского Союза — *Организации Варшавского договора* (*ОВД*) и закрепивший двуполярность мира на 36 лет. Заключение договора явилось ответной мерой на присоединение ФРГ к НАТО.

Не моги на нас кидаться,—
Будет очень не о’кей...
А приперло пободаться,
Так не лучше ли в хоккей?

Мы с канадцами на равных.
Изумленно мир глядел
На парней советских славных,
Что рубились с *НХЛ*[*].

Вовсе не школяр зеленый
Залетел в такую даль,
И ушат воды студеной
Будет помнить *Монреаль*[**].

Мимо профи, грубиянов,
Не во сне, а наяву
Мчался с шайбою *Харламов*
К *Драйдену*[***] на рандеву.

Диск со звоном в раму юркнул,
Загорелся красный свет.
На трибунах кто-то буркнул
Сокрушенно: «*Сталингрэд*...»

А у нас настрой мажорный!
Наш болельщик в пляс пошел,
И симфонией задорной
Тенор *Озерова*[****]: «Го-о-ол!!!»

То-то радостно Отчизне!..
Я мальчишкой был тогда,
И со мной идут по жизни
Те прекрасные года.

Рано утром, просыпаясь,
Собираясь в институт,

---

* *НХЛ* — Национальная хоккейная лига (англ. National Hockey League, *NHL*; фр. Ligue nationale de hockey, *LNH*) — профессиональная спортивная организация, объединяющая хоккейные команды США и Канады.

** Первый матч суперсерии СССР — НХЛ состоялся в Монреале 2 сентября 1972 года и закончился в пользу сборной СССР с разгромным счетом 7:3.

*** *Вале́рий Бори́сович Харла́мов* (14 января 1948, Москва — 27 августа 1981, вблизи Солнечногорска, Московская область) — выдающийся советский хоккеист, нападающий команды ЦСКА (1967—1981) и сборной СССР (1969—1980), заслуженный мастер спорта СССР (1969). 2-кратный олимпийский чемпион (1972, 1976) и 8-кратный чемпион мира. Лучший хоккеист СССР (1972, 1973). Один из ведущих хоккеистов СССР 1970-х годов, получивший признание как в своей стране, так и за ее пределами. Участник легендарной суперсерии СССР — НХЛ 1972 г. *Кеннет Уэйн «Кен» Драйден* (англ. *Kenneth Wayne "Ken" Dryden*; 8 августа 1947, Гамильтон, Онтарио) — канадский хоккеист (вратарь). Участник суперсерии СССР — НХЛ.

**** *Никола́й Никола́евич О́зеров* (11 декабря 1922, Москва, Советская Россия — 2 июня 1997, Москва, Российская Федерация) — советский теннисист, актер, спортивный комментатор. Народный артист РСФСР (1973). Лауреат Государственной премии СССР (1982). Заслуженный мастер спорта СССР (1947).

Все, бывало, улыбаюсь:
Знаю — нас победы ждут!

Будет новая вершина:
Домну пустим и завод,
И хоккейная дружина
Снова «золото» возьмет;

Уголек шахтер донбасский
Даст сверх нормы на-гора́,
И надои, словно в сказке,
Станут выше, чем вчера;

Хлеб стране дадут колхозы
В закрома, побив рекорд,
Заодно и все прогнозы,—
Будет с хлебом наш Народ!

Самолет быстрее звука
Полетит, высо́ко взмыв,
И советская наука
Совершит большой прорыв;

Потихоньку, понемножку
Набирая верный ход,
Вновь на лунную дорожку
Выйдет новый «*Луноход*»*;

На космической орбите
Наша станция «*Салют*»**;
Космонавты, поглядите,
Нам привет оттуда шлют...

Замечательная веха!
Предвкушение добра,
Ожидание успеха:
Нынче лучше, чем вчера!

Ради блага человека,
Если надо, значит, что ж,—
И на *БАМ****, на стройку века,
Едет наша молодежь.

---

* «*Лунохо́д-2*» (8ЕЛ № 204) — второй из серии советских лунных дистанционно-управляемых самоходных аппаратов-планетоходов «Луноход» (проект Е-8). Был предназначен для изучения механических свойств лунной поверхности, фотосъемки и телесъемки Луны, проведения экспериментов с наземным лазерным дальномером, наблюдений за солнечным излучением и прочих исследований. Доставлен на Луну 15 января 1973 года

** «*Салют*» — серия пилотируемых орбитальных станций СССР.

*** *Байка́ло-Аму́рская магистра́ль* (*БАМ*) — железная дорога в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Одна из крупнейших железнодорожных магистралей в мире.

Им, романтикам, поэтам,
Покорялась целина,
А в сердцах огнем заветным —
Комсомол, Любовь, Весна[*]!

Славим их, родных, хороших,
Вдохновенный мирный труд!
И улыбками прохожих
Наши улицы цветут.

Нет подобного размаха
У какой другой страны,
И уверенно, без страха,
В день грядущий смотрим мы.

Государство нам заступник,
Никакого гнета — нет,
И буржуй у нас преступник,
Вне закона мироед.

Здесь другому человеку
Человек не волк, а брат,—
Старика или калеку
Одарит теплом стократ.

Смех повсюду слышен детский.
Как же им не дорожить?
Хорошо в Стране Советской[**]
Подрастать и мирно жить!

Ребятишкам в школу надо
Отправляться поутру.
Их в *тимуровских*[***] отрядах
Учат правде и добру.

Детвора страны прекрасной...
Нет прекраснее ребят!
Развевайся, галстук красный
Подрастающих орлят!

В наших школах учат знатно,
Этим славится Союз.
Обучение бесплатно,
Будь то школа или вуз.

---

* Песня «*Любовь, Комсомол и Весна*» (муз. А. Пахмутовой, слова Н. Добронравова) была написана в 1978 году.

** «*Эх, хорошо!*» — песня, марш советских пионеров из к/ф «Концерт Бетховена» (к/студия «Белгоскино», 1936); муз. И. О. Дунаевский, слова В. Г. Шмидтгоф.

*** *Тимуровское движение* — массовое патриотическое движение пионеров и школьников, содержанием которого является гражданская забота о нуждающихся в помощи людях. Возникло в СССР в начале 40-х гг. XX века под влиянием повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда» как движение по оказанию помощи семьям военнослужащих. Действенная (с элементами игры) форма общественно полезной деятельности детей, способствующая их нравственному воспитанию, развитию инициативы и самодеятельности.

Врач больных бесплатно лечит:
Чтобы был здоров Народ,
Государство обеспечит
И леченье, и уход.

А как к старости подходит
(Что поделать, это — жизнь!),
Пенсион тебе выходит
И — с внучатами дружись.

Только к благу перемены,
Коль работают цеха,
И у нас стабильны цены,
Не наглеет *ЖКХ*[*].

Не видать плохих подвижек,
Хоть *холодная война*[**].
Так веди своих детишек
На прогулку, старина!

Твой покой и отдых детский
В летнем парке, например,
Охраняет наш, советский,
Добрый милиционер.

Он, солдат правопорядка,
Не оставит, защитит,
Со злодеем вступит в схватку,
Жизнь свою не пощадит.

Нет страны на свете лучшей!
Как ни злобствуй вдалеке,
Он стоит, Союз могучий,
А границы — на замке.

Власть Советов! Мать родная!
Наша слава и оплот!
Я другой страны не знаю,
Где так счастлив был Народ!

Став навек твоею частью,
Я всегда тобой горжусь,
Жизнь моя, любовь и счастье,
Незабвенный наш Союз!..[***]

---

* ЖКХ — жилищно-коммунальное хозяйство.

** Холодная война (5 марта 1946 — 26 декабря 1991) — глобальная геополитическая, военная, экономическая и идеологическая конфронтация между СССР и его союзниками — с одной стороны и США и их союзниками — с другой, длившаяся с 1946 по 1991 год (45 лет).

*** В настоящее время автор приступил к работе над третьей, заключительной частью поэмы «Песня о Гришке Отрепьеве», которая получила название «Дежавю».

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ДВА РАССКАЗА

Наш постоянный автор, профессор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Старик хорошо знал дорогу. Он уверенно шел, постукивая палочкой по краю тротуара, чтобы не ступить на проезжую часть. Натыкавшимся на него прохожим он говорил коротко и привычно — «виноват», «виноват».

По этой дороге он ходил много раз в юности. От своего дома к дому Стеши. Всего одна улица и поворот направо в короткий переулок. «Проулок», как говорили жители этого поселка. После войны в нем поселилось много пришлого народа. Стеша была из коренных, местных, как и он. Они знали друг друга с детства. Кузнецовых да Петровых было полпоселка. Она была Кузнецова. Он из Петровых. У Петровых Петрами называли всех представителей мужского пола — первенцев. «Может, поэтому такая фамилия». Старик усмехнулся своей догадке.

«Виноват, виноват»,— говорил он натыкавшимся на него прохожим.

Голову старик держал кверху и набок. Оттого казался отрешенным от суеты улицы, как будто вверху что-то видел или читал.

Старик в самом деле весь был в прошлом. Детство не вспоминалось. Зато юность... Стеша... Если бы не Аркадий, Аркаша, Аркашка, черт, из приезжих, она бы стала Петровой. Все к этому шло.

Как водится, дружили с детства. Сначала не видели друг в друге ничего особенного. «Подумаешь, Стешка»,— усмехнулся старик. Потом, когда она стала округляться, а у него на верхней губе стали прорезываться усы, не усы даже, а так — рыжеватый пушок, необъяснимое волнение стало охватывать его, если случалось коснуться ее руки, плеча или еще чего.

«Эх»,— сказал старик, передернув плечами, и потер бы руки от сладких воспоминаний, да в одной была палочка, которой он постукивал по краю тротуара — «виноват», «виноват».

А что было дальше? Голодно было после войны, бедно. А ничего, жили. Заработал клуб. Кино. Танцы. Петька Петров, конечно, не умел танцевать так, как Аркашка, черт его дери. С всякими там выкрутасами. Он и девок учил этим выкрутасам. Стешу тоже. В поселке ребят почти не было. Некому было его проучить. Вот он и крутил «амуры» с поселковыми дурами.

На Октябрьские в клубе бесплатно показывали кино. Народу набилось — страсть. Те, кто сидел, пришли за три часа. А уж потом остались одни стоячие места. И так в проходах стояли впритирку, а народ все прибывал. Поругиваясь, норовили протиснуться поближе к экрану. Он тоже втиснулся в толпу. Огляделся и впереди себя через несколько голов увидел Стешу. А рядом с ней — Аркадия. То ли из-за тесноты, то ли по своей охоте стояли они тесно прижавшись друг к другу. А потом его рука легла на ее плечо.

Старик до сих пор не мог вспомнить, о чем была картина. С экрана его взгляд постоянно сползал на Стешу и Аркадия.

С этого все и началось. Этим все и закончилось. Хотя не только Петька считал Стешу своей невестой, но и Стеша держала Петьку за своего жениха.

«Эх»,— с горечью сказал старик.

Постукивая палочкой по тротуару, он дошел до угла улицы, повернул направо и вошел в переулок. До Стешиного дома оставалось шагов сто.

Она теперь жила в большом отцовском доме одна. Кузнецова Нюрка, дальняя родственница, ходила за ней. Из дома Стеша почти не выходила. Боялась заблудиться. Она ведь еще молодой уехала из поселка. Все перезабыла. Где поворачивать надо, где дорогу перейти, через сколько шагов палочкой провести по дощатому забору, чтобы по звуку догадаться, что этот забор и дом за ним твои. Он-то никуда не уезжал. Прожил всю жизнь здесь. Ходит свободно. Каждую кочку знает. Не споткнется. А она... Надо же, чтобы и с ней случилось такое же, как с ним!

Говорят, постарела сильно и стала толстой. Но голос остался прежний, Стешин — глубокий, бархатный. Старик сразу его узнал, как только в первый раз наведался к ней после разлуки длиной в целую жизнь. Поговорили тогда. Да разве все переговоришь...

Стал старик ходить к Стеше частенько. Гололед да оттепельная слякоть только могли удержать его дома. А сегодня тепло, день светлый, даже он это чувствует. Вот и пошел он к Стеше. Старое не забывается. Опять же рюмочку нальет. А то две. Сама выпьет. Хорошо.

Через сто шагов старик провел палочкой по забору и определил, что дошел до нужного места. Скрипнул калиткой. Поднялся на крыльцо.

Стеша уже по шагам учуяла, что это он, Петька, Петрович. Встретила в дверях.

— Здорово, подруга,— сказал старик, снял шапку и стал топать ногами, чтобы стряхнуть с валенок невидимый снег.

— Проходи, жених, не споткнись. Нюрка ведро оставила, полы мыла.

Старик звякнул палочкой по ведру, обошел его.

И они сели в горнице за большой круглый стол. Было тепло в доме. И тихо. Тикали часы. Да на кухне из крана редко капала вода.

Положив руки на стол, старик узнал на ощупь знакомую скатерть, плюшевую, с выработанным узором. Потом его руки нашли на столе горячий чайник и две чашки в блюдцах. «Ждала»,— подумал старик.

Стали пить чай.

— Капаешь капли-то? Помогает? — спросил старик, затевая разговор.

— Капаю, да не помогает ни шута. Говорили в Москве, покапаешь после операции с месячишко и будет результат. А где он, результат?!

— Да, осечка вышла. Я думал водить меня будешь, а ты сама... Я бы на операцию не решился. Боязно,— поежился старик.

— Все-то ты боишься,— сказала с укором Стеша своим глубоким бархатным голосом.

В который раз он слышал его, а сердце стариковское опять забилось быстро-быстро. В этот раз оно билось так скоро, что заболело, защемило у старика в груди. К горлу вдруг подкатил комок, и перекрыл этот комок ему дыхание.

— Вот и тогда,— продолжала Стеша,— чего ты испугался? Подумаешь, с Аркашкой любовь крутила. Я, может, тебя позлить хотела, чтобы ты побойчее был. А ты... Ты ведь помнишь, бедовая я была. Любопытно мне было, будет он за мной ухлестывать, Аркадий этот? Поддастся? Поддался. А он не нужен мне был. Тебя-то я долго забыть не могла. Все думала, как живешь здесь, какой стал. Сколько лет прошло! Вот встретились, а увидеться не можем... Ты что молчишь-то? Не пойму я. Стыдно, небось?

В горнице было тихо. Тикали часы. Из крана на кухне редко капала вода. В открытую форточку с прохладным предвесенним воздухом вливалась в горницу песня — «... старинные часы идут...».

Ничего этого и голоса своей Стеши уже не слышал Петрович. Он тихо умер. Руки лежали на столе. Голова свесилась на грудь. Его милая Стеша продолжала рассказывать о своем житье-бытье в Москве. О том, как ждала, не напишет ли ей Петька Петров письмецо, как пережила всех своих...

ПИСЬМО НА ФЛЕШКЕ

Разбирая рабочий стол Петра Петровича в нашем издательстве после отъезда его за рубеж, нашел в верхнем ящике среди прочих бумаг и журналов флешку. Дело в том, что Петрович сначала вроде бы поехал погостить к дочери и внуку. Но из отпуска не вернулся. Прошло полгода, потом год. Никаких вестей от него нет. Знали, что жил один. Других каких-либо родственников как будто у него не было. Спросить, что с ним и ждать ли его на службе, тоже не у кого было. Был издан приказ об его увольнении.

Рабочий стол его достался мне. Среди вороха журналов и бумаг с его статьями была флешка. Понимая, что никогда больше не увижу бывшего сослуживца, вставил ее в компьютер, может, найду объяснение его исчезновению. Статьи, фотографии к журналам, расписание рейсов самолетов за рубеж. И письмо.

Мы давно заметили некоторую симпатию, которую Петрович проявлял к одной молодой особе, сотруднице отдела младших редакторов. Она была у него в помощницах. Когда она приходила в наш отдел к нему по делам, наш «дед» расцветал. Говорил громче, шутил, старался быть остроумным. Мы подтрунивали над ним. Он отшучивался — «она не то, что в дочери, во внучки мне годится». Но нам показалось, что и она к нему неравнодушна. Это было особенно заметно, когда, разговаривая, они смотрели друг на друга. «Служебный роман»,— шутили мы в отделе.

Вот это письмо.

* * *

«Я на даче. Наслаждаюсь одиночеством, тишиной и физической работой. Где-то скрежещет и шумит на все лады город. Суета, редакционная текучка, газеты, телевизор. От соприкосновения с городской действительностью становлюсь хуже. Раздражения и обиды. Плохое настроение. Порой хандра. Усталость, но не физическая. Ес-

ли бы физическая, спал бы как убитый. Но просыпаешься в шесть, хочешь заснуть и не можешь. Тревожишься мыслями — пустыми, мимолетными, на злобу предстоящего дня.

Все это позади. Там — этот безумный, безумный мир города. Здесь — небо — увидишь и подивишься, как в первый раз, его красоте, глубине, перемене облаков на нем. Порой это целый спектакль. Особенно в ночную грозу. Нет, после нее. Когда отшумит, уйдет куда-то. Там, далеко всполохи зарниц на мгновение высвечивают громады облаков. Силуэты то ли гор, то ли замков. И снова тьма. Через минуту-другую зарница опять охватит полнеба, и на миг явится другая картина. Сидишь на крыльце, любуешься небесным спектаклем. Постепенно зарницы становятся тусклее, реже. Потом исчезают. Спектакль закончился, со вздохом сожаления встаешь и идешь спать. И спишь, как младенец. Утром встаешь охотно. Голова легкая. Выходишь в сад. Прохладно. Небо синее. Солнце яркое. В траве россыпь маленьких, с булавочную головку солнц. Поблескивают, переливаются. Ступишь босой ногой в прохладную росную траву, легкий озноб пробежит по телу, сон как рукой снимет.

Пьешь утренний кофе. Неторопливо. Мелкими глотками, потому что спешить некуда и незачем. Напившись «кофию», берешь карты и раскладываешь пасьянс. О, это песня! Целый год ждешь этого момента. В городе в голову не приходит посидеть за картами. Блажь какая-то, непозволительная в суете и занятости. Зато здесь на даче... Карты новенькие, жесткие, привезены из Венеции, потому на «рубашке» фрагмент ботичеллевой Весны. Сначала раскладываешь «косыночку». То есть карты раскладываются треугольником. «Косыночка» капризная девица, потому что большинство карт «рубашкой» кверху. Только с левого края «лицом» кверху. Не знаешь, какая карта откроется. Это разминка. Иногда раз пять разложишь, а все не сходится. Не дается капризная девица в руки. Если «косынка» сложилась, переходишь к более трудному пасьянсу — «Большое пианино». Все карты лицом кверху, все пятьдесят две перед тобой. Их раскладываешь по четыре в две колонки, между которыми оставляешь небольшое пространство. Перед тобой хаос или поле битвы. Генералы, их подруги, проворные кавалеры и солдаты — прапоры, сержанты, рядовые. Чтобы выиграть битву, надо сложить их так, чтобы они легли по чину и масти в полном порядке. Возникает азарт, желание быстро решить головоломку. Главное, никто и ничто не мешает. Как в далеком детстве, забыв обо всем на свете, строишь замок из песка на реке или вырезаешь на срезанной палочке узор, коптишь над пламенем, потом снимаешь оставшуюся шкурку, и получается трость с черными квадратиками, треугольниками — на загляденье... Убедился — карты дело серьезное. Азарт, так свойственный мне, здесь не годится. Увлечешься, поторопишься, кажется, вот-вот пасьянс сложится. Но нет — промахнулся. Приходится снова раскладывать пятьдесят две карты. Но когда пасьянс сложится, радостно потираешь руки. Радость эту может понять только истинный «пасьянсист». Пасьянс учит быть неторопливым, умерить азарт, голова должны быть холодной, как у банкомёта, когда в банке кругленькая сумма. Пасьянс — не пустое времяпровождение. Учишься из хаоса делать порядок, просчитывать ходы. Так я оправдываю свое увлеченье пасьянсом. Сие увлечение привело однажды к травме. Прошлым летом от пасьянса кожица слезла с кончика указательного пальца. Ноготком поддевал карту, когда переворачивал ее или перекладывал на другое место. Потом долго палец не заживал. За все приходится платить. Хотя бы кожицей указательного пальца. Самый трудный пасьянс — галерея. О нем рассказывать не буду, чтобы не утомить Вас.

Днем в синем небе сугробы ослепительно белого снега. Но нет от них прохлады. Солнце печет нещадно. Любое, даже малейшее движение делает тебя мокрым, как мышь. Прячешься в холодок. Когда солнце уйдет за дом, выйдешь в тенек, сядешь в

кресло на крыльце. Если сидеть, не шелохнувшись, можно интересные вещи увидеть, творящиеся вокруг. Однажды появилась птица, маленькая, с длинным острым клювом, которым она норовит угодить в раскрытый цветок. Трепещет крылышками, чтобы удержаться у цветка. Ни дать, ни взять колибри, крупнее, конечно, русское. Слета в мою голову попадает слепень. Не рассчитал дистанцию. Ударил, отскочил и атаку больше не возобновлял. За обшивку дома одна за другой влетают и вылетают осы. Там у них гнездо. Оса никогда не нападает первой. Кружит около лица, не ужалит, лишь бы не махать руками и нечаянно или со страху не придавить ее. Тогда держись, непременно отомстит. Маленькая оса падает на белый стол передо мной на крылышки, на «спину». Мечется, суетится, никак не перевернется. Наконец, перевернулась и тотчас улетела прочь. Не стал ей помогать. Сочтет за нападение и, точно, ужалит.

В полуденный зной клонит в сон. Часок «придавить» — милое дело.

Июль адский месяц. Жара, грозы. Громы и молнии. Град застучит по крыше и окнам. Одно такое «светопреставление» застало во время полуденного сна. Вскочил с кровати и не сразу понял, что происходит. Грохот непрерывный, как орудийные залпы. Струи дождя стоят стеной, сделались сумерки. Соседних дач не видно. Ветви деревьев треплются ветром — ни дать ни взять космы танцующих девиц. Ветер гудит. И вдруг все стихло. Понеслась гроза дальше, погромыхивая все тише и тише. Какое блаженство выйти из душного дома, где сидел, затаив дыхание от страха, в прохладу и свежесть. Глотнуть полной грудью воздух, который входит в тебя, как белое, только что из холодильника вино.

Отчего люблю одиночество? В это время становишься самим собой. Можно сидеть или лежать и думать или ни о чем не думать. Можно заставлять, а можно и не заставлять себя что-либо делать. Попробуй ничего не делать, когда рядом кто-то чего-то делает, а ты ничего не делаешь. Одиночество это свобода. Свобода делать, что хочешь, а не потому, что надо что-то делать. А свобода необходимое условие для творчества. Любого. Не обязательно «на века». Иногда поражаешься необычности мысли, которая пришла в голову в это время, и которая бы никогда не пришла, будь ты не один. Мысль, пришедшая в одиночестве, крепко сидит в голове. Мысль, посетившая в суете, мелкая, скоротечная, ненадолго удерживается в памяти. И мучительно думаешь потом, о чем, бишь, она была. Золотое время. Когда один, мне не бывает скучно. А еще, будучи один, можно не сдерживать слезы, слушая Бетховена. Или русские романсы. Или Adagio Альбинони. Некого стесняться.

Тишина украшение одиночества. И желанное условие для творчества. Мысль в тишине выкристаллизовывается четче, яснее. Ее не заглушит «наружный шум», как написал Тютчев. Не умею напряженно думать «под музыку», тем более под разговоры, и даже в присутствии молчащего рядом человека. Пришла замечательная мысль, не удержишься, вскакиваешь, заходишь по комнате, потирая руки, или воскликнешь от радости — «вот это да!» В присутствии постороннего, даже близкого человека, этого не сделаешь. Сдержишь себя. И мысль, не поддержанная радостной эмоцией, долго не проживет, завянет. Впрочем, мысль капризная штука. Иногда явится, не спросившись, среди шума и разговоров. И может остаться, если подвернется во время под руку бумага и перо. Но как часто осенит, и исчезнет. И не вернется уже никогда. Здесь как в любви. Не угадал, не проявил должного внимания, и потерял то, что, может быть, «составило бы счастье целой жизни».

Тишина, как, впрочем, и одиночество, порой надоедает. Правда, быстрее, чем одиночество. Тогда включаю проигрыватель, ставлю диск. Сегодня так случилось, что первый диск оказался с еврейскими народными песнями. Потом Паваротти с итальянскими. Какая большая разница. Как еврейские песни похожи на русские! Та же печаль, даже тоска, и бесшабашное веселье. Все вперемежку. То слезы выступа-

ют, то хоть в пляс пускайся. Итальянские — ни разу не приходилось в них слышать печаль, тем более тоску. Повороти слушаю, когда хочу зарядиться энергией, поправить настроение, взяться за работу.

Бетховен — любовь моя. С младых лет. В те далекие уже лета нравилось героическое, драматическое в нем. Теперь лирическое, «умственное» - вторая половина из его тридцати с лишним сонат. Особенно 17-я D-minor. Когда в первый раз услышал — дух захватило. Играйте ее, «когда меня не станет». Не кажется ли Вам, что получается, как у Куприна в «Гранатовом браслете»? Похожесть не только в просьбе. Похожесть в сюжете... Так было всегда. Так будет всегда...

Еще люблю дачу за возможность физических всяческих усилий, без которых она немыслима. Люблю поливать огород, цветы. Испытываю при поливе отцовско-материнские чувства: пейте, мои хорошие, истомились от жажды. И они пьют. Ослабевшие стебли выпрямляются, листья заблестят, краски лепестков станут ярче. Уже знаю и помню названия некоторых из них — бархотки, лилии, гортензия — огромный куст, усыпанный белыми шарами, астильбии. Есть еще какие-то, но не помню, какие. Солнце жжет их беспощадно. Солнцу не ведомо чувство жалости. «Светить, и никаких гвоздей ...»,— вот его лозунг и — Маяковского. А еще на даче каждое лето надо что-то поправлять, забивать куда-нибудь гвозди, пилить или отпиливать. От этого мышцы становятся упругими, на руках прибавляются венозные жилки. Плечи расправляются. Чувствуешь себя атлетом. Но за зиму опять подвянешь, плечи опустятся, руки ослабеют. Но синие жилки останутся, и будут напоминать о мужской работе, которой нет зимой в городе.

Наступает вечер. Самое поэтическо-лирическое время на даче. Хочется музыки, стихов. Берешь книжку в руки, не читается. Смотришь поверх книги и мыслями и мечтами уносишься далеко. И невозможное кажется возможным. Это колдовство какое-то. Отрезвеешь только утром, встав ото сна. Но вечером мечтаешь взапуски, всласть.

Солнце ушло за дачи, расположенные на склоне холма выше моего дома. Мы в тени. Но холм напротив через долину одной из малых русских рек с названием русским — Беспута еще освещен неярким вечерним светом заходящего солнца. Склон холма, днем зеленый, становится золотистым. Только вечернее солнце имеет такое свойство — золотить все вокруг. Там, через речку, день еще длится. У нас уже вечер. В вечер жизни переживаемое чувство дорого, бесценнее, чем все, что было в бездумной юности. В юности впереди вся жизнь. Уйдет одно, придет другое. В вечеру другое не придет. Закончится вечер, и наступит сон...

Как хорошо спится на даче. Только на даче бывает абсолютная тишина. Утром просыпаешь под чириканье ранних птах. В июле это не пенье, как весной, не завлекание подруг для продолжения птичьего рода. В июле это птичьи разговоры, перебранка, уроки выживания для подрастающих птенцов, обсуждение планов для наступающего дня. Я еще в постели; думаю, что принесет мне наступающий день?

PS

Увижу ли когда Вас. Видались мы редко и мельком. Говорили при этих редких встречах об одном, а думали о другом. Видел по Вашим глазам. И Вы, наверное, замечали то же в моих. Даже взгляды свои сдерживали, чтобы кто-нибудь не догадался, о чем они говорят. Не правда ли?

Так хотелось напомнить о себе хотя бы этим письмом. Даже в письме сдерживаю себя. Читайте между строк, и Вы это почувствуете. Но причину тому другая.

Меня угораздило явиться на белый свет давно. Вы — какая несправедливость! — родились совсем недавно. Разница так велика, что подумать страшно. Могу ли я стоять на Вашем пути, заслоняя собою то, что, несомненно, ждет Вас впереди? То, что

обязательно случится? Отнимать у Вас бесценное время, которое проходит, поверьте, слишком быстро? Занимать место, которое уготовано не мне? Вы достойны самого большого счастья.

Спасибо Вам за ласковый взгляд, за слова, которое Вы дважды сказали мне. За то, что благодаря им испытал прилив давно забытых ярких юношеских эмоций.

Не смею позволить себе занимать Ваше время и чувства... «как дай Вам Бог любимой быть другим».

PPS

Все мои попытки послать Вам это письмо по электронной почте не увенчались успехом, увы, из-за моей не слишком тесной дружбы с компьютерной техникой. Не судьба.

PPPS

This letter is a private property of N.K.»

* * *

Вот такое письмо оказалось на флешке.

Через год в одном толстом литературном журнале, издаваемом университетом одного из областных городов, прочел рассказ, и, кажется, что-то понял о причине внезапного исчезновения Петра Петровича. Фамилия автора мне ничего не сказала. Но говорить о своей догадке не буду, письмо сугубо частное, о чем гласит фраза по-английски. Если N.K., кто она, не вызывает сомнений, разрешит, может быть, отдам письмо в тот самый журнал.

Сотрудник отдела младших редакторов Иван Иванов

Маргарита Морданова
(г. Тула)

ПРИТЧИ О СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЕ

Маргарита Морданова — молодая тульская писательница. С отличием окончила Льговский медицинский колледж (Курская область). Работает по специальности в Туле, в системе УФСИН России. Студентка Академии УФСИН. Литературным творчеством начала заниматься в школьные годы. Морданова — автор романа «Возьми мою душу», цикла новелл «Противостояние». Ее стихи печатались в региональной периодике. В «Приокских зорях» публикуется впервые.

НЕ ОБНАЖАЯ ДУШУ

— Ну что ты смотришь на меня? Умоляю, не смотри мне в глаза... Ты единственная, под чьим взглядом я теряюсь.

— Вероятно, это потому, что я знаю твой секрет...

— Я тоже знаю твой! Но ты просто отводишь глаза, когда я пытаюсь делать то, что ты сейчас...

— Вы, мужчины, такие примитивные... Простые решения всегда лежат на поверхности! Подумай сам, зачем мне обнажать перед тобой «зеркало своей души»?!

— Да, власть над миром теряет весь смысл, как только я встречаю тебя...

— Милый, так, может, ты спилишь рога, отрежешь хвост, раздвоенный язык и отдашь все это мне вместе с короной правителя мира. Ты все равно не можешь вытерпеть мой взгляд, а значит, я сильнее...

— Ведьма...

Его глаза налились кровью, рука сжала ее талию до боли, а змеиный язык похотливо коснулся белоснежной шеи.

— Помилуйте, сударь! Какая же я ведьма?! Своими проказами вы пытались истребить мне подобных еще лет двести назад — действиями великой инквизиции, но мы выжили... Ну что такого в том, что мы лечим травами, заговариваем хворь и ворожим на крови? Ведьмы сморщенные, страшные старухи со спутанными волосами и зловонным дыханием, а мы — просто женщины...

Она чмокнула воздух около его лба, легко выскочила из мертвых объятий, оседлала метлу, стоящую рядом, и выпорхнула в окно.

На его губах заиграла улыбка, и он произнес куда-то в пустоту:

— Да... Пожалуй, это единственный случай, когда я рад быть пораженным... Потому-то тебя и не пускают за алтарь...— И после паузы добавил: — Хотя с чего они взяли, что тебе туда надо?..

«РАДА ЗНАКОМСТВУ, MR. DEVIL!»

Номер отеля встретил ее равнодушной тишиной. Мягкий щелчок магнитным ключом — и зажегся свет. На ходу она скидывала поочередно: обувь, рубашку, ши-

карный комбинезон, штанина которого была залита кровью. Уже в одном белье подошла к зеркалу, взяла с тумбочки сигарету, закурила и только после этого посмотрела в глаза собственному отражению и в сотый раз за эту ночь разрыдалась. Она плакала от боли и горечи. По щекам уже не текла косметика, все смылось еще в первый час ее истерики.

Зарывшись в гостиничное одеяло, она вспоминала день, который должен был стать самым счастливым, но вместо этого принес столько страданий. Сперва был концерт, о котором она мечтала с детства, масса эмоций, сорванный голос, слезы (тогда еще от счастья), но потом, на выходе, какой-то урод толкнул ее так, что она упала и разбила коленку, причем настолько сильно, что, пока шел доктор, асфальт под ногами покрылся бурыми каплями крови, смешанной с пылью. Потом ее отвезли в больницу, и стало еще больнее: кололи заморозку, срезали края раны, накладывали швы... Боль и обида спекались внутри, вытекая наружу слезами...

Дыша ртом из-за отека, вызванного истерикой, всхлипывая все реже, она наконец-то начала погружаться в сон, но даже там ее душили рыдания. Уже были мокрыми волосы, одежда, и, кажется, в балетках тоже хлюпали слезы, но она не могла успокоиться.

— Хватит!— раздался рядом голос, и ее руку накрыла чья-то ладонь — красивая, с длинными костлявыми пальцами и проступающими по внешней стороне венами.

Она повернула голову. Перед ней был тот, о встрече с которым она грезила всю жизнь, кого любила, несмотря на то, что совсем его не знала, и о ком думала постоянно, даже в те моменты, когда была не одинока, тот, после чьего выступления она так досадно упала. Он смотрел на нее строго и властно.

— Хватит!— повторил он тем же тоном.— Мне не нужна твоя боль.

— А что тебе нужно?

— Слезы. И их уже достаточно!

— Зачем тебе мои слезы?

Внезапно где-то вдалеке включился огромный экран, на котором замелькал ролик, который она видела вечером перед концертом. Дети, пьющие из лужи грязную воду, родники, начинающие бить прямо у них под ногами, счастливые лица жителей слаборазвитых стран и надпись: «Все средства от тура пойдут на обеспечение питьевой водой жителей стран третьего мира».

— Они не нужны мне! Они нужны им!

— Они пропитаны болью... Зачем им мертвая вода?

— Они пропитаны любовью...— На его лице наконец-то появилась улыбка, а тон стал мягче.— Но она не для них!

— Но иначе их не получишь...

— Кто ты?

Он снова улыбнулся.

— «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Как часто людям приходит в голову истина в первой инстанции, которой они не придают значение... Гете — живой пример.

— Мистер Devil,— впервые за долгое время ее слезы наконец-то высохли,— я никогда не думала, что скажу это, но... Для меня большая честь любить именно вас.

— Ах, как часто я это слышал. И каждый раз — одинаково приятно.

Он обнажил наращенные, отбеленные клыки, вытащил сигареты из кармана жилетки, закурил сам и угостил ее.

— Так значит, дьявол курит “MarlboroMedium”... Брутально...

Следом за сигаретой он протянул ей неясно откуда взявшуюся розу — красивую, с дивным ароматом, на тонкой ножке, усыпанной мелкими, острыми шипами.

— Откуда это?

Она аккуратно взяла цветок, стараясь не поранить пальцы.

— Выросла на том месте, где ты теряла кровь. Вы, люди, такие смешные! Ищете чудеса там, где их нет, не замечая того, что творите сами...

— Она же черная и вся в шипах...

— Детка, ты любишь Дьявола. Она не может быть другой...

— Но я верю в Бога! Хожу в церковь, соблюдаю посты...

— Разве твоя вера пострадала сейчас? Или, возможно, Господь запрещает любить?.. Сегодня ты спасла людей от холеры, засухи и жажды. И не твоя вина, что я воспользовался твоим чувством...

— Наверное, это подло... По отношению ко мне...

— Но тебе же говорили, что я не очень хороший парень...— И он снова обнажил клыки в ослепительной улыбке.— А теперь иди и будь счастлива. Любовь не должна приносить боли...

Его ладонь накрыла ее глаза, а когда он убрал ее, было уже утро. Номер освещал солнечный свет, сквозь приоткрытое окно доносились звуки гудящей столицы. Она встала, подошла все к тому же зеркалу, на тумбочке под ним лежала черная роза с колючей ножкой и пачка “MarlboroMedium”. Она вытащила сигарету, закурила, села в плетеное кресло, выпустила струю дыма и уверенно сказала в пустоту:

— И все-таки я люблю вас, мистер Дэйвил!

Горечи не осталось, боль ушла...

В КОНЦЕ ОСТАНЕТСЯ ЛЮБОВЬ

— Тебе известна самая страшная тайна обо мне, но ты все равно меня любишь... Почему?

— Потому что Любовь — это единственное, что сильнее нас... Когда-нибудь в итоге, после страшного суда, не останется ничего. Только ты, я и наша любовь... Она не спасет и не разрушит мир, она просто останется.

— И тебе все равно, кто я? Ты же знаешь, что я самое страшное на свете...

— Да! Мне совершенно не важно, сколько зла ты сотворил. Я люблю тебя, и это главное!

— И каким ты видишь наш союз?

— Обыкновенно. Свадьба как свадьба... Он — в черном, она — в белом. А то, что у него рога, а у нее крылья... Такая вот она необычная, свадьба эта...

— А я что тогда испытываю к тебе?

— Другую любовь... Телесную... А вместе мы союз — самый прекрасный на свете... И когда на земле никого не останется, смысл жизни станет элементарно прост. Не будет выбора кроме как любить друг друга...

— Знаешь, я больше приветствую разрушение.

— А если тебе нечего разрушать?

— Ты снова ставишь меня в тупик!— улыбнулся он.

— Разрушение невозможно без созидания, созидание невозможно без любви.— Она встала в полный рост и распахнула крылья.

— Так значит, и дети у нас будут?

— Конечно!

— И какими же они будут в нашем противоречивом союзе?— в его тоне появился сарказм. — Крылатые демонята или рогатые ангелочки?

— Просто люди...

И ее победоносная улыбка озарила светом пока еще не до конца разрушенный мир, несмотря на то, что где-то была глубокая ночь.

ЧУЖАЯ ТЕНЬ

— Хочешь посмеяться?
— Давай!
— За мной ходит не моя тень...
— Это как?
— Ну, давай я встану так, чтобы ты ее видел... Так нормально?
— Да... На тебя и впрямь мало похоже...
— Конечно! Ведь у меня крылья...
— А у нее рога...
— Да. И хвост. И раздвоенный язык. А еще она настолько темная, что ее видно даже ночью, несмотря на отсутствие освещения... А еще я чувствую ее дыхание постоянно у себя за спиной...
— В принципе я не удивлен... У меня тоже не моя тень...
— Да?
— Мне кажется, у нее твои крылья...

Людмила Авдеева
(Москва)

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Людмила Евгеньевна Авдеева — член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана. Издано более двадцати книг лирики, книги стихов для детей, поэтическая серия «Восточный калейдоскоп». Серии документальных рассказов публиковались в многотомном издании Академии исторических наук «От солдата до генерала». Произведения малой прозы изданы в альманахах «Русич», «Рассвет над Пушкино». «Разнотравье», Многоголосие», «Куликово поле», в изданиях Культурного представительства посольства ИРИ «Караван» и др. Рассказы разных лет составили авторскую книгу «Времена не выбирают». Лауреат Международных отечественных и зарубежных литературных фестивалей и конкурсов, в том числе им. Ким Ир Сена (КНДР), им. Назыма Хикмета (Турция), золотая медаль «Дивное слово» (Болгария), «Золотая Ника» (Россия), дипломы и знаки отличия афганской диаспоры, юбилейные медали и дипломы СПРФ, в том числе « За вклад в отечественную литературу».

НАСТЕНА

(из цикла рассказов «Женские судьбы»)

На утренний поезд Лариса опоздала. Следующий до Москвы был только через пять часов. «Хочешь насмешить бога, расскажи ему о своих планах»,— вспомнила Лариса, прочитанный где-то афоризм. Планов, действительно, было много. Рассчитывая вернуться из командировки домой к обеду, Лариса собиралась заехать к матери, а от нее успеть на концерт в Рахманиновский зал Консерватории. Теперь же надо было решать, где провести время до поезда. Возвращаться в гостиницу было бессмысленно, а бродить по небольшому провинциальному городку с дорожной сумкой, так же, как и сидеть на вокзале, и того глупее.

И тут Ларису осенило. Она вспомнила, как два года назад, находясь здесь же в командировке, ездила автобусом в соседнюю деревеньку за яблоками. Сухонькую старушку, которая не только продала ей за бесценок антоновку, но и накормила щами, Лариса запомнила хорошо. Даже имя не забыла. Матильда Филипповна. Автобус отходил через двадцать минут, и Лариса успела заскочить в придорожный магазинчик, где нашлась коробка шоколадных конфет и неплохое ванильное печенье.

Через полчаса Лариса уже шла знакомой тропкой. Солнечное августовское утро, наполненное ароматами трав и цветов, вселяло спокойствие, которое нельзя испытать в суетном городе. Лариса сразу узнала третий за поворотом дом, небольшой, деревянный, с длинной застекленной терраской. Но вместо прежнего, завалившегося набок забора, окруженного зарослями длинных лопухов, с которыми престарелой хозяйке уже было не под силу бороться, стоял новый забор, окрашенный в сочный бар-

довый цвет, а возле калитки под кустом цветущего жасмина лежала рыжая кошка и жмурила на непрошеную гостью янтарные глаза.

«Кто-то позаботился о старушке,— с удовольствием подумала Лариса и громко позвала: «Матильда Филипповна». Ответа не последовало, и Лариса открыла калитку. Навстречу ей уже шла, шаркая стоптанными шлепками, женщина в пестром ситцевом халатике и надвинутом на самый лоб цветастом платке. По возрасту и комплекции она напоминала хозяйку, но это была не Матильда Филипповна.

«Это Вы Матильду кличете,— спросила она хмуро, и, не дожидаясь ответа, добавила: — Мотька-то уже год с излишком на небесах молитвы за нас кладет. Теперь я тут хозяйничаю. А ты кто такая будешь?»— заинтересовалась новая хозяйка.

Лариса торопливо рассказала, что была здесь два года назад, покупала яблоки у гостеприимной Матильды Филипповны.

«Мы тоже гостеприимны, не хуже Моти,— с обидой в голосе произнесла женщина.— Я-то подругой ее была, поди, больше полувека. Сродников-то у нее никого не было. Отец после войны года через два помер. Дюже израненный был. Братец меньшой в войну то ли от золотухи, то ли от голодухи помер, а маманя с переживаний болезная была. Мотька за ней всю жизнь ходила-выхаживала. Да, ты проходи, коль приехала»,— спохватилась женщина и потянула Ларису за рукав, продолжая рассказывать: «Когда Мотя померла, какой-то наследник, третья вода на киселе, отыскался аж на Урале. Ну, он приехал дом продавать. А я тогда в городе у дочки жила. Тосковала о землице, хворала. А тут Мотя преставилась, царствие небесное, а дом ее продается. Вот мы с дочкой, недолго думая, и купили его, благо наследник, дай Бог ему здоровья, недорого уступил. Вошел в положение, что внучок весной народился. А деточек надо на воздухе да на фруктах растить. Так что я теперь здесь хозяйка и величают меня Анастасия Ивановна. Можно и просто баба Настена. Я не осерчаю»,— закончила старушка, открывая дверь в комнату.

В доме было чисто и прохладно, но многое изменилось. Не было самотканых половичков. Исчезли железная кровать, а на ее месте стоял добротный большой диван, на котором пасхальными куличами лежали взбитые пуховые подушки в кружевных накидках. Стены были оклеены обоями с мелкими пестрыми цветочками. Но, как и прежде, посредине комнаты стоял большой обеденный стол, да в том же углу висела старинная икона с лампадкой. Цвели на окне и красные герани — гордость прежней хозяйки, но из железных баночек они были пересажены в одинаковые сиреневые пластмассовые горшки.

«Я так понимаю, что до вечера тебе деваться некуда — продолжила беседу Настена, ставя на стол пластмассовый таз с начищенными для консервирования овощами.— Я тут два дня одна колгочусь, консервирую на зиму. Мои детки только в субботу понаедут. Так что давай сочка хлебни, свеженького, из отборных яблочек пароваркой отжала, и мне подсоби. Поработаем, да и поболтаем о жизни. А потом мы с тобой пообедаем, чем бог послал. А поедешь, я и тебе гостинцев соберу».

Конечно, заниматься резкой овощей Ларисе совсем не хотелось, но другого выхода скоротать время до вечера не было, хотя она и попытать объяснить, что не умеет консервировать. В ответ баба Настена строго и наставительно заметила: «Мой отец всех, кто говорил — не могу, не знаю — называл немогузнайками. И считал, что от них много беды, лживости, бестолковости, лукавства, краснобайства. Вот пословица есть, что ученье свет, а не ученье тьма, а выходит, что те, кто по наукам, в бытовой части неученые и неизвестно еще, кто важнее, кто кормит и поит или кто всякие законы или книжки сочиняет».

Лариса хотела было возразить, но, поймав недовольный взгляд хозяйки, прикусила язык и достала из дорожной сумки конфеты и печенье. «Это я угощу моих, когда приедут»,— сказала деловито Настена, пряча обе упаковки в настенный шкаф-

чик, а перед Ларисой положила остро наточенный нож и две глубокие миски, скорее похожие на тазы, приговаривая: «Глаза боятся, а руки делают, ведь недаром говорится, дело мастера боится. Морковку кружочками режь, а свеклу, хорошо бы звездочками или, на худой конец, квадратиками. Так смотреться будут интереснее, когда на праздник откроешь. Режь и рассказывай, чем в Москве занимаешься».

Лариса, не вдаваясь в подробности, рассказала, что была в командировке, за две недели очень соскучилась о семье, что дочь у нее — студентка университета, а муж — ученый-физик.

«Все-то у вас, образованных, справно,— вроде как с досадой сказала баба Настена, выслушав Ларису.— А мне вот выучиться недосуг было. Мы ведь с Мотей ровесницы. Семилетку как раз в первый военный год закончили, в техникум удумали поступать, а тут война. Мы на ферме работали. Невестились. Парни наши постарше были, их-то на фронт забрали. Матвей-то Мотькин крепкий был, улыбчивый, да без вести пропал, сгинул с концами, а она всю жизнь ждала, да вот так одинокой сиротливой осинкой с обрубленными ветками всю жизнь на ветру прокачалась. Царствие небесное. И я в молодости была белотелая, а волосы смоляные, густые, косы в кулак толщиной, не то, что сейчас»,— заулыбалась Настена своим воспоминаниям, проводя жилистой рукой по жиденькой седой косице, стянутой в тугой узел. «Мой-то Иван возвратился. Письма его с фронта все сохранила. В шкатулочке и сейчас лежат. Там же и бусы храню, что он мне на свадьбу подарил. Там и его орден за участие в штурме Кенигсберга храню. А в письмах мой Иван писал, как фрица бьет и меня любит. Расписались мы с ним в сельсовете. Все чин по чину, дочка родилась.

Но там, в этой Восточной Пруссии мой Ваня страшно в голову ранен был. Операцию ему делали уже после Победы. Осколок-то из черепа выскребли, а какое-то осложнение или заражение началось. Вот, верно, видно, говорят, что кто в мае родился, тот маяться будет. А мы с Мотей обе майские. Оказалась жизнь скупой на счастье. Я схоронила своего любого, провалялась в смертельной тоске, исхудала, но поняла, что не одна я такая, вдовая. Тысячи нас. И за жизнь держаться крепко надо, дочку растить, в люди выводить. У меня-то хоть чадо осталось, а вот у Моти никого. Поняла я, нечего напрасно себе и близким сердце грустью рвать, печалью, как крапивой, жалить, а работать надо, утверждаться трудом, солнышко в сердце иметь, утешение в детях и внуках искать. Так и прожила свой век и не заметила, как загостилась. А уходить с земли все еще не хочется».

Слушая Настену, Лариса и не заметила, как нарезала полные миски овощей, а хозяйка успела наполнить трехлитровые банки огурцами и помидорами. Прервав свой рассказ, Анастасия Ивановна отправилась на кухню, заливать овощи рассолом, велев Ларисе убрать все со стола к обеду. Вернулась она минут через двадцать, неся пластмассовый поднос, на котором стояла глубокая тарелка с рассыпчатой горячей картошкой и ароматной селедкой, порезанной на аккуратные кусочки. На тарелке поменьше лежали пузатенькие помидоры, а в просторной миске — квашенная капуста и малосольные огурчики, покрытые зеленым лучком и укропом. «Чем бог послал, перекусим, а бог посылает то, что сам сделал,— говорила Настена, ставя угощение на стол.— Вот мои родители добрые были хозяева. В кадках запасы делали. Не только огурцы да белую капусту солили. Рыбу солили в селитре. Отец сам ловил. А какой густой красный квас готовили и пиво сами наваривали. В хозяйстве до войны две пары гусей было, пяток уток при селезне, кур держали, хряка. А теперь в деревне разве у кого куры топчутся, а так пусто». И, как будто что-то вспомнив, повернулась к настенному шкафчику, в который убрала Ларисины сладости, и достала объемный стеклянный кувшинчик. «Вишневочка молодая, густая, добротная. У меня и яблочная шипучка есть и рябиновый ликер. Все своими рученьками. Никто лучше не выполнит, чем сама. Без подвоха. Это в городе подвоха не избежать. Всюду химия. У вас даже чай дурен. А у меня тра-

вушки-муравушки». И она разлила рубиновое вино прямо в большие фарфоровые белые чашки. «Люблю я белую посуду или с легким голубым узором,— приговаривала Настена, любуясь своими чашками.— Это у нас сервиз семейный был на двенадцать ртов. Модный такой. Да побились и тарелочки, и чайничек».

В комнату вошла рыжая кошка, потерлась о Ларисины ноги и развалилась около дивана. «Это Мотино наследство. Рыжуха ее утехой была, ее лекаршей,— вздохнула старуха.— Станет Моте плоховато, она приляжет, а Рыжуха с ней рядышком мурлычет. Боль и отступит. Нам же, деревенским, болеть недосуг. Здесь хороших лекарств купить негде. Но я тебе скажу откровенно, бойся заморских лекарств. Они сплошь вредные и бесполезные. Лучшее лекарство — поголодать днем, а на закате солнышка съесть пустой кашки. У нас кто из старух заболеет, то первый день отлеживается на мягкой постели, травки завариваем, а на второй уже можно похлебку пожевать, а потом на воздух. Здоровье — это воздух, питье и верная еда. Поэтому я и вернулась в деревню и дом Мотин купила, и мои родные с радостью теперь едут сюда, а раньше фыркали, городом хвалились. Теперь, слава богу, поняли, как тут жить благодетельно».

Лариса слушала старушку молча, иногда поддакивая, и с удовольствием ела рассыпчатую картошку, покрошив сверху ароматный укроп. Потом пили чай из зверобоя с душицей с яблочным пирогом, который то ли был приготовлен заранее, то ли хозяйка знала какой-то секрет быстрого изготовления вкусного легкого, похожего на воздушное пирожное, пирога.

Жаркий августовский день клонился к вечеру. Лариса засобиралась. «Может, останешься, переночуешь?»— спросила баба Настена, продолжая засовывать в дорожную сумку пакеты с овощами и яблоками, баночки с вареньем и маринадами. «Да нет, спасибо, поеду. Меня уже заждались дома,— отвечала Лариса, вытаскивая дары из сумки.— Мне же не дотащить столько». Но баба Настена настойчиво возвращала банки назад, повторяя, что эти ее лакомства пригодятся к Рождеству.

Вместе дошли до автобуса, и баба Настена, вдруг неожиданно расчувствовавшись, обняла Ларису и зашептала: «Ты заезжай на другой год. Коли жива буду, приму. А еще скажу тебе, а ты поверь старухе, что на постоянство судьбы надеяться нельзя. Бог нас водит. Как отец говаривал, бог наш генерал. Дерево валится, и мы не бессмертны, поэтому и надо дело делать, а не тянуть жизнь попусту, как резину, чтоб людям и самой утешение было, и солнышко в сердце чуялось,— и добавила, уже громко, когда Лариса махнула ей рукой из автобуса: — Небось, в Москве все, что говорили, забудешь или еще и посмеешься, вспомнив бабку Настену».

К поезду Лариса успела вовремя. Попутчик поставил ее большую дорожную сумку на верхнюю полку и, желая продолжить знакомство, поинтересовался, что такое тяжелое может вести такая хрупкая женщина. Не получив ответа, через некоторое время он предложил принести чая. Лариса только отрицательно покачала головой. «Вы удивительно разговорчивы»,— опять попытался пошутить мужчина, но Лариса снова не отреагировала. Всю дорогу до Москвы она думала о том, надолго ли благосклонна к ней судьба, в чем ее, Ларисино, утешение и можно ли ее жизнь назвать благодетельной, приносящей кому-то утешение и зажигающей в сердце солнышко.

ПРОДАЕТСЯ ДОМ В ДЕРЕВНЕ

На автобусной остановке всегда висело много объявлений, на которые Нина никогда не обращала внимания. Но это, написанное красным цветным карандашом неровными печатными буквами на тетрадном листочке в клеточку, ее невольно привлекло. «Продаю срочно старый дом в деревне. Деревня хорошая. Есть лес с грибами. Спросить деда Василия». Дальше была указана станция и название деревни. «Кто

же поедет к этому дедушке за котом в мешке. Сколько комнат в этом доме не указал. Какой у него участок, неизвестно. Да и номер телефона не написан»,— усмехалась Нина, садясь в автобус.

В воскресенье Нинина мама с утра собралась отвести пятилетнего внука к родителям погибшего в геологической экспедиции Нининого мужа.

«Соскучились они о мальчонке. Души в нем не чают. Вылитый отец растет. Посидим, поговорим по душам, чайку попьем. Недаром же я пирогов вчера напекла. Порадуем своим визитом одиноких стариков»,— приговаривала она, собирая сумку.

При слове «стариков», Нина как-то невольно вспомнила подпись под объявлением: «Спросить деда Василия». «Вот тоже одинокий старик сидит в своей деревне и ждет, кто его старый дом купит»,— подумала Нина, и у нее молниеносно созрел план. «Я, тоже вернусь поздно»,— предупредила она, на всякий случай, мать. А та и не стала расспрашивать, куда собирается дочь, надеясь, что, наконец-то, ее Нина согласилась пойти на свидание с достойным человеком.

Овдовевшей Нине было всего тридцать два, и свекровь со свекром не возражали, чтобы она устроила свою судьбу, а мама Нины только об этом и мечтала. Но Нина была равнодушна к тем, кто пытался за ней ухаживать, и проводила выходные за домашними делами, чтением, да изредка выбиралась в театр или на концерт с подругой по институту.

...Деревня находилась недалеко от станции. Улица, на которой продавался дом, называлась Сосновая Аллея, но росли на ней одни липы, источавшие дурманящий аромат. О деде Василии Нина решила узнать в первом же доме. «Неужели покупать решили эту развалюху,— удивилась сухонькая старушка, срезавшая, видимо, на продажу цветы в палисаднике.— Не советую. Дому-то сто лет. Это еще отец Василия ставил, а сейчас Василию за восемьдесят. Он на десяток лет меня старше. Ему даже повоевать пришлось. Вообще то он человек хороший, образованный. Но после смерти Алены, жены Васиной, запущено у него на участке. Он даже яблоки не собирает. А год-то урожайный. Василий ведь и дочь пережил. А внучка за иностранцем замужем, за немцем. Он этих фрицев, бил на фронте, а она за немца выскочила и теперь его к себе забрать хочет в Неметчину».

Старушка была настроена на долгий разговор, но Нина, узнав, где расположен дом деда Василия, поблагодарив, направилась по адресу. Покупать дом она не собиралась и даже не понимала до конца, что ею руководило, когда она решила ехать в эту деревню — любопытство или жалость к старому одинокому человеку. Но через пять минут она уже входила на заросший крапивой и репейником участок.

На открытой террасе сидел грузный лысоватый человек с редкой седой бородкой, в старом шерстяном свитере и читал. Увидев Нину, он поднялся, отложил книгу, снял очки и протянул руку: «Василий Васильевич, домовладелец. А вы покупательница. Как величать прикажите?»

Нина успела только назвать свое имя, как мужчина, несколько суетливо, взяв ее за локоть, провел в просторную комнату, усадил на тахту, а сам начал доставать чашки из старенького серванта: «Сначала чаек с дороги. У меня есть колбаска и житный хлебушек. Любите житный? В чаек можно яблочек покрошить. Вон они в саду осыпаются. Воды яблоням не хватает. Я ведь, старый пень, за водой к колонке только для себя, эгоиста, хожу. Ведро наберу, мне и хватит». Нина хотела возразить, что выбралась ненадолго и обойдется без чая, но Василий Васильевич уже резал колбасу, намазывал маслом хлеб и довольный, что появился неожиданный собеседник, даже что-то напевал. «Ну-с, голубушка, прошу к столу. Чайку попьем и побеседуем. Жизнь она и есть жизнь. У каждого свои радости и печали. Да и разочарований хватает. Вот мы, военное поколение, как в песне поется, славные застали времена. Исторические времена, когда была у нас великая Родина. А теперь у вас молодых много Америки, да мало России.

Все деньги решают. А разум и богатство искать надо в народе. Не так ли, голубушка?». «Так»,— подтвердила Нина, чувствуя все большее расположение к этому человеку, искавшему в ней понимания и сочувствия. Вспомнив, что взяла с собой мамины пирожки, Нина достала из сумки пакет. «Домашние пирожки!— обрадовался дед Василий.— Вот радость доставили. Давно не ел домашних. Моя Алена, царствие ей небесное, такие пироги и пампушечки делала. Пальчики не только оближешь, но и проглотишь. Умница была, обаятельная женщина, гостеприимная. Однокурсница моя. Сорок лет прожили душа в душу, хотя и ссорились тоже от души».

Дед Василий, погрустнев, замолчал на минуту, а потом начал рассказывать Нине, как окончил училище связи и попал на передовую. Обслуживал связь командира дивизиона. «Провод приходилось тянуть под прямым огнем врага,— рассказывал задумчиво Василий Васильевич.— Получил осколок в грудь. Чудовищная боль была. Одежда кровью пропиталась. В госпитале валялся долго. А после войны в педагогический поступил и Алену встретил. Вместе с ней в школе работали больше тридцати лет. Она литературу, я историю преподавали. А потом, как рушиться все стало, понял, что я чернить славные времена не смогу. Ностальгия у меня по тем годам. Ушел, в четырех стенах заперся, хозяйством занялся. Дом отцовский подлатал. А по телевизору смотрел да по приемнику слушал, что в стране творится. И переживал, что ничего не в силах изменить. На войне-то все ясно было. Вот он враг. А тут свои же все разваливают, страну гробят. А потом начались семейные печали, и горе пришло. Дочь насмерть машина сбила. Жена с инсультом слегла, да и не оправилась. За дочерью отправилась на небеса. Внучка оставалась. Выучилась, переводчицей работать стала, да замуж и выскочила. И за кого, ты думаешь? За немца. А для меня они все фрицы. Понимаю, что неправильно рассуждаю, а вот ничего поделать не могу. Может, и правда, ее немец — хороший мужик. У них уже двое пацанов народилось. А теперь внучка моя, Ольга, пожелала, чтобы я дом продал и к ним ехал жить. Им-то этот дом не нужен, она даже пишет, бросай, дед, дом. А я в душе не хочу ехать. Иное там и солнце, и небо. Но я хочу быть кому-то нужным, необходимым. А там все-таки кровь родная и во внучке, и в правнуках течет. А помру — Ольга обещает вместе с Аленой положить на родной земле. Вот я и попросил одного из местных, когда в Москву на рынок с товаром поедет, написать объявление о продаже да где-нибудь на видном месте повесить. Он где-то на остановке автобусной прилепил, говорит, на клей «Момент» для крепости. А никто не едет. Ты первая. Допивай чай и пойдем, голубушка, владения смотреть».

Нина уже собралась сказать, что приехала по какому-то наитию, что у нее на покупку дома денег нет, от зарплаты до зарплаты живут. Но она встала и послушно пошла за Василием Васильевичем по дощатым скрипучим полам узкого коридорчика.

«Сейчас как отношения у людей строятся. Выгодно купить — выгодно продать. Одним не до жиру, быть бы живу, а другие жируют, деньги на ветер бросают. Им, этим олигархам, ветер затем и нужен, чтобы на него деньги бросать,— шутил старик.— А в этом доме вся жизнь моих отца и матери прошла, моя и жены, дочки нашей, и для меня этому дому цены нет, но тебе продам за сколько дашь. Вон у тебя сынок, а здесь свежий воздух, лес, река. Хорошо отдохнуть и тебе можно, и мамаше твоей. Ведь это раньше всей семьей в отпуск на самолете к морю могли полететь, а теперь деньги немаленькие нужны. А судьбу свою устроишь, и мужские руки приложатся на участке поработать, землю вскопать, картошку посадить»,— говорил Василий Васильевич, показывая Нине вторую небольшую комнатку и узкую кухоньку с облупившимся потолком, трещинами на стенах. «Газ провел, когда еще жена и дочь живы были. Сейчас бы уже не потянул»,— рассказывал дед Василий, поглаживая ладонью выцветшую, некогда голубую клеенку на узеньком столе.

«Участок тоже хороший, если сорняки убрать,— продолжал Василий Васильевич, выводя Нину на улицу.— Сорняков теперь много и среди людей развелось. А ты моло-

дая, крепкая. Цветочков посадишь, клубничку разведешь, как бывало моя Алена. Ну, как сговоримся? Сколько тебе за мое поместье не жалко?» Нина чувствовала, что краснеет. Ей казалось, что она обманула ожидания старого человека, которому приходится уезжать в чужую страну и хочется передать в добрые руки свое фамильное гнездо.

«А зачем Вам, Василий Васильевич, уезжать, если Вы не хотите? Оставайтесь. Вы еще крепкий мужчина. А я у Вас буду на все лето снимать одну комнату. Маму с сыном привезу. На аренду у меня денег хватит, да и Вы недорого, думаю, возьмете. Мама Вам пирожки домашние будет печь, борщи готовить. Участок в порядок приведем, овощей посадим, варенья на зиму и для вас, и себе наварим. А на зиму поедете к внучке в гости. На дорогу как раз денег наберете»,— выложила она неожиданно родившийся план. «Ну, придумала же, голубушка,— не рассердился, а обрадовался Василий Васильевич.— Вот я, старый пень, и не подумал, что можно найти на лето добрую душу. Да у нас уже весной хорошо, а осень так вообще золотая. Твой малец-то пока в школу не ходит, может с твоей мамашей здесь вообще с мая жить, а ты на выходные наезжать будешь. Согласен, рассмотреть, как вариант. А пока яблочек набери, и я тебя провожу до вокзала. Как раз к восьмичасовой электричке успеешь. А то вон комары разлетались. Из простых людей не хуже олигархов кровь пососать норовят».

Нина оставила Василию Васильевичу номера домашнего, рабочего и мобильного телефонов, и он обещал позвонить ей на неделе при любом решении. Вернувшись домой с полной сумкой яблок, Нина соврала матери, что была у хорошей знакомой, и ничего не рассказала о Василии Васильевиче. Ей хотелось дождаться его звонка и тогда обрадовать мать, что они с Димкой смогут остаток лета и даже осень, если будет тепло, провести в деревне, на свежем воздухе. Всю неделю, Нина ждала звонка, надеялась и позже, что Василий Васильевич позвонит.

...В конце октября, Нину пригласила одна из сотрудниц на день рождения, который отмечали на даче. Дача находилась на две остановки дальше, чем деревня деда Василия. И Нина, выехав пораньше, решила заехать по знакомому адресу. На месте дома деда Василия полным ходом шло строительство. Коттедж, замысловатый по форме, уже достиг второго этажа. И его можно было видеть из-за высокого каменного забора. О Василии Васильевиче рабочие ничего не знали. Нина в недоумении брела назад, когда столкнулась с той самой говорливой старушкой, что в июне указала ей, где продается дом.

«Ты,— неожиданно узнала старушка Нину,— к деду Василию, что ли прикатила? А его в Неметчину угнали, как у нас тут шутят мужики. Он надумал летом кому-то дом сдавать и к внучке не ехать.— Старушка вдруг внимательно посмотрела на Нину.— Не тебе ли? А внучка, как узнала, сама прикатила. Фрау Ольга она теперь. Сразу же нашла какого-то молодца с тугим кошельком. Он говорят, хорошие деньги отвалил, быстренько все оформили, собрали нашего деда Василия и в самолет на Неметчину. Ольга сказала, что ему там хорошо будет. Дом у них большой, комнату ему выделят, будет с правнуками играть. А помрет, сюда привезут, его последнюю волю исполнят. С Аленой положат. Но никто в это у нас не верит. Писать обещал, но пока молчит, хотя второй месяц пошел».

На следующий день после работы, ожидая автобус, Нина среди новых объявлений, заметила знакомый тетрадный листочек в клеточку. Его, видимо, кто-то пытался сорвать, но друг деда Василия клея не пожалел, и на оставшемся бумажном клочке, можно было прочесть, написанные красным цветным карандашом три слова, похожие на текст телеграммы: «срочно... спросить деда». Но Нина уже знала, что никогда и ни о чем не сможет спросить деда Василия.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ДЫРКА В ГОЛОВЕ

Отец — постаревший, с сероватым цветом лица, но живой встретил Василия у дверей квартиры. И они пошли вместе искать какую-то забытую вещь. Когда отец повернулся к нему левым боком (Василий вздрогнул), на его виске, возле мочки уха зияла, чернела глубокая, проникающая в кость рана, похожая на дыру.

— Папа, ты же ранен!?— вскричал встревоженный сын.

Отец грустно улыбнулся:

— Ничего, заживет...

После такого тревожного сна Василий Петрович Нечитайло — профессор местного университета, очнулся в холодном поту. В спальне нависла тишина и сумрак. Жена сладко сопела на кровати рядом. Посмотрел на светящийся циферблат будильника на тумбочке — стрелки показывали полседьмого.

«Все равно не усну»,— грустно решил профессор. И, стараясь не шуметь, выскользнул из под теплого одеяла на прохладный пол. Прошел привычно на кухню, выпил полстакана холодной воды, включил электрочайник. Прошел в ванную комнату, начал бриться перед квадратным зеркалом. Мрачный сон не лез у него из головы. Увидеть отца, ушедшего из жизни более десяти лет тому назад, да с черной дырой в голове — к чему бы это?

Занятый невеселыми мыслями Нечитайло как-то неаккуратно, под углом повернул бритвенный прибор,— и порезался. Брызнула струйка крови, долго не останавливалось кровотечение — наконец ранка затромбировалась, оставив на щеке неровную подсохшую корочку.

— Вот тебе сон в руку... Придется идти на работу с обезображенным лицом... Попробуй, докажи кому-нибудь, что порезался во время бритья, а не жена вонзилась за все хорошее в припадке чувств...— почти тоскливо подумал Василий Петрович, обрабатывая рану ватным тампоном, смоченным одеколоном.

Через несколько минут, позавтракав вчерашним бутербродом с чаем, в полутемной прихожей он своим ключом открыл входную дверь, наклонился, чтобы взять свой потертый, толстый от бумаг портфель, и заметил рядом с ним на полу плотно наполненный целлофановый пакет с торчащей из него пустой бутылкой.

— Видимо, пакет с мусором жена с вечера приготовила на выброс,— решил Нечитайло и, подхватив вместе с портфелем и пакет, стараясь не шуметь, аккуратно закрыл за собой на замок входную дверь в квартиру снаружи.

На улице, перед тем как спуститься через тамбур дверей подземной автостоянки, выбросил по пути коричневый пакет с мусором в самый центр большого мусорного контейнера во дворе. От удара пакет стеклянно звякнул при приземлении в контейнер...

На работе Василий Петрович попытался включить ноутбук, чтобы прочитать утреннюю почту, поступившую через Интернет. Но экран компьютера непонятно зами-

гал... и погас! Нечитайло попробовал, как мог, запустить интернет, но все попытки оказались тщетны — экран оставался мертвенно черным.

— Да, видно, все из-за этого зловещего сна!— с досадой подумал профессор.

В это мгновение задребезжал его сотовый телефон в кармане халата. Василий Петрович раздраженно ответил в трубку:

— Да, слушаю вас!

— Вася!— голос жены в сотовом звенел от напряжения.— Вася, ты случайно не видел коричневый целлофановый пакет с обувью, которую Света оставила вчера у меня, попросив сдать в ремонт в мастерскую возле нашего дома? Так как в Москве это дороже стоит!?

— Да, я взял какой-то пакет, решив, что он с мусором... Из него еще бутылка пустая торчала...— растерянно начал объяснять профессор.

— Да, в нем Света забыла пустую бутылку из под кваса... Так, что ты с ним сделал!?— в голосе жены явно зазвенели металлические нотки, не предвещавшие ничего хорошего.

— Что я сделал? Выбросил этот пакет в мусорный контейнер...— ответил Василий Петрович.

— Как ты мог?! Там было три пары обуви!..— и жена рассержено выключила телефон.

— Вот черт, действительно, дырка в голове у меня появилась!— лихорадочные мысли виновности закрутились в мозгу профессора.

Он поглядел на часы — можно было, отложив все дела, доехать до дома — и поискать злосчастный пакет с обувью в мусорном контейнере. Контейнер опустошала мусоросборочная машина с 11 до 13 часов ежедневно. Сейчас на часах было десять тридцать...

Нечитайло предупредил старшего лаборанта кафедры, что ему нужно срочно заехать домой, и через пару минут на предельной скорости, срезая свой путь по проулкам, мчался к дому.

На крыльце его уже поджидала рассерженная жена со стремянкой в руках. Василий Петрович почти вырвал из ее рук лестницу и, спеша, понесся с ней через двор к мусорному контейнеру.

Приставил стремянку к грязному металлическому борту контейнера. Пошатываясь, неуклюже взобрался по лестнице на кручу груды мусора.

Коричневого целофанового пакета с обувью не увидел, начал сначала перекладывать, а затем перебрасывать под ворчание подошедшей жены вонючие пакеты с мусором.

Чертыхаясь, перебрал почти все грязное содержимое контейнера... Спустя минут двадцать понял, что его поиски тщетны — пакет с обувью исчез бесследно!

Из оцарапанной в запале поисков ладони руки лилась кровь, ноздри носа раздражали гадкие запахи, исходившие от помойки...

— Все, больше не могу... Видно, кто-то из бомжей с утра опередил нас!— с трудом спускаясь с верхотуры, грустно констатировал Нечитайло, грязными, окровавленными руками начав складывать стремянку.— Бесполезно продолжать поиски...

— Ладно, Вася, в конце концов, это всего лишь обувь,— примирительно согласилась и жена. И они ни с чем поплелись к своему подъезду.

Студент пятого курса лечебного факультета местного университета Гена Косякин был зол на профессора Нечитайло за то, что тот отловил его со списыванием с сотового на экзамене и поставил двойку.

Генка жил по соседству с домом профессора, в том же дворе, и часто из окна своей

трехкомнатной квартиры, купленной на деньги пахана, успешно распиливающего госбюджетные деньги в структуре местного Росгазнефтепрома, наблюдал, как полноватый, несколько неуклюжий Нечитайло прогуливался невдалеке с работы или на работу.

Вот и сегодня Генка — рыжий, лохматый со сна, очнулся поутру поздно, с головной болью после вчерашнего похода в ночной клуб.

Опохмелился с удовольствием бутылкой пива, найденной в холодильнике на кухне, посмотрел в окно, и — чуть не подпрыгнул от увиденного!

Возле мусорного контейнера во дворе разглядел ненавистного профессора Нечитайло, яростно роящегося в отходах!

Озарение просветило затуманенный мозг Косякина мгновенно! Трясущимися от еще не ушедшего до конца похмелья руками он оперативно включил японскую видеокамеру и, выйдя на балкон, стал снимать на нее все происходившее у мусоросборника, ехидно похихикивая в душе: «Видно, наш профессор стал добывать себе на пропитание, отбирая хлеб у местных бичей! Занятно...»

В этот день с Нечитайло произошло еще несколько неприятностей. Он забыл пластиковую карточку возле банкомата, где снимал деньги. Достаточно быстро поняв свою оплошность, вернулся обратно в банк — но оставленная им карточка исчезла бесследно. Пока он безуспешно расспрашивал о пропаже сотрудников банка — неизвестная, скрывшаяся машина зацепила его припаркованный автомобиль, оставив на дверце большую вмятину...

Поздно вечером, опустошенно наблюдая за очередным тупым телесериалом про врачей-убийц в зале своей квартиры, услышал телефонный звонок. Побеспокоил старый приятель:

— Вася, ты смотрел сегодня местные интернетовские «Баранки»? Посмотри! Только не волнуйся... Какой-то гад выложил там видеосюжет под названием «Профессора, доведенные до отчаяния унизительными зарплатами, собирают объедки на помойках»...

Нечитайло вместе с женой, успокоившейся по поводу пропажи обуви, включил компьютер, вошел в Интернет и на местном портале «Баранки», где регулярно озвучивались всякие сплетни и гадости, увидел отснятую сцену, как он копается в мусорном контейнере в поисках пропажи с непотребными комментариями в свой адрес.

Лицо жены, наблюдавшей все это несколько первых минут оставалось непроницаемо, а затем она сначала как будто чем-то поперхнулась, весело посмотрела на Василия Петровича — и они через мгновение уже тряслись оба от неудержимого смеха:

— Как ты славно смотришься в этом амплуа, Вася!.. Пора завязывать с этой преподавательской деятельностью! Ты — классический бомж, а не профессор!

— Ха, ха, ха! Представляешь, как меня завтра вызовут за разъяснениями к декану, а то и к ректору! Ха, ха, ха! Что я им объясню?! Кто поверит, что я пытался найти выброшенную по ошибке кошелку с обувью!

— Ну, потеха!.. Консьержка из нашего подъезда рассказала мне, что видела какого-то рыжего парня, который снимал нас на видеокамеру со своего балкона в соседнем доме! Ха, ха, ха!— тряслась неистово жена, чуть не падая со стула.

— А, так это же двоечник Косякин с пятого курса там живет! Я ему позавчера пару влепил на экзамене! Вот в нем и проснулся операторский талант!.. Ха, ха, ха!— догадался Нечитайло.

— А, когда ему к тебе на пересдачу экзамена приходить?! Ха, ха, ха!..

— Пересдача назначена через две недели! Ха, ха, ха! Пообщаемся с ним, поверь, душевно!

Роза Нарышкина
(г. Алексин)

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

По профессии учитель русского языка и литературы. Автор двух поэтических сборников, участник алексинских и тульских изданий. Лауреат I фестиваля поэзии и бардовской песни в городе Алексине (2002 г.). Готовит к изданию третий сборник стихов; пишет рассказы, являясь активным участником журнала «Приокские зори».

А память точит сердце вновь
и не дает покоя...

Бег времени неумолим. Я знаю, я это чувствую всю свою жизнь. А еще я знаю, ты есть, в твоем окне все еще горит неугасимый свет. Ты не можешь бесследно исчезнуть, потому что очень любил всегда жизнь. Эта любовь жила в твоих глазах, ярких и пронзительно-веселых, в твоих крепких объятиях, в твоей улыбке, теплой и ласковой, в зажигательном смехе. Помнишь нашу первую, нечаянную встречу на берегу маленького озера, куда мы вышли прогуляться после праздничного застолья? Мы были не одни, с нами шли и пели «Подмосковные вечера» милые и добрые соседи. Было лето. Наступили сумерки, луна разбросала холодные свои лучи, освещая наши счастливые лица, и мы отчего-то много смеялись...

Неожиданно я почувствовала легкое прикосновение чьей-то руки (несомненно, мужской), пронзившее мое худенькое плечо, выбившееся из глубокого выреза шелкового платья. Оглянувшись, я встретила взгляд темных цыганских глаз. Я не сопротивлялась, мне было приятно... Отчего вдруг?

На другой день (по твоей просьбе) мы встретились в центре города, у домика лебедей, на узком мостике. Сердце трепетало от близости, ты подошел ко мне и впервые, глядя в глаза, сказал: «Теперь я счастлив. У меня есть ты!» Потом мы поехали в парк, что почти за чертой Риги, такой большой, что можно затеряться, и решили подкрепиться. Мы сидели в маленьком кафе, слушая мелодию любви, звучавшую в наших сердцах, и, робко разглядывая друг друга, еще не понимали, что ждет нас впереди. Знали только одно: это был зов любви, захвативший наши души настолько, что не было пути назад. Два года встреч, счастливых встреч. Мы еще не осознавали, что будет с нашей любовью, но неумолимая разлука пришла, потому что оставались дома те, кто дорожил каждым из нас. Мы должны были отдать в жертву нашу любовь, ради близких, и мы сделали это. Помнишь прощальный вечер в «Таллине»? Нам было грустно, очень печально, вместе с нами плакала наша Любовь — мы убивали ее. А потом, взявшись за руки, шли через длинный мост, протянувшийся над Даугавой, и молчали, молчали от сердечной боли. Остановившись на один миг, обняв меня за худенькие плечи, ты сказал: «Ты меня не забудешь. Я знаю».

Прошло много лет, а мое сердце тихо стонет от воспоминаний... Жив ли ты? Если встречаешь новую зарю,— отзовись! Отзовись, дорогой мой человек!

Лилия Агадулина
(г. Москва)

КАКАЯ КРАСИВАЯ НОЧЬ

Несмотря на позднюю осень, день на удивление выдался теплый. Настроение у Насти было прекрасное. Сегодня ей вручили писательский билет. Она уже достала мобильный телефон, чтобы позвонить сестре и сообщить ей приятную новость, как вдруг ее кто-то окликнул. На другой стороне улицы, возле ЦДЛ, стоял Вовка.

Настя как никогда почему-то очень обрадовалась этой встрече, хотя виделись они и так довольно часто, так как оба учились в институте имени Горького на ВЛК. Вовка давно ухаживал за ней. Об этом знали уже многие вээлкашники, но Настя как-то все сторонилась его. Во-первых, он намного был старше ее, а потом поговаривали, что он большой любитель выпить.

— Вот, зашел за газетами,— сказал Вовка.

Настя радостно рассмеялась:

— Ты представляешь, ты даже не представляешь, какой у меня сегодня день.— И, достав из сумочки красную корочку писательского билета, повертела у него под носом.

— Ого, да тебя можно поздравить! Дай я тебя обниму. В нашем полку прибыло. Это дело надо обязательно отметить, обязательно.

Настя сегодня была так счастлива, что с легкостью согласилась. Решили поехать к ней. По дороге, в переходе метро, купили бутылку коньяка. Дома Настя быстро приготовила легкую закуску. Писательский билет красовался в вазочке с конфетами.

После первой рюмки они, перебивая друг друга, читали стихи своих любимых поэтов. А после второй рюмки поняли, что просто нашли друг друга и что они — родные души. И все, наверное, и было бы хорошо, если бы Насте вдруг не стало плохо.

— Что-то мне нехорошо,— вдруг побледнев, сказала она и побежала в ванную. Вышла оттуда совсем бледная.

— Извини,— сказала она.— Пойду, прилягу. Нехорошо мне что-то.

Настя легла на кровать. Вовка бережно накрыл ее одеялом, тщательно подоткнув его, как это делают маленьким детям, приговаривая при этом:

— Отдохни, дорогая, тебе надо отдохнуть, я не буду тебе мешать.— И ушел на кухню, прикрыв дверь.

И Настя уснула. Надолго ли, она не поняла, как вдруг, словно что-то почувствовав, открыла глаза, и — о Боже,— перед ней стоял Вовка, почти голый, в одних трусах.

— Здрасьте, я ваша тетя,— удивленно воскликнула Настя и, неловко взмахнув руками, свалилась с узкой кровати на пол, сильно ударившись головой об острую декоративную ручку комода. Громко вскрикнув и кое-как освободившись от одеяла, она схватилась руками за голову.

Вовка подбежал к ней, стал поднимать, целуя ее. Она же кричала:

— Отойди от меня! Ты что, дурак что ли? Не видишь?— И, отняв руку от головы, показала свою ладонь, с которой капала на пол ярко-алая кровь.— «Скорую» вызывай!

— Ты что? Какую «скорую»?— твердил он.

— Дай мне телефон,— требовала Настя.

Вовка подал ей телефонную трубку, все продолжая твердить:

— Зачем «скорую»?..

«Ох,— подумала Настя.— Наверное, коньяк был левый».

Бригада «скорой помощи» приехала быстро. Стали расспрашивать, как это все случилось. Настя честно и подробно все рассказала.

— Понимаете, писательский билет обмывали. Я выпила-то всего две рюмки коньяка...

И только она это проговорила, как почувствовала, (а может, потеря крови сказалась), что пьянеет, и ей вдруг стало как-то весело. И пока фельдшер обрабатывала ей рану и делала перевязку, она охотно болтала с ними, как со старыми добрыми друзьями, буквально за несколько минут рассказав им о себе добрую половину своей жизни.

Затем она подарила им два сборника своих стихов (подметив, как они этому обрадовались). А когда они еще попросили у нее автограф!.. Вот тут она вдруг почувствовала, что вся ее сущность переполняется каким-то гордым торжеством. И, встав в поэтическую позу, Настя прочитала свое любимое стихотворение Осипа Мандельштама. И она видела, как светились их лица. («Думают, что это мои»,— мелькнуло у нее в голове.) Да, в этот момент она и сама думала так же.

Затем она поблагодарила врачей за оказанную помощь и, сказав, что ей очень хочется спать, пожелала им счастливого пути.

— Нет, нет!— в один голос заговорили врач и фельдшер, сунув ей под нос ватку с нашатырным спиртом.— Рана слишком глубокая, придется зашивать. Одевайтесь, надо ехать в травмпункт.

— Вова, помоги мне!— крикнула Настя.

Вовка вышел из кухни, чтобы застегнуть молнию на Настином платье.

— Дядя мой,— сама не зная почему, сказала Настя.

— Дядю нашла,— обиженно проворчал Вовка и снова ушел на кухню. Настя демонстративно бросила ключи на стол перед ним и, очутившись в машине «скорой помощи», тут же и забыла о нем.

Ехали довольно долго. Насте очень хотелось спать. Фельдшер спросила:

— Как вы себя чувствуете?

— Спать хочется,— пробормотала Настя.

— Можете лечь,— сказала та, взглядом показав на носилки.

«Ну уж нет»,— подумала Настя и, заставляя себя взбодриться, стала громко читать свои стихи, пытаясь перекричать шум мотора. Наконец-то приехали. «Куда завезли?»— думала она.

Тихая осенняя ночь на удивление была теплая. Высокие фонари освещали дорожку сквера и серебрили ребристые листья деревьев.

«Красиво»,— отметила Настя.

— Посидите на скамейке,— сказал врач и скрылся в корпусе здания с высоким крыльцом.

Свет луны мягко падал на скамейку, на которой сидела Настя. И вдруг достав записную книжку из сумочки, она старательно стала что-то писать.

Вышел дежурный врач и сказал:

— Пойдемте, женщина.

— Сейчас, сейчас,— ответила Настя, продолжая писать. Врач подошел к ней, и она заметила, как он, заглянув в ее записную книжку, прыснул в кулак, а потом снова сказал:

— Пойдемте, женщина, пойдемте...

Настю задел его ехидный тон. Медленно убрав записную книжку в сумочку, она с гордым видом, поднявшись со скамьи, торжественно произнесла:

— А в небе танцует золото, приказывает мне петь.— И с гордо поднятой головой вошла в здание травмпункта...

Настя шла по длинному коридору и продолжала дальше читать стихотворение любимого Мандельштама.

— Женщина, замолчите,— сказал ей дежурный врач.

Остановившись, она удивленно спросила:

— Вы что, не любите Мандельштама?

— Нет,— ответил он.

— Может, и Есенина, и Пушкина?— продолжала она и, снова услышав отрицательный ответ, проговорила:

— Ну уж, извините... Может быть, я что-то не понимаю в этой жизни...

Тут появилась какая-то женщина и пригласила ее:

— Пойдемте, пойдемте со мной.— И, взяв под локоть, провела в какую-то огромную комнату.— Вон туда встаньте, пожалуйста.

Настя оказалась возле большого белого экрана. Микрофона она не заметила и, вытянув вперед руку, произнесла:

— А в небе танцует золото...

— Сядьте на стул и замрите,— сказала женщина.

Настя, обняв себя руками, сделала поэтическое выражение лица и замерла. («Фотографируют»,— думала она.)

— Теперь повернитесь в профиль.

Поворачиваясь, Настя, глупо улыбнувшись, подумала: «Зачем в профиль? Милиция что ли?».

Затем эта женщина отвела ее в другой кабинет, в котором был жуткий холод. И там уже знакомый дежурный врач предложил ей лечь на кушетку, обтянутую белой клеенкой, чего она долго не могла сделать... Наконец-то ее убедили, что платье снимать не надо и лежать надо на животе.

А когда она поняла, что ей бреют голову, она закричала:

— Я люблю все натуральное. Оставьте! Оставьте мне волосы!— отметив про себя в этот момент: «Не вытрезвитель ли это?»

Ей уже зашивали рану на голове, а она все кричала:

— Я вздрагиваю от холода. Мне хочется онеметь...

Медбрат ехидно что-то прошептал врачу, а слух у Насти был музыкальный, и она, приподнявшись, уставилась прямо в глаза этому ехидному и прошипела:

— И пока мне рот не зашили нитью, из него будет раздаваться лишь благодарность...

А потом все исчезло. Настя сидела одна на клеенчатой кушетке, вокруг все кипельно-белое и — тишина, тишина...

«Приснилось, что ли?»— подумала она. Встав с кушетки, пошла по длинному коридору, открывая то одну дверь, то другую, какие-то боксы, кабинеты — и никого. Достала мобильный телефон из сумочки — ого, три часа. Страшно хотелось спать. Немного помявшись, она постелила на кушетку свое модное дорогое пальто и уснула... ненадолго. Настя проснулась от холода, ее трясло, но, слава Богу, наступило утро, и она вышла на улицу.

Очутившись за забором больничного городка, растерянно оглянувшись, пошла наугад по пустынному тротуару длинной улицы.

Вернувшись домой, Настя тихо вошла на кухню. На столе стояла пустая бутылка из-под коньяка, а рядом лежала записка.

— Вовка, Вовка,— проговорила она осуждающе, выбросив пустую бутылку в мусорное ведро.

«Достался и потом, и кровью»,— вздохнула она, посмотрев на писательский билет, который красовался в вазочке с конфетами.

Прочитала записку:

Долго рыдал
До потери сознанья...
Слезы, как звезды, глотал
Настенька, Настя,
Моя родная.
Встретимся на ВЛК.

Улыбнувшись, села на маленький диванчик и, прикрыв усталые глаза, стала вспоминать... ровные дорожки больничного сквера, фонари, серебристые кроны деревьев, скамейку, мягкий лунный свет...

— Что же я там писала?

Она достала из сумочки свою записную книжку и рассмеялась, увидев только одну фразу, написанную большими и скачущими буквами:

«КА-КА-Я КРА-СИВ-АЯ Н-ОЧ-Ь...»

БАРАБАШКА

Поезд приближался к Москве. Подлипки... Мытищи...

Она смотрела в убегающую даль.

«Скоро, скоро я буду дома. Домой. Домой... Акимович, небось, ждет... на перроне».

...Приехали. Чемодан, сумка, плащ. Ничего не забыла. К выходу образовалась длинная очередь.

«Где же он?»

— Миленькая моя, миленькая!

— Привет.

Она подумала: «Он как будто стал еще меньше. Если бы он не умел говорить, я бы его не заметила».

Его большие, навыкате, глаза, наполнились слезами. И весь он был такой несчастный и потерянный.

— Миленькая, дай я посмотрю на тебя. Не верится. Наконец-то!

— Пойдем, пойдем домой. Я устала. Я очень устала...

«Ну вот, я и дома»,— вздохнула она.

— Закрой дверь, хорошо закрой.

Сняв туфли, она вошла в комнату и ... остолбенела. Затем закричала:

— О боже, что это!? Иди сюда немедленно! Что это? Откуда? С помойки? Из подъезда?

— Это?.. Это — ковер.

— Какой ковер? Ты что, мою квартиру хочешь в улицу превратить?

Она замахала руками:

— Убирай, немедленно убирай! Боже мой! Один цемент!.. Не пыли. Сколько лет по чужим антресолям лазил, никак без пыли не можешь! О-о!..

— Сейчас, сейчас,— Акимович засуетился.

— А здесь что? На балконе тоже? Убирай, убирай! Я так и знала, нельзя тебя одного оставлять. Что ты сделал с моей квартирой! А это что? Что?! Где мой цветок? Ты загубил мой любимый цветок... Я спрашиваю, где мой цветок?.. Как сгнил? Как выбросил?.. О, Господи! Как ты мог? Это же цветок моего сына. Это... это его память. Наглец! Наглец! Барабашка несчастная. Кто тебя прислал на мою голову?

— Но ты же сама меня и вызвала. Забыла? Увидела мой портрет в журнале. Я ведь тогда был молодой и красивый.

— Без разницы... Зачем тебя оставили здесь? Ты должен порядок блюсти. Меня оберегать, а ты?.. Чем ты здесь без меня занимался?

— Повесть писал.

— Какую повесть?

— Про нашу гребаную жизнь. Про беспредел. Про наши коррумпированные власти.

— Дурак! Живешь себе тихонько и живи, не высовывайся. Что ты понимаешь в политике. Писатель! Академик! Книгоноша хренов. Не зря тебе на родине при жизни в библиотеке стенд открыли.

— Ох, приехала моя, узнаю... Я так и знал, так и знал, влетит мне из-за этого ковра.

— Это моя квартира, барабашка. Понимаешь? Моя...

— Понимаю, миленькая, понимаю, но я-то думал, может, тебе понравится...

И глаза его снова наполнились слезами.

— О-о, какой же ты...

— Что, теперь ты меня выгонишь? Как же, как же я буду без тебя?— тихо проговорил он.

— О-о, что мне делать? Откуда ты взялся?

— Из Переделкино.

— Что ты там делал?

— Повесть писал... Нас там много было. Союз развалился и нас разогнали. Вот пристроились, кто как. Больше все по одиноким. Мы любим одиноких.

— За что это вы их любите?

— Они слушать умеют... Я люблю тебя, миленькая,— голос его задрожал.

— Ладно уж. Только не мешай мне, не шебурши. Вон на балконе письменный стол, от сына остался, пиши... свою повесть. И ничего больше не приноси в дом: своего барахла хватает.

— Спасибо, миленькая. А можно, я от друга книги принесу?

— Нет, нет, ничего.

— Я только...

— Нет! О-о!..

— Все, все, не буду.

Голос его звучал все увереннее.

— Так, миленькая моя, традиционный вопрос: ты покушала?.. Ложись спать, долго не засиживайся... Женщина должна высыпаться.

— Ты же шебуршишь по утрам, спать мне не даешь.

— Я?.. Что ты, миленькая. Я как мышка...

— Все, все, иди, мышка. Ха-ха...

Проснулась она от стука, прислушалась.

Снова стукнуло на балконе. Нащупав рукой мобильный телефон на журнальном столике, приоткрыла глаза.

— Пять часов утра... Ох...

Страшно хотелось спать. Кто-то зашуршал бумагой...

— У-у, барабашка несчастная.— И, сунув ноги в тапочки, вышла на кухню.

Вскоре по квартире разнесся запах свежесваренного кофе. Она вошла в комнату и, приоткрыв дверь на балкон, сказала:

— Акимович, не пора ли завтракать?..

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

Я ТОЖЕ ЗДЕСЬ ЖИВУ

Детский оздоровительный лагерь. Середина лета. Лес. Деревянные домики. Заехала очередная смена.

Днем не слышно, а ближе к ночи из под пола доносится возня, шорох и писк.

Вожатый Юрий сидел в своей небольшой комнатушке, где находились только узкая кровать, стол и стул и читал книгу Рэя Брэдбери. В лагере был тихий час, поэтому все отдыхали: кто-то спал, а кто-то только делал вид, что дремлет.

Из-под кровати выбежал маленький мышонок. Он остановился, пошевелил усами, поднял голову и, увидев Юрия, замер, оценивая ситуацию. Но тут же опомнился:

— Пи,— поздоровался он, глядя в глаза вожатому, не двигаясь с места.

— Привет,— ответил ему юноша.

Услышав человеческий голос, мышонок быстро засеменил в угол комнаты, где между плинтусами оказался зазор, довольно приличных размеров, куда и юркнул серый комочек.

У Юрия появился сосед или, точнее будет сказать, Юрий присоседился к коренному жителю лагеря.

Вожатый в знак дружбы положил перед норкой кусочек сыра. Но мышонок, наверное, знал, что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке и поэтому решил его не трогать.

Утром, когда Юрий проснулся, то сыра все-таки на месте не оказалось.

«Значит, все нормально — подружились»,— подумал юноша и как бы в подтверждение своих мыслей услышал из норки:

— Пи!

— И тебе доброе утро, сосед!— радостно крикнул Юрий, вставая с кровати.

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ КОТ

Ксения разговаривала по телефону и уже довольно длительное время.

Кот Мурзик сидел на полу и слушал голос хозяйки. Затем стал мяукать — просить есть. Ходил кругами возле стула, терся о ноги.

Все это не возымело действия, и поэтому он забрался на стол, продолжая мяукать. Но Ксения, увлеченная разговором с подругой, не обращала на него никакого внимания. Тогда Мурзик сел на столе напротив девочки и внимательно стал смотреть ей в глаза с укоризной.

Ксения почесала кота за ушком. И все. И больше никаких действий.

Мурзик нажал лапой на рычаг телефона, отключая его, и мяукнул, как бы говоря: «Ну, сколько можно болтать! Покорми меня!»

Девочка удивленно посмотрела на кота.

— Мяу!— ответил тот. «Совесть надо иметь! Ребенок голодный!»

ОБМАНУЛ

Воробей провалился между оконных рам на лестничной площадке. Как уж там получилось, никто не видел, но факт был на лицо. Он пытался выбраться, чирикал, трепыхался, подпрыгивал и сползал по стеклу. Крылья расправить было негде — место узкое. Немного отдохнув и набравшись сил, он предпринимал попытки заново. Надо было спешить, пока его никто не поймал и не съел.

Дядя Петя, спускавшийся по лестнице, решил помочь бедолаге. Но рамы оказались забитыми наглухо. Тогда мужчина встал на подоконник, просунул руку между рам и взял воробья.

Тот затих, перестал чирикать, закрыл глаза и свесил голову с ладони, всем своим видом усиленно показывая, что он умер и его не надо есть.

Дядя Петя слегка встряхнул птицу.

Никаких признаков жизни.

Лежит на спине, голова болтается. Только правый глаз слегка приоткрылся, наблюдая за происходящим, и сердечко учащенно бьется, выдавая хитрую птицу.

— Экий ты, шельмец, однако!— проговорил дядя Петя, рассмеявшись и просунув руку в форточку, раскрыл ладонь.

Почувствовав свежий ветер и то, что его никто не держит, воробей встрепенулся, оттолкнулся крыльями от ладони и упал вниз. Тут же перевернулся, замахал крыльями и стремительно начал удаляться от дома, весело и громко чирикая от восторга, оповещая всех, что удалось благополучно спастись, обманув человека.

ДРАКОН

У кошки родилось пятеро котят. И это не считая тех четверых, которые подрастали с прошлого года.

Жалко их было топить в пруду — решили раздать знакомым.

Одного за пазухой принес сын.

Котенок был не породистый, а самый обычный — дворовый, трехцветный с белой грудкой и белыми носочками. Спина вся серая, а на животике коричневые пятнышки. Кроме этого глаза у него были еще закрыты, пищал он, не переставая, а шерсть топорщилась так сильно, что сын предложил назвать его Драконом.

— Ну, какой же он — Дракон?— удивленно сказала дочь, держа этот пушистый комочек на своей маленькой ладони.— Это не Дракон, а — Дракоша.

Так с тех пор его и звали — Коша-Дракоша.

Сначала кормили молоком из пипетки. Потом начали открываться глаза, стали приучать есть из миски, ходить в туалет — в оборудованный лоток, о специальную дорожку чесать когти.

Дракоша подрастал.

Изучал пространство, в котором ему предстояло обитать.

Любил катать по полу маленький каучуковый мячик и бегать за бумажкой, привязанной на ниточку. Но особенно ему нравилось играть в догонялки-салочки.

Как это происходило.

Котенок подбежав к кому-нибудь сзади ударял того лапой по ноге и смотрел на

реакцию. Если человек разворачивался и пытался схватить котенка, тот подпрыгнув, со всех ног улепетывал в комнату под диван или стол, забирался по ковру на шкаф или прятался на кухне за холодильником.

И так продолжалось несколько раз, пока Дракоша не выдыхался, терял к этому интерес и, полакав водицы или молочка, ложился спать.

Как-то я решил ему подыграть — кинулся за ним. Он на радостях помчался по коридору, от удовольствия что-то мурлыкая. Но дверь в комнату оказалась закрытой. Котенок заметался, ища выход из создавшейся ситуации.

Я неторопливо надвигался на него.

Дракоша, заметив щель под шкафом, юркнул туда.

Я просунул руку, но никого там не нащупал. Тогда я присел, наклонил голову к самому полу и стал смотреть, где же он там спрятался.

Но кота там не было.

А он в это время прополз возле плинтуса, обежал вокруг, подобрался ко мне сзади и, наклонив голову, тоже стал смотреть под шкаф, мяукая, как бы говоря: «Кого ты там высматриваешь? Я только что оттуда. Там никого нет».

Я сел на пол и рассмеялся.

Потом взял Дракошу на руки и почесал за ушком.

Он благодарно заурчал и, поняв, что игра закончилась, спокойно заснул.

Когда через год он решил повторить свой трюк, то просто напросто застрял под днищем шкафа, так как ощутимо подрос и поэтому не смог протиснуться к плинтусу, оставив наружу торчащую часть туловища задние лапы и хвост.

ЗАЯЦ

На автобусной остановке скопилось много народа. Видать, автобуса давно не было.

Кто-то не терпеливо переминался с ноги на ногу, наверное, куда-то опаздывал. Несколько человек курили. Некоторые кутались в плащи и поднимали воротники — все-таки осень на улице.

Между молодым парнем, который курил и ежился от холода, и мужчиной средних лет в добротном новом пальто лежала собака абсолютно черного цвета. Хотя, если внимательнее присмотреться, то шерсть ее казалась несколько сероватого оттенка. Но это, скорее всего от пыли и грязи, так как собака была дворнягой и мыться ей, конечно же, не доводилось.

«Друг человека» по размерам напоминал крупную немецкую овчарку, хотя выглядел миролюбиво, и в глазах читалась легкая грусть.

А кому не грустилось в эту пору?

Осень пришла.

Подъехал долгожданный автобус.

Все стали в спешном порядке втискиваться внутрь и проходить, как можно глубже, подальше от дверей, чтобы быстрее согреться.

Собака вслед за парнем поднялась по ступенькам, но не осталась с ним, а прошла по салону дальше и остановилась у водительской кабины, где свободного места оказалось гораздо больше.

Посмотрев по сторонам, она улеглась на пол.

Кондуктор — женщина средних лет, крупного телосложения в толстом коричневом свитере ручной вязки с большим воротником и черной кожаной куртке продвигалась с задней площадки, продавала билеты и проверяла проездные документы.

Женщина добралась до собаки, которая слегка перегородила дорогу, но дальше не пошла, перешагивать через нее не стала. Мало ли что у той на уме.

— Ты откуда такая взялась с грустными глазами?— обратилась она к разлегшейся на полу пассажирке.

Дворняга внимательно посмотрела на говорившую женщину.

Никто из пассажиров не произнес ни слова.

— Граждане, чья это собака?

Молчание ей было ответом.

— Так. Значит, платить за тебя никто не хочет, а проездного у тебя, конечно, нет!— весело констатировала кондуктор.

— Она деньги дома забыла, поэтому и глаза у нее грустные,— поддержал разговор юноша.

В автобусе раздался смех.

— Ей просто холодно, и она решила покататься,— добавил маленький мальчик, сидящий рядом с мамой, которая при этом заулыбалась.

— Выходит, что ты у меня безбилетный пассажир,— продолжила размышлять кондуктор.— Что же мне с тобой делать? Вообще-то за такое наказать надо.

Собака внимательно выслушала все, что говорила женщина, поднялась, опустила голову и понуро поплелась в заднюю часть автобуса.

— Вы посмотрите,— всплеснула руками женщина в свитере.— Как будто что-то поняла, осознала, ей стало стыдно, и она решила выйти.

Окружающие, наблюдая за этой картиной, рассмеялись.

Но когда открылись двери, дворняга внимательно посмотрела на улицу и выходить не стала, а улеглась уже на задней площадке.

— Видать, не ее остановка!— констатировал тот же веселый юноша.

В салоне снова раздался смех.

Несколько остановок так и ехали. Черная, как ночь, собака с грустными глазами лежала у задних сидений. Люди выходили и входили, с опаской поглядывая на необычную пассажирку.

В очередной раз открылись двери автобуса, выпуская из своего чрева приехавших людей. Собака поднялась, глянула на улицу и, выйдя из салона со всеми остальными, не торопливо и без суеты, пошла по каким-то своим, собачим делам.

Чувствовалось, что она проделывает такое не в первый раз. Уж очень осмысленные были все ее действия.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир Жириновский
(Москва)

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРЫМА — ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО

Беседа с Владимиром Вольфовичем Жириновским — Руководителем фракции ЛДПР ГД ФС РФ, Председателем ЛДПР, доктором философских наук, заслуженным юристом России. Беседу ведет член Союза писателей России и Международной федерации журналистов, поэт, литературовед, культуролог, журналист-международник, член редколлегии и постоянный автор нашего журнала Людмила Евгеньевна Авдеева.

Л. Е. А. Владимир Вольфович, впервые со времен холодной войны Россия и Запад сошлись в мощном противостоянии геополитических интересов ведущих мировых держав и ситуация на Украине в центре внимания всего мира. Вы, поднимая многочисленные проблемы, связанные с событиями на Украине, дали десятки интервью газетам и журналам, выступали на всех каналах телевидения, в том числе НТВ, РЕН, Вести 24, Россия 1, в передачах Владимира Соловьева, на радио «Русской службы новостей», радио НСН, «Комсомольской правды». Вам удается точно предсказывать изменения на географической карте. Вот и о том, что Крым будет снова частью России, Вы говорили еще 4 года назад. Как по Вашим прогнозам будут дальше развиваться события на Украине, и в связи с этим в России, в мире? Действительно ли наше время становится эпохой передела географии. Николай Васильевич Гоголь, малоросс, в творчестве которого столь ярок украинский быт и русские характеры вопрошал: «Русь, куда же несешься ты, дай ответ. Не дает ответа». Каков ваш ответ на вопрос: «Что же впереди, после возвращения Крыма в лоно России?»

В. В. Ж. Конечно же, возвращение Крыма — это настоящий большой, исторический праздник. И эта победа — начало великого пути воссоединения всех русских земель. Крым исконно русская территория. Напомню, что название «русские» происходит от реки Рось. Все, кто жили на берегу реки — кривичи, вятичи и другие стали называть себя русскими по названию большого племени в сообществе племен. А было это полторы тысячи лет назад. И не существовало никакого понятия «украинец». Оно было создано австрийцами, чтобы оторвать западных славян в лице русского народа от матери-России. На территории Украины была Киевская Русь, первое рус-

ское государство. Киев был первой столицей русского княжеского государства. Крещение Руси князем Владимиром произошло в 988 году, когда уже была Киевская Русь. Нам уже 1160 лет и не меньше, а может и больше.

А присоединение Крыма — это общий праздник для русских и украинцев, и мы одно государство под сегодняшним названием Россия.

Все народы хотят воссоединения. Кстати, если брать юридические моменты, в марте 1996 года Госдума отменила ратификацию беловежских соглашений, поэтому сегодня их нет и нельзя считать, что СССР распался, но и воссоздать его в первозданном виде тоже сложно. Но ставить вопрос о восстановлении территории, которая раньше входила в состав СССР, по добровольному согласию через референдумы, мы вполне можем.

Л. Е. А. Владимир Вольфович, на открытии Международной конференции «Россия и мир» в Институте Мировых цивилизаций (ИМЦ), учредителем которого Вы являетесь, все присутствующие,— преподаватели, студенты, зарубежные гости, представители приглашенных организаций — с большим интересом выслушали ваше яркое, детальное выступление. Вы с указкой, у географической карты мира, раскрыли историческую картину от «времен Очаковских и покорения Крыма» до его возвращения в лоно России и высказали свои прогнозы дальнейшего развития событий. Нашим читателям будет интересно вспомнить хронику истории Украины, хотя бы, начиная с 1654 года, когда Переяславская Рада решила «идти под русского царя» и произошло воссоединение России с Украиной, хотя без Киева.

В. В. Ж. Можно заглянуть и глубже. В 1392 году произошел первый раздел Украины, когда Киев и Крым оказались под властью Золотой Орды. Крым, как независимое татарское ханство. Потом он попал под власть Турции. Крупной исторической вехой, конечно, явилось воссоединение Украины с Россией, о котором Вы, Людмила Евгеньевна, уже сказали. Затем в 1917 году была создана Украинская народная республика, а в 1919 году — Украинской ССР.

Л. Е. А. А на 300-летие воссоединения России и Украины в 1954 году Н. С. Хрущев Крымскую область передал в дар Украине.

В. В. Ж. То, что Хрущев передал в административное подчинение Украине Крым, не означает, что это территория Украины. В будущем мы сможем создать общее государство. Назвать его снова можно Киевская Русь. Мы можем пойти на это и вернуть первое историческое название, но столицей будет Москва. И Киеву будет приятно, что в названии государства есть Киев. Вся юго-восточная Украина войдет в состав России, а вслед за ней центральная и западная Украина. И думаю, это произойдет в ближайший год, полтора. А потом и остальные, по желанию, присоединятся. Думаю, что это будут часть Молдавии и другие регионы. А пока у нас большой праздник — возвращение Крыма.

Л. Е. А. Безусловно, присоединение 84-го субъекта Федерации — полуострова Крым — подтверждает силу российских позиций. Российское присутствие в Крыму — это гарантия мира, равный статус для русского и украинского языков и много других позитивных моментов, но не помешают предполагаемые санкции, которыми постоянно угрожает Запад, осуществлению сценария дальнейшего воссоединения украинских и российских земель?

В. В. Ж. Все предполагаемые санкции бумерангом ударят по США. И их союзникам. Визы они нам давно не дают, но пройдет время, и они нам дадут визы. Экономические санкции вводить не будут. Пусть подумают о своем будущем. Российский газ и нефть мы даем половине мира. Поэтому мы самое мощное государство. Любые санкции нам будут выгодны. Допустим, если они прекратят поставлять какое-то высокотехнологическое оборудование, будем производить его на наших заводах. То есть выиграют наши люди. Больше будет инженеров, конструкторов. Ни в чем Россия не проиграет. Авторитет будет огромнейший. Весь третий мир смотрит, кто победит, Россия или Америка. Заранее говорю, что победит Россия. Мы возглавим весь третий мир. Евросоюз это около 30 стран, 500 миллионов людей, вместе с Америкой, Канадой 800 миллионов. Но 6 миллиардов 200 миллионов человек готовы встать под знамена России, как единственной страны, которая способна противостоять США. Мы создадим единое государство, и праздник воссоединения будет вечным, потому что, как я уже сказал, вслед за Крымом вся юго-восточная Украина постепенно вернется в Россию. Затем и другие части Украины, и другие государства. Не надо забывать, что Россия и самое культурное государство, в чем тоже наша мощь. Ведь во всем мире читают наших писателей — Толстого, Достоевского, слушают нашу музыку — Чайковского, Прокофьева, Мусоргского, наши картины смотрят! И никто не смеет указывать, как нам воссоединять наш великий русский народ.

Л. Е. А. А как Вы, охарактеризуете мощный идеологический пресс, под который попадают украинские и российские средства массовой информации, участие деятелей культуры в разжигании национальной розни, то, что формула или теория, выведенная Степаном Бандерой, об отношении украинских националистов к людям других национальностей приспосабливается к реалиям нынешней ситуации. Он ввел понятие «вредный народ», распространив его на русских и тех, кто с ними поддерживает связи, подчеркивая, что Украина не должна опасаться никого, кроме москалей. И мы стали свидетелями жестоких расправ с людьми и того, как, например, крупнейший украинский провайдер компания «Воля» отключила вещание Первого канала, РТР «Планета», НТВ «Мир» по требованию национального совета Украины по вопросам телевидения и радиовещания. Антироссийские программы «Дождя» и «Эхо Москвы» внесли свою негативную лепту.

В. В. Ж. Иначе, как отвратительным нельзя назвать поведение рок-музыкантов Шевчука, Гребенщикова, Макаревича.

Л. Е. А. Вот и Анастасия Волочкова в Киеве на презентации своего клипа в интервью телевидению заявила, что для нее Крым навсегда часть Украины, и она чувствует себя неловко за Россию.

В. В. Ж. Это люди, которые не понимают, что идет речь о защите русских, о спасении русских. А «Эхо Москвы» надо закрыть, как прикрыли «Дождь». Страшная антироссийская была телевизионная кампания. На Украине должны издаваться газеты и журналы на русском языке, идти передачи на радио и телевидении на русском. Ну, а деятели культуры, искусства, писатели просто обязаны сотрудничать с украинскими коллегами, как это было раньше. Ведь сколько замечательных произведений создано на русском и украинском языках. Тарас Шевченко, Леся Украинка — интересное, яркое творчество. Его должна знать молодежь.

Л. Е. А. Кстати, именно в эти сложные для Украины дни в Москве открыли памятник Тарасу Шевченко. Так что культурные связи не слабнут. Украина всегда была

темой для русских писателей. А Крым любили, воспевали в своих произведениях Пушкин, Бунин, Цветаева, Ахматова, Полонский и многие другие. Жили в Крыму Максимилиан Волошин в Коктебеле, Антон Павлович Чехов, поэт Надсон в Ялте, и их дома-музеи посещают туристы.

В. В. Ж. Ялта — курорт мирового уровня и историческое место. Достаточно вспомнить Ялтинскую конференцию. А если вспоминать деятелей культуры, то в Ялте жил последние годы король кинокомедии Михаил Пуговкин, почетный гражданин города. Там тоже теперь есть его музей. Много фильмов снято в Крыму. «Корабли штурмуют бастион», «Адмирал Ушаков».

Л. Е. А. «Собака на сене» с Михаилом Боярским. А как актуально звучат строки, например, Якова Полонского из стихотворения «Ночь в Крыму»: «*Эта музыка природы, / Эта музыка души / Мне в иные, злые годы, / После бурь и непогоды, / Ясно слышалась в тиши. / Я внимал — и сердце грелось / С юга веющим теплом, / Легче верилось и пелось».* Максимилиан Волошин во многих своих стихах воспел красоты Крыма где *«зубчатые скалы, широта степных равнин», / где мечтой напоены предгорий героические сны».* Александр Сергеевич Пушкин называл Крым «*роскошью природы».* Какие красивые строки: *«Все живо там, / Все там очей отрада, / Сады татар, селенья, города; / Отражена волнами склад громада, / В морской дали теряются суда, / Янтарь висит на лозах винограда».*

В. В. Ж. Да, у Пушкина, действительно многое злободневно сегодня. Даже романтическая поэма «Бахчисарайский фонтан». Тоже очень современная, острая тема. Любовь мусульманина, хана крымского Гирея к пленнице, христианке и ее гибель. Но я сейчас с удовольствием перечитываю произведения Гоголя. «Вечера на хуторе близ Деканьки», «Тарас Бульба» у русского читателя всегда вызывали интерес к украинскому образу жизни, быту, народному творчеству. «Ревизор» — отличная комедия с русскими характерами, разоблачает общественные пороки. Обличительная комедия, современная, актуальная. А «Мертвые души» — какое изображение нравов, точность характеров. Но сегодня «Тарас Бульба» — живая действительность. Воспевается честь, мужество, стойкость, дух и душа народа, борьба за независимость Отечества.

Л. Е. А. Эта великая книга, смысл которой в одной строчке Гоголя: «*Разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу?»*

В. В. Ж. Современные писатели тоже должны художественно отразить нынешнюю ситуацию, донесли ее в стихах, эссе, рассказах и в крупных произведениях, требующих для своего создания времени, серьезного осмысления.

Л. Е. А. Современная украинская и крымская тематика уже появляется в поэзии, малой прозе, на страницах газет, журналов, альманахов. Литературные студии и объединения проводят поэтические вечера, посвященные Украине и Крыму. Писатели принимают участие в конференциях, круглых столах, проходят творческие встречи с читателями, где звучат строки, написанные с неподдельной болью за украинский народ, описываются достопримечательности Крыма, звучит призыв к сохранению духовного наследства, к дальнейшему объединению русских земель. Я тоже написала большой цикл стихов «Что случилось с тобой, Украина», который читала в разных аудиториях. Для меня эта тема близкая и болезненная, так как корни моего отца на Украине, и его родня до сих пор живет в Киеве, Великих Луках и других городах.

Свои стихи украинского цикла передала и нашему журналу. Там есть и несколько стихотворений, посвященных Крыму, созвучных Вашим высказываниям.

Вернулся Крым в объятия России.
Разлука длилась двадцать с лишним лет.
И радостно бурлят морские шири,
И пишет оды новые поэт.
Вернулся Крым! И это лишь начало.
Сольются реки в мощный океан.
Звездою путеводною Держава
Становится опять для многих стран.
И не свернуть уже с пути надежды.
Славянский корень прочно врос в века.
Весна Свободы до того безбрежна,
Что место ей уступят небеса.

В. В. Ж. Да, это великий праздник — возвращение Крыма России, возможность снова насладиться его красотой, достопримечательностями, памятниками культуры. Необходимо возвращать для изучения в школах талантливые произведения украинских авторов, русских классиков, издавать современных авторов, откликающихся на злободневные темы.

И уже этим летом надо ехать отдыхать в Крым. Мы все соскучились по Крыму, по его замечательному климату, великолепным пляжам. Всех детей России приглашаю в Евпаторию. Артек срочно восстановим, чтобы все мальчики и девочки, которые хорошо учатся, могли здесь отдыхать. А какие замечательные места для отдыха Алушта, Алупка, Ялта, Феодосия, Керчь, Севастополь. Огромное количество здравниц, санаториев, домов отдыха, турбаз. Там можно проводить фестивали, молодежные форумы, творческие встречи. Писатели могли бы собираться, как при Волошине, но перед ними тоже стоит значительная задача, писать не хуже классиков.

Л. Е. А. Украинская тема, безусловно, будет широко освещаться современной литературой, тем более что своим интервью Вы, Владимир Вольфович, сделали как бы предисловие к такому началу. А если вспомнить снова Николая Васильевича Гоголя, о том, что России, Руси-тройке «*дают дорогу другие народы и государства»,* то хочется верить, что Ваши прогнозы о воссоединении Украины и других народов, об этом мечтающих, станут реальностью. А сегодня на вопрос Александра Сергеевича Пушкина: «*Приду ли вновь под сладостные тени»,* мы, наконец, можем ответить утвердительно, приветствуя возвращение Крыма в объятия России.

И, пользуясь случаем, разрешите поздравить Вас от редколлегии журнала и многочисленных читателей с Днем рождения, который Вы отметили в апреле, месяце, теперь связанном с возвращением Крыма. Пусть Вам во всем сопутствует успех, и исполнятся Ваши оптимистические прогнозы. Спасибо за беседу.

Беседовала Людмила Авдеева, член редколлегии журнала.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Александр Хадарцев
(г. Тула)

* * *

Нет в юбилеях ничего хорошего!
Еще десяток лет скользнули мимо.
Как будто жизнью нам перчатка брошена,
хоть эта жизнь была всегда любима.

У времени — оружие бесстрастное:
отчетливость в зеркальном отражении.
Но возраста — старания напрасные!
Потерпит он, бесспорно, поражение!

Негласно — чудеса еще встречаются!
Ведь молодость — в поступках отражается!
В бурленье дел — нам некогда покаяться!
Чуть-чуть грешить — ей Богу, разрешается!

Нет возраста! Особенно — у женщины!
Она всегда в девическом цветении!
Навеки с юным возрастом повенчана.
Не юбилеи с ней, а дни рождения!

**НЕТ БОЛЬШЕ В ЖИЗНИ БРЕМЕНИ,
ЧЕМ ЖИТЬ ЗАКОНОМ ВРЕМЕНИ!!!**

Восточный календарь идет от Будды,
животным подарившему года.
Змеиный год, проблем создавший груды,
безмолвно уползает в никуда...

Год Лошади идет ему на смену —
в немолчном ржанье, в цокоте копыт,
суля рутинной жизни перемену
и то, что джокер* жизни будет бит!

Для нас рутина — ворох потрясений,
ложь обещаний, денежный обвал,
жовто-блакитный прапор столкновений,
и чей-то, вновь творимый пьедестал!

Пусть будет битым «джокер жизни минус»!
Пускай найдется «джокер жизни плюс»!
Нельзя Россией торговать навынос,
влача с собой ошибок прошлых груз!

Пусть лошадь будет белой, черной, синей!
Но пусть она приходит в каждый дом
богатой, сильной, праведной Россией,
с историей, которую поймем!

Пусть будут изобилие и радость!
И никогда — фонтанов горьких слез!
С подковой счастья — пусть пройдет усталость!
А детям — улыбнется Дед Мороз!

Подарками мы станем друг для друга!
Коней дареных подошел черед!
Пустив ведро шампанского по кругу,
вступаем в Новый, Лошадиный Год!

МЕДИНЦЕНТРУ — 65

История — это личность!
А в личности — вся история!
Живем мы, презрев наличность,
а безналичность — тем более!

Уходит земное время
вектором невозврата...
Но хочется: ногу в стремя
и — полный вперед, ребята!

Не зря прилетел намедни
из космоса метеорит.
Узнав про земные бредни,
у Бога башка болит.

---

* *Джокер* — (англ. *joker* — шутник) фактор, возникающий внезапно и меняющий вектор состояния системы. Правила, по которым работает система, выходя за пределы стационарных режимов.

Сигналит он нам оттуда:
«Кончайте шалить, друзья!
Ведь жизнь — это в завтра ссуда
и с нею шутить — нельзя!»

Не в долларах и не в центах
грядет перепутье лет.
Ученый совет Мединцентра —
не ВАК-овский диссовет.

Ученые РАМН'а и РАН'а,
и мы, примкнувшие к ним,
пусть это не кажется странным,
считаем Совет — своим!

Нам хватит и индексов Хирша,
и факторов, тех, что «импакт»!
Пусть только «не едет крыша»!
С наукой — не рвется контракт!

Не будучи дипломатами,
любой из нас — дипломат!
Хоть жизнью изрядно помятые,
но — не переходим на мат!

Пусть только придут не однажды
еще шестьдесят плюс пять!
За это — пусть выпьет каждый,
кто рюмку умеет держать!

И мы, не пугаемся порчи,
не льем друг на друга елей!
Пускай Мединцентр и Вигдорчик
на сотый зовут юбилей!

8 МАРТА

Как хорошо, что мы — не «майданутые»,
что к женщинам стремленье — не утрачено,
что наши стержни жизни — не согнутые,
что наши мысли в сайт чужой — не скачаны!

Весна приходит, вопреки сомнениям!
Главенство стужи ветреной — утрачено.
Восьмого марта — женский день рождения,
которым все мужчины озадачены.

Подарки и цветы — как приложение
к идее возвеличиванья Женщины!

В мужских сердцах любовь и восхищение —
давным-давно и накрепко повенчаны!

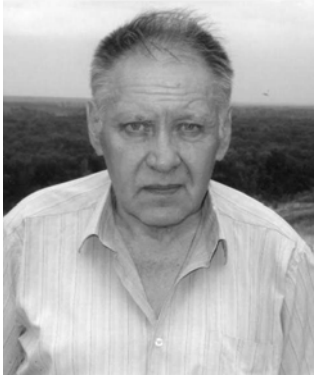
Как хорошо, что звон бокалов слышится,
что тосты за здоровье — не кончаются!
Что раннею весной — арбузно дышится,
что «инь» и «ян» на празднике встречаются!

* * *

Что хорошо тебе — другим, быть может — плохо!
Все субъективно в мире перемен.
Судьба ведь тоже — личная эпоха,
в конце которой вечный дух и тлен...

Обманка лжи, предательства короста —
в превратностях судьбы воплощены.
Но есть друзья! А с ними в жизни — просто.
В них — объективность видеть мы должны!

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)



АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
(Стихотворное переложение)

Наш давнишний автор. Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

Прославил Александра ратный труд.
Прознал о нем самодовольный Запад.
Враги Руси
при встречах
руку жмут
с почтением ему в посольских залах.
Враги
Руси,
где православный дух
гудел колоколами
и ветрами.
Где князь великий
и простой пастух
молились
бескорыстными перстами.
Из уст
слова
хвалебные лились,
где Александра
называлось имя.
Но, где Европа —
там всегда корысть.
Но, где Европа
там всегда гордыня.
И шведы
устремились
на Неву
и объявили
Александру шведы,
что северные земли оторвут,
себе пророча
полную победу.
Был флот силен.

И было войска тьма.
И посему
был враг
самонадеян.
Но верил князь
в небесные грома,
карающие
всякого злодея.
И став в молитве
тверже и сильней.
средь стен церковных обретя отраду,
сказал дружине
небольшой своей:
«Бог с нами, братья!
Мы идем за правду!»
И в ночь
пред боем
видел страж Филипп
видение
меж волнами
и небом,
как по морю
на помощь русским
шли
посланники Христа
Борис со Глебом.
Об этом чуде —
о святых князьях
Филипп поведал утром Александру.
Окрепла вера
у того в глазах,
что Бог
поможет
всыпать шведам жару.
И поспешил он
с этой верой
в бой.
И гром пошел вокруг
с мечей и копий.
Бежали шведы
смятою гурьбой,
теряя честь
меж морем и рекою.
С Невы
над головами развевал
знамена русской силы
ветер резкий.
Хваля Творца
Средь воинов стоял
Князь Русской славы
Александр Невский.

* * *

Прошло два года.
Немцы взяли Псков.
Но Александр
выгнал их из Пскова.
Собрав войска
из меченосцев-псов,
на Русь пошли они нахально снова.
На озере Чудском
их Невский ждал,
запрятанных
в свое железо глухо.
Ударил с флангов.
Лед гудел, стонал,
разламывался,
как в руках краюха.
И шли на дно
захватчики в броне.
Был лед кровав
сраженьем пропитавшись,
И крестоносцы
развернув коней,
бежали прочь
с земель исконных наших...

* * *

Враги страны —
Вдали или вблизи
Ее б хотели
Извести в отрезки.
Но у народа
На Святой Руси
Всегда найдется
Александр Невский.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ
(Вольный перевод со старославянского)

Государственной Академии
Славянской Культуры

О Борисе и Глебе
Мой негромкий рассказ.
Отслужите молебен
И за них, и за нас.
Век я выбрала давний,
Жил тогда, гой-еси,
Князь Владимир Преславный,
Просветитель Руси.
Он крестился не сразу,
Был язычник,— потом
Выбирал меж намазом
И Пресветлым крестом.
Многих жен возлюбивший
Усомнился сперва,
Но премудростью высшей
Осенилась глава.
Был горазд и подраться
Взявший княжий венец,
И взрастил он двенадцать
Сыновей под конец.
Вечно ссорясь, орава
Шум творила с того...
Очень разного нрава
Были дети его.

Между ними Владимир
Поделил города,
И решил, что отныне
Тихо будет всегда.
В Пинске княжить поставлен
Смуглый, мрачный лицом,
Святополк Окаянный,
Нелюбимый отцом...

А во граде Ростове
Поселился Борис.
Был толков, многословен,
Сердцем светел и чист.
Глеб отправился в Муром.
Он, Борису под стать,
Добрым был и не хмурым,
Как болгарская мать.
Новгородской землею
Править стал Ярослав.
Мудрым назван молвою,
Духом княжьим неслаб.
Князь их рассредоточил
По владеньям своим,
И в спокойствии отчем
Зажил, всеми любим.
Годы мчались в разбеге,
Стал он болен и стар,
Дождались печенеги,
Вновь занялся пожар,
И Владимир Бориса
Призывает помочь.
Путь военный не близок,
Там и день, там и ночь.
Печенеги, однако,
Разбежались в степях.
Видно, были вояки
Не за риск, а за страх.

Со своею дружиной
И полками отца
По степи все кружил он
До приезда гонца...
И поведал посланник,
Что преставился, свят,
Князь Владимир, избранник,
Много суток назад.
Но коварное дело
Совершил Святополк:
Он отцовское тело
Вдруг похитил, как волк.
Плачут все киевляне...
Святополк подошел,
Сел он без оснований
На отцовский престол,
И, конечно, на случай,
Рассудил, как умел:
«Много братьев — не лучший
В мире нашем удел».
Не хотел он отдать им

Власти либо казны,
И поэтому братья
Были обречены.
Это в сене иголку
Не сыскать — не берись.
На призыв Святополка
Много вспряло убийц...
Не найдя печенегов,
Скорбной вестью сражен,
Вел Борис до ночлега
Тех, кем властвовал он.
Воины удалые
Подступали: — О-юй!
Князь, веди нас на Киев,
И престол завоюй.

А Борис тем ребятам
Отвечает опять:
«Не могу я на брата
Злобно руку поднять...»
И дружина, скучая,
По домам разбрелась: —
Очень-де не отчаян
Наш доверчивый князь.
Только несколько самых
Верных князю людей
Не покинули знамя,
Ждали злобных гостей.

Молитва Бориса

«Господи, чувствую я, —
Нет мне спасения...
Что же природа Твоя
Юно-весенняя?
Как же река все струит
Воды бездонные,
И голосят соловьи
Неугомонные?
Небо-то!.. ярче, синей,
Жизни исполнено...
Сколько осталось мне дней,
Все ль остановлено?
Знаю, готовит мне брат
Гибель нещадную...
Господи, я ль виноват
В том, что столь жадный он?
Господи, волей Твоей
Быть мне смиренником,
Грешного брата, скорбей
Жертвенным пленником...»

Ночью вышли убийцы,
Окружили шатер,
Где Борис-князь молился,
Зная свой приговор...

Но врагов не смутили
Звуки пенья псалмов,
И, убив без усилий,
Завернули в покров.
Святополк убедился
В том, что умер Борис.
Окаянные мысли
Дальше вскачь понеслись...
И добрейшему Глебу
Отослал он письмо:
«Наш отец близок к небу,
Возвращайся домой».
Глеб поехал в тревоге...
Все прознал Ярослав,
Глебу пишет с дороги,—
Святополк, мол, не прав.
Он обманщик, вражина,
И Бориса извел.
Уводи-ка дружину
В путь обратный ты, мол...
Глеб, ужасно страдая,
Слезы пролил о том,
Но судьба его злая
Приближалась, как гром.
Стал, несчастный, молиться,
И о жизни скорбел,
Той, которой убийцей
Был назначен предел.

Молитва Глеба

«О, Боже мой, за что,
Незрелый колос,
Я должен быть сражен
Серпом лихим?
Услышь, Господь,
К Тебе воззвавший голос,
Прости мои и братнины грехи.
Склонись ко мне,
Бориса тень святая,
Укрой меня от брата и врага,
Я — юный цвет,
Не дал еще плода я,
И жизнь моя
Еще мне дорога...

Но вижу, что
Никто не хочет слушать
Моей мольбы
И жалоб, и молитв.
Возьми ж, Господь,
Страдающую душу
И унеси от всех
Грехов и битв».

Тут бесчестным убийцей
Был удар нанесен,
И не дал домолиться
Князю юному он.
Святополк Окаянный
Был уверен, что прав,
Но, грозой обуянный,
Налетел Ярослав.
В гневе, яростной сече,
Был он смел и удал,
Оттого, вишь, под вечер
Святополк побежал.
Он в никчемной пустыне
Потерялся для всех,
И возмездие принял
За неистовый грех.
В граде Киеве правил
С той поры Ярослав,
И восстала во славе
Русь меж прочих держав.
А Бориса и Глеба
Отыскал он тела,
И нетленными небу

Их земля отдала.
Век за веком струится,
Спят святые князья,
Но к двойной их гробнице
Пролегает стезя,—
Тот, кто болен и страждет,
К ним приходит, стремясь,
И по вере там каждый
Обретает, молясь.
О Борисе и Глебе
Я сложила стихи.
Отслужите молебен
Им — за наши грехи.

Вадимир Трусов
(г. Мончегорск, Мурманская обл.)

Член Союза писателей России. Автор книг: «Автопортрет углем» Стихотворения, издательство «Опимах» г. Мурманск, 2010 г.; «Памяти неисчезающих видов», стихотворения разных лет, издательство «Опимах», г. Мурманск, 2010 г.; «Станция DNO», избранная лирика, издательство «MOBY Pablishing», г. Москва, 2013 г. Публиковался в журналах: «Север» г. Петрозаводск (№ 1—2 и № 7—8 за 2011 г.), «Осиянное слово» г. Москва (№ 3 за 2012 г.), «Приокские Зори» г. Тула (№ 4 за 2013 г.)

ОСЕННЕЕ БЕСПРИЮТНОЕ

На задворках сентября
Хохлома и гжель.
Через месяц, растеряв
Щедрых сторожей,
Приносивших на базар
Фрукты Гесперид,
Осень выплачет глаза
И дотла сгорит.

Вот тогда наверняка
И зиме пора
(То ли прямо из мешка,
То ли из ведра)
Рассыпать по целине
Крошево тоски
И тоской тебе и мне
Серебрить виски.

Или сбагрить под сукно
Грязь невинных лет.
И надежду (все равно
Что озимый хлеб)

Оставлять на черный день,
Иссушив сердца
Неустроенных людей
Верой в чудеса.

А потом сходить с ума
От самой себя
И раскачивать дома,
Воя и трубя

В продувных парадняках;
И встречать рассвет,
Убаюкав на руках
Наш пропащий век,

Где душа белым-бела,
Только извелась.
И любовь (поскольку зла)
Мигом отдалась

За двадцатку нерублей
Ради пары строф.
Так значительно теплей
Без угля и дров.

К СЛОВУ

Я живу потому, что когда-то рожден,
И господь меня, грешного, терпит покуда.
А еще оттого, что любовь (убежден!) —
Это все-таки самое главное чудо.

Не снискал я регалий и прав не качал:
Обрету всенародную, дескать, известность.
Ибо чтящему слово началом начал
И наградою может быть только словесность.

* * *

Не прощай нам, Господи, ничего!
И когда десятком на одного,
И когда один супротив толпы,
И когда кривые плодят слепых,
Обещая, будто начнет светать.
И когда распродана красота.
(А чего жалеть, все равно сгноят!)
Коль не оскудеет рука твоя,
Наши не отсохнут. Давай еще!
Убивали, грабили — нипочем!
Крашеными яйцами по зубам,
Да тремя перстами в коросту лба,
И пошло-поехало! Рви гармонь!
Ковыряла гвоздиком си-бемоль
Перепонки хилые детворе.
Занялась лампадою на воре
Царская корона. Пожар слегка

Тронул сивый валенок парика
Горечью легенды о целине.
И любовь скребла прошлогодний снег,
Вычисляя рта онемевший ноль.
Колосились мертвые за спиной.
Заварило солнышко иван-чай.
Ничего мне, Господи, не прощай!

КЛАССИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА

Выскажусь лишь о следствиях, а причины —
Хлеб аналитиков цепких, порою — злющих...
Взлет — это средство разгладить земле морщины,
Хоть виртуально, а все же пространство сплющив,
В жизнь воплотив иллюзию волшебства.
Впрочем, а что еще более иллюзорно?
От впечатлений кружится голова.
Только уже поэтому не зазорно
Числить внизу оставшихся мелюзгой,
Напрочь лишенной размеров и очертаний.
Для таковых, естественно, ты изгой,
Но приговор до времени держат в тайне,
Ибо вообще горячку пороть не след.
Небо — оно воистину справедливо.
После Икара стая его коллег
Крылья в стремлении к солнцу дотла спалила,
Да и в забвение канула. Неспроста
Равно идейным подвижникам и туристам
Втридорога обходится высота.
Вот почему, наверное, группа риска
Численно ограничена. Рухнуть вниз
(Если бы камнем! — просто ошметком глины),
Преподавая смирно лежащим ниц
Краткий урок неведомой дисциплины,
Мало кому охота. Рассудит Бог
Нас и решивших, будто сгореть красиво
Лучше, чем ошиваться среди рабов
С детства знакомой, даже законной, силы.

МОЛЬБА

Забудь меня еще тогда,
Когда нас не было на свете,
Когда ни страха, ни стыда
Не испытали наши дети
И ты не знала пьяных драк
И вечной боли унижений,
И я, мерзавец и дурак,
Тебе не делал предложений!
Забудь! Мольба не звук пустой!
Великим ласковым созданьям

Своей несметной красотой,
Своим отважным состраданьем
Негоже потакать зверью.
И я, не склонный к птичьим трелям,
В однажды начатом бою
С самим собой — уже застрелен.

* * *

Царство вечных вещей.
Мир бетонных пещер.
Лабиринта стандарт.
В тесноте пустота.
Околел Минотавр
Неизвестно когда.

Средь житейских морей
Ариадне стареть,
Проклинать берега,
Где афинский плейбой,
Обещая любовь,
Ей наставил рога.

Будни острова Крит:
Тараканов морить
Да соседей гонять.
От гнилого вина
Два родимых пятна —
Суета и брехня —

Только пуще цветут.
И всегда тут как тут
Олимпийская рать,
И не бог, так герой,
Все одно — домострой,
Где ж других понабрать?

Размышлять не берусь.
Здесь со всеми Прокруст
Позабавился всласть.
Лишь старик Диоген
На короткой ноге
С предержащими власть.

Век живи, век учись.
И постель, и харчи
За ошейник раба.
Дернешь цепь — не порвать.
Сам такую ковал.
Ах ты, дура-губа...

* * *

Знаешь, несчастья
не происходят вдруг.
Кажется только... А глянешь — и ждать устали
Случая рокового, о чем вокруг
И тарахтят, смакуя вовсю детали.

Всякий подобный случай, что твой пацан,
Начисто потерявший былую скромность,
Ибо назначен шляться по адресам,
Определяемым дядькой, чье имя — Хронос,

(Где уж там справедливо!) почти любя,
С явным намеком в каждой такой потере,
Нам, загоняющим в землю самих себя,
Не торопиться с этим, по крайней мере.

* * *

Топтали... рвали... шили... штопали...
Кипела вздорная молва:
«Три на Плющихе росших тополя
Уже пустили на дрова
В борьбе с эмоциями ложными!»
И мы, мальчишки-смельчаки,
В итоге стали осторожными
И прикусили языки,
Считаясь с первыми потерями.
При полных, в общем, закромах
Глухими пыльными тетерями
Ютясь в постылых теремах.

МАРШ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА

Пусть о тебе и обо мне
Иные лишь пожмут плечами:
«Что, дескать, проку в той войне?
С какой бы радости-печали
Тревожить прошлое теперь,
Когда своих забот хватает?»
Да только боль былых потерь
Сквозь годы в сердце прорастает.

Речь не о лаврах и цветах
И не о пригоршнях салюта —
О тех, кто, сгинув на фронтах,
Лишен последнего приюта!
Едва ли наша в том вина...
Ответ, присущий посторонним.
Нет, не окончена война,
Пока солдат не похоронен!

И если память под ружьем,
Судьбу в обозе не пристроишь.
И нам смертельный медальон
Дороже всяческих сокровищ
Вдруг расшифрованной строкой —
Души нетленной изваяньем!
Неси ей (Господи!) покой
Наш поиск — наше покаянье.

Он для тебя и для меня
Стал чередою рукопашных.
Мы вновь на линии огня!
Во имя без вести пропавших!
Во имя нынешних живых!
Во имя всех идущих следом
Дорогой мирных штыковых
Навстречу будущим победам!

ПУНКТИР

Осень. Ни ночи, ни дня.
Ни убежать, ни вернуться.
Даже кукушка в часах,
Сколько мне жить, не ответит.

Кухонный мой монастырь,
Пасынок русского поля.
Да и варшавское гетто
Где-то поблизости строят.

Самый обычный театр,
Виселица в прихожей.
Странно, когда на кресте
Крылья мечтают расправить.

Цепкая поступь свободы
Именно здесь ощутима:
Шаг (на четыре звена)
В ритме кандальной цепи.

Вдруг оказавшийся нищим,
Ветер затравленно стонет
И набивает карманы
Памятью павшей листвы.

Сотни изношенных лиц,
Стертые в пальцах монет.
Сходство особых примет
В полном отсутствии оных.

Вечные стужа и тьма.
Не разбирая дороги,
Просят огня батальоны.
Не о чем больше просить.

Свой средь своих и чужих.
Шапка (вестимо) по Сеньке.
Не задымит, не займется;
Да и поджечь не посмеют.

Вновь тишина поперхнулась
Крошками черствого сердца.
Более крепким соседям
Не возбраняется спать.

Слушай! И не говори,
Будто не слышал. Иначе,
Вслед за утраченным слухом,
О языке позабудь.

Подлая штука — печать.
Вечная мель трафарета.
Прописью, прописью, брат;
Зыбкий, неведомый путь.

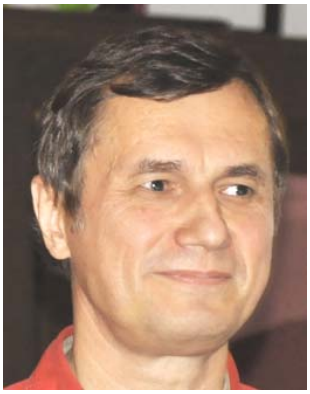
Только избитый капелью,
Соображать начинаешь,
Как над тобой посмеялась
Вскрывшая вены зима.

ВРОЖДЕННАЯ ПАМЯТЬ

Кто носит Родину внутри...
Елена Штурнева

Знать завидная доля досталась мне,
Коль до сей поры еще жив-здоров.
Жизнь, конечно, зануда, но не вполне,
Есть любимое дело, семья и кров,
И друзья, что братьев иных родней.
Нас великая пестовала страна,
И о том, что было и будет с ней,
Есть врожденная память, на всех одна.
Эта память — совести ипостась.
Обладая оной, попробуй, струсь
Возразить доброхотам (чтоб им пропасть!),
Отрицающих наглухо имя — Русь.
Дескать, вся насквозь она — прах и тлен,
А народец — кабацкая рвань да пьянь,
Что и прежде-то встать не могла с колен,

А сейчас тем более! Гулевань
Да святыни гнилые пинай-топчи,
Возражения прочих смести спеша,
Мол, довольно лаптем хлебали щи!
Словно туфлей луковый суп мешать
Нам всерьез мечталось с младых ногтей,
(Кто бы чем там импортным не форсил)!
Только знают иуды любых мастей,
На Руси хватает для них осин.
Оттого-то им здесь белый свет не мил.
И не в радость, не впрок серебро в горсти.
Ишь, как рвется сытый свободный мир
Нам готовое счастье преподнести
И лишить нас памяти и тоски,
Дабы впредь, милейшие существа,
Мы кромсали Родину на куски,
По указке известного меньшинства,
За известную цену. Глядишь, а там
И друг дружку повывели б заодно...
Но покуда в сердце есть Божий храм,
Хоть церквушка — обыденка, все равно,
Переможет русский, переживет
Лихолетье, напасти, засилье зла.
Ведь от века в обнимку с бедой народ,
А душа его, в пику всему, светла,
Ибо лишь православия теплый свет
От звериных повадок спасает нас.
И Господь (восславим его завет!)
Никому не по силам креста не даст.



Анатолий Пережогин
(г. Москва)

Анатолий Афанасьевич Пережогин родился 19.03.1954 г. в г. Томске. Выпускник Московского инженерно-физический института. Профессор Московского государственного открытого университета. Поэт, эссеист, журналист. Член Союза писателей-переводчиков МГО СПР, заместитель Председателя Королевского отделения межрегиональной общественной организации содействия развитию культуры и искусства «Содружество Творческих Сил», член литературного объединения «Складень» при Международном Фонде славянской письменности и культуры. Автор, постановщик, исполнитель ряда музыкально-поэтических спектаклей в содружестве с замечательными поэтами и музыкантами-виртуозами. Дипломант (I степени) литературной премии Г. Р. Державина за 2012 год. Награжден медалями «За заслуги в культуре и искусстве», «Александр Пушкин», «50 лет космонавтике». Заслуженный литератор «Содружества творческих сил».

НА ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Е.А. БАРАТЫНСКОГО И Ф.И. ТЮТЧЕВА В МУРАНОВО

Блажен, кто посетил сей дом
Хоть раз. Счастливые мгновенья!
Здесь сохраняет каждый том
Следы былого вдохновенья!

Из окон — поле, речка, лес...
О, память! Множество чудес
В вещицах, бережно хранимых,
Для душ возвышенных, ранимых!

И в лицах, что глядят с портретов,
Горит нетленный мягкий свет.
Слетит налет пустых наветов —
Получите простой ответ

На свой вопрос: «Жива ль Россия?»
Березками ль она красива?
Мы сможем возродить ее
Иль все погубит воронье?

Рабочие столы — бок о бок! —
Двух поэтических столпов
Выводят нашу жизнь из скобок
Под своды неба — без оков!

Как будто бы объятья друга
Здесь живописная округа
При встрече поджидает вас —
Здесь пламень духа не погас!

Прошу вас, убедитесь в том:
Блажен, кто посетил сей дом!..

ПУШКИНСКИЙ СНЕГ

Хорошо! Вот это мне и нужно.
В этих шапках как будто собрана
вся зимняя тишина.

М. А. Булгаков
(по воспоминаниям К. Г. Паустовского)

Как-то ближе к весне, в тихий, солнечный день,
К нам на станцию Пушкино прибыл писатель.
Для чего из Москвы ему ехать не лень?
Для романа* — так золото ищет старатель.

Хоть не очень-то грела худая доха,
Он бродил целый день, пока тропка виднелась.
И сказал, словно выдохнул строчку стиха:
«В снежных шапках — покой. Мне его и хотелось»

Эти снежные шапки лежали везде:
На заборах, на крышах, скамейках и ветках,
На замерзшей в кадушках осенней воде.
Да, такое в столице встречается редко.

А могло показаться: бродил просто так.
Но заметил серьезно сметливый свидетель:
«Нет, не просто ходил и смотрел он. Мастак!
Знать, талантлив, коль здесь красоту заприметил!»

И сегодня, и в будущем добрый читатель,
Погрузившись в роман — в тот, которому век,
Восхитится, как слитку — счастливый старатель.
Но сверкнет там не золото — Пушкинский снег!

* «Белая гвардия».

Игорь Мельников
(г. Тула)

БЫТЬ ПРОСТЫМ

* * *

Над поселком тучи ватные.
В подворотнях ветра свист.
Не обнимешь необъятное,
Даже если ты — турист.

Пребывая в одиночестве,
Поднатужься и пойми
Смысл слова ПЕРЕХОЧЕТСЯ,
И к желаньям примени.

До Вселенского охотники
Не всесильны, так и знай!
Если ты не Федор Конюхов,
Об обыденном мечтай:

Приползти с работы в пятницу.
Пива с воблою попить.
И о прошлом не печалиться,
О великом не грустить.

...Скоро полночь. Спать желательно.
Но по Млечному пути,
На придуманном фрегатике,
Хорошо тебе идти.

ДОЛГ

Твои стихи должны вещать!
Намеки — дело анекдотов.
Не надо глупость защищать —
Сие не пыльная работа.

Твои стихи будить должны!
А убаюкивать негоже,
Покуда ночь твоей страны
На предвоенную похожа.

* * *

«Туда-туда, туда-туда,
В далекое и близкое!» —
Твердят упрямо поезда,
Стальные рельсы тиская.

«Постойте!— говорю им я:
— Ну, что еще за надобность,
В чужие дальние края,
Вагоны перетаскивать?

Зачем спешить из пункта А
До захолустной станции?
К примеру, надоел вокзал —
Мы сменим декорации!

Не лучше ли остаться тут,
Где лето начинается?»
Но поезда опять идут
И шар Земной вращается.

БЫТЬ ПРОСТЫМ

Нет, быть простым — не значит простеньким.
А я простой, я из крестьян.
Мне пес бродячий машет хвостиком.
Мне буйный ветер, как дурман.

Да, я мастак на фразы колкие,
А вот о чувствах не скажу.
Я брагою, вокруг да около,
В рубашке беленькой брожу.

Летают птицы — залюбуешься!
Цветет рябина — красота!
«Душа, ну что ты так волнуешься?
Твоя печаль совсем не та,

Что ходит гордая, надменная»,—
Так свою душу утешал...
Открыл окно, за ним Вселенная
И день, что до смешного мал.

ГЛАВНОЕ

О чем писать, ведь все давно написано?
О чем сказать? Все сказано до нас.
Как егеря, идем по следу лисьему.
Под зимним небом — серым, без прикрас.

И как до неба нынче до Поэзии.
Семь верст, да все густой замшелый лес.
Прошел его — и сам покрылся плесенью,
Но приобрел значение и вес.

...Не потому словесность наша славная
Неинтересна людям, что бедна.
А потому, что выбросили главное.
Остались: гонор, желчь и болтовня.

ИНАЧЕ ГОВОРЯ

Тут окно и там одно.
И за каждым чьи-то планы,
Мысли, книги и стаканы,
И столовое вино,
Ругань, чтенье букваря,
Детский смех, седая старость,
И любовь, и счастья малость...
Жизнь, иначе говоря.

Олег Севрюков
(г. Москва)

Родился 25 января 1954 г. в г. Липецке. Окончил кафедру кристаллографии Геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Лауреат премии Ленинского комсомола, кандидат технических наук. В настоящее время доцент НИЯУ МИФИ, Москва. Член Союза писателей России, Творческого клуба «Московский Парнас», Академии российской литературы.

НОВЫЕ БЕСЫ

Тьма кругом. Ни зги не видно.
Кто мы? Где мы — не пойму.
Очень больно и обидно,
Что попали мы во тьму!

Где начало? Где конец? —
Хоть бы звездочка-другая...
Что подарит нам Творец?
Иль отправит в ад из рая!..

Было солнце, яркий свет
До какого-то мгновенья:
Ничего в помине нет —
Тьма и острые каменья...

Странный хохот, странный вой,
Шелест, шум, шуршанье, шепот...
Крыльев свист над головой,
Приближающийся топот...

Не понять, куда податься.
Боже правый — пронеси!
То ли сникнуть, то ль подраться?
Ох, помилуй и спаси!..

Но все ближе, ближе топот
Руки, ноги — как свинец
И все глуше жалкий ропот,—
Может, впрямь всему конец...

В ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

С улыбкой на зубах и с кукишем в кармане
Проходит по Земле manager'ов отряд —
Что будет после них, и что случится с нами —
Не ведают они, не знают, что творят!

Когда же час придет, представ перед Всевышним,
За все свои дела *нагим* держать ответ,
Кармана не найдя, тот кукиш станет лишним,
Но зубы подойдут. Чтоб ухватить билет —

Бесплатный навсегда с печатью: «Направленье
Туда, откуда нет исхода никому».
Пред чем любое ниц падет воображенье,
Поскольку глубины не одолеть ему.

И вновь они пойдут, но только без улыбки
По прихоти Судьбы лишенные ума,
Качнется шар Земной, изменчивый и зыбкий,
И скроет Солнце лик. И воцарится тьма!..

* * *

О вы, влагатели перстов
В чужие раны!
Вы, потрясатели основ
С телеэкрана!

Певцы разнузданных свобод
До омерзенья,
Толкающие свой народ
К грехопаденью.

Вы поменяли столько вер —
Не счесть по пальцам!
Лежит распятый Гулливер
На ваших пяльцах —

Все норовите вы ему
Глаза заштопать,
Чтоб, ввергнув навсегда во тьму,
В ладоши хлопать!

Но каждого из вас судьба
С одною схожа —
Сотрете вы клеймо раба
Лишь вместе с кожей!

* * *

Поруху этих дней не превзойти, друг мой,
Как не избыть судьбы безумных откровений.
Скитаюсь меж людей, не понятых собой,
Но чающих любви и неземных стремлений.

И в жуткой тишине — душе ответов нет.
Есть только шепоток отжившего злословья,
В котором только я могу найти привет,
Граничащий с тоской, объемлемой любовью.

* * *

Тщеславие, гордыня, суета,
Желание себя увековечить,—
О, славословья звон и пустота!
Легко ты можешь душу изувечить.

Когда к твоим ногам кладут дары,
И льются сладкозвучные напевы,—
То, кажется, неведомы пределы
Для этой восхитительной игры...

Но стихнет гул, уймется маета,
Рассыплется твоих «друзей» орава,—
И не спасет тебя земная слава,
И жизнь твою поглотит пустота...

* * *

Когда придешь, мой друг на Страшный Суд
Тебе сосуд с грехами принесут,
Тебе зачтут и помыслы, и страсть,
Что состоялась и оборвалась...
Тебе придется, друг, держать ответ
За все, что было в мыслях или нет,
. . . . . .
За все незавершенные дела,
За жизнь твою, сгоревшую дотла...

* * *

Что жизнь одна? Всего листок
В безмерном численнике Бога,
И велика ль она, убога —
Движенье пальцами — итог...

ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Сергей Александрович Лебедев. Живет в городе Тольятти. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член РСПЛ.

1

С некоторых пор я уверен, что порой происходящие с нами случайности вовсе не случайны. А даже наоборот, бывает, они так направляют жизнь, что и сомнений не возникает в правильности сложившихся обстоятельств. И живешь с твердым убеждением, что поступил правильно, не по воле случая, а так, как и должно было быть. Но все в этой жизни возвращается на круги своя, и тогда, уже намного позже, может быть, через пять или десять лет, принятое тобой решение вновь напоминает о себе, заставляя сомневаться в правильности выбора. Но жизнь не повернуть вспять, вот и тянет груз прошлого, пока новая случайность не облегчит душевное состояние, не скажет тебе: «Живи и не мучайся!»

Я случайно встретил свою будущую жену, потому что после демобилизации в восемьдесят четвертом году заехал в небольшой волжский поселок, чтобы увидеться с армейским другом. Два года мы служили с ним в одной роте мотострелкового полка, в Чехословакии.

Но совсем не случайно то, что через полгода мы с Ларисой поженились. Я переехал и остался жить в этом уютном тихом поселке. Сразу же устроился на кирпичный завод — электриком, еще через полгода получили мы комнату в коммунальной квартире. Жили и радовались, что все хорошо складывается в нашей жизни. Через год родился сын, еще через полгода выехали одни соседи из квартиры, потом другие. Нам оформили освободившуюся жилплощадь — так стали мы по воле случая полноправными квартиросъемщиками трехкомнатной квартиры в двухэтажном, стареньком, но еще довольно крепком, кирпичном доме.

Однажды, года через четыре после моего переезда в поселок, я случайно увидел его на улице — вдруг внезапно мелькнуло что-то знакомое в лице встречного прохожего. Но потом, как будто кольнуло — ведь это он!

И хотя прошло почти восемь лет, но мне явственно вспомнилась воинская часть под Саратовом. Две недели муштры на плацу и тягостного безделья в ожидании «армейских покупателей». Наконец, мы — «карантищики» — приняли присягу, но еще целую неделю томились в неизвестности, пока среди нас, теперь уже «салабонов», не прошел слух, что списки для отправки — подготовлены. И первыми в них те, кого отправят служить в Афганистан. Оставшихся счастливчиков распределят по воинским частям в Союзе или в Западной группе войск.

Когда я остановился и оглянулся назад после мгновенно промелькнувших в моей памяти картин прошлого, то увидел, что он тоже стоит и смотрит на меня. Наши взгляды встретились. Сомнения окончательно развеялись. Я не ошибся — это он. И снова в голове замелькали давние события, слившиеся в сплошной поток, как кадры кино в ускоренной прокрутке.

2

Прапорщик Воронин из отпуска вернулся очень недовольным. В свои двадцать девять он еще не успел жениться. Хотя внешностью Бог его не обидел. Роста он был немного выше среднего, с крепким, добротным телосложением, русоволосым, с лицом эдакого хитроватого ухаря с деревенской улицы. Воронин надеялся, что в этом году обязательно в отпуске с ним что-то должно случиться. Воронин не считал себя закоренелым холостяком, но так получилось, что до армии девушки у него не было, а когда остался на сверхсрочную службу особенно об этом не задумывался. Вполне был доволен случайными мимолетными знакомствами. Да и угла своего еще не заимел, все больше по армейским общежитиям. А недавно получил небольшую комнату, хотя тоже в общежитии, но отдельную. Вот и засела мысль о женитьбе в его «непутевой» голове. Так о нем всегда говорил его родной дядя, у которого Воронин воспитывался после смерти матери. А отца своего он не знал вовсе. Мать родила его поздно, как говорится на излете возраста. Тоже, наверно, думала о том, чтобы под старость не остаться одной.

Но как только Воронин приехал в родную деревню, все его планы рухнули в первый же вечер. Крепко выпили с дядей, вспомнили всех родных, которых уже не было на белом свете, почти полночи вели долгую мужскую беседу. А наутро, Воронин взял старенький дядин велосипед и отправился по близлежащим деревням навещать оставшихся школьных друзей.

В соседней деревне он и встретил случайно бывшую свою одноклассницу Лидку Воронину, которая приехала погостить к родителям из большого волжского города. Надо сказать, что в той деревне чуть ли не половина жителей были Ворониными. Никто не удивлялся обычной для русских деревень однофамильности.

Лидка сразу после школы уехала в город и поступила учиться в техническое училище. Окончив его, она вот уже более десятка лет работала на каком-то химическом заводе. Красотой Лидка не отличалась, остроносая, с почти безгубым ртом, она была похожа на сердитого лисенка. В городе жила в общежитии и беспросветно ждала получения отдельной квартиры.

Увидев ее сидящей на скамейке около дома, Воронин лихо подкатил к Лидке. Прапорщик положил велосипед в траву, подсел рядом. Разговор был почти ни о чем, повспоминали друзей, односложно поговорили о своих делах, и он уехал на другой конец деревни, где жил его друг детства — Николай Воробьев, работавший трактористом в колхозе. На прощанье Лидка сказала, что вечером в клубе будут танцы, на которые она собирается пойти.

Надрывался старенький магнитофон, дым в зале клуба стоял серо-сиреневой пеленой. Воронин выпил в гостях у Николая и решил тоже сходить на танцы. Выйдя на крыльцо клуба подышать свежим вечерним воздухом, прапорщик столкнулся с Лид-

кой. Вблизи он увидел, что годы почти не изменили ее. Такие же маленькие серые глаза, острый нос, маленький невыразительный рот. Выпитая водка, давняя мужская неудовлетворенность сделали свое дело. Прапорщик пригласил Лидку прогуляться по вечерним, затухающим улицам деревни. Та согласилась и они, пройдя деревню из конца в конец, шагнули в темноту прохладной околицы, где пахло скошенной травой, сыростью от болотины под угором, грибным настоем из недальнего леса. Звенели цикады.

Около стога Воронин обнял Лидку, крепко по военному прижал ее худенькое тело к своему, истосковавшемуся, и они повалились на сено. Сначала она отвечала на его грубоватые ласки, но вдруг поняла, что все зашло слишком далеко. Почувствовав это, она попыталась вырваться, но было уже поздно. Когда прапорщик затих, Лидка оттолкнула обмякшее тело Воронина, обозвала его дураком и убежала в деревню.

Нынешний отпуск и поездка к дяде в родные места ничего нового не добавили в душу Воронина, кроме тягучей горечи от несбывшихся надежд. И снова, как это было последние три-четыре года — казались ему и сейчас цепью случайных, ничего не значащих событий. Событий, которые нарушали его устоявшийся, армейский распорядок жизни, ломали, хоть и временно, привычки холостяцкого быта.

Прапорщик сидел с больной головой после вчерашней встречи с армейскими друзьями по случаю возвращения из отпуска. Перед ним лежали списки солдат, которых надо было распределить по командам для отправки в места службы. Задача для него простая и привычная, не первую партию новобранцев он формировал для «покупателей». Разнарядка и того проще — Дальний Восток, Чехословакия, Венгрия, Германия. В Афганистан поедут служить двадцать шесть человек. Он аккуратно переписал карандашом двадцать шесть фамилий на отдельный листок. Последним двадцать шестым в этом списке значился рядовой…

3

С утра в казарме витал дух напряженного ожидания, «салабоны» гудели на разные лады. Кто-то принес новость, заставившую нас серьезно задуматься о том, что время «карантина» закончилось, и слова песни «Солдаты в путь» не сегодня-завтра воплотятся в реальность. Особенное волнение охватывало наши души известие о том, что многие поедут служить в Афганистан, даже количество кто-то называл — двадцать шесть человек. А поскольку присягу мы уже приняли, то и задумались — все уже слышали о войне, знали, что такое «груз 200». Третий год проливали свою кровь наши ребята «за свободу народа Афгана». Вот и мечтал каждый из нас остаться служить в Союзе или попасть в Западную группу войск.

Весь день я ходил сам не свой. Только одна мысль нудно и монотонно ворочалась в моей голове. «Только не Афган, только не Афган».

Перед самым ужином, до построения, я вбежал в ленинскую комнату казармы. Прапорщик Воронин сидел за столом, тупо глядя перед собой. На столе лежали какие-то бумаги, и я почему-то сразу подумал, что это списки отправляемых солдат.

— Чего надо, «салага»?— нехотя крикнул прапорщик.

Я остановился недалеко от стола и, набравшись наглости, спросил:

— Можно узнать, в какой я команде, товарищ прапорщик?

Но вместо ответа, услышал неожиданный вопрос: «Деньги есть?»

Не успел я сообразить, что сказать, как прозвучало, словно выстрел: «Три пузыря, понял?»

Как не понять. Я опрометью выскочил из казармы. Место, где можно было пролезть под забором из бетонных плит мне хорошо знакомо. На улице вечерело и все вокруг приобретало сероватый оттенок. Я незаметно прошмыгнул под забором, перебежал дорогу и вдоль нее, по березовой аллее кинулся к ближайшему магазину.

Продавщица со сторожем стояли на крыльце и запирали замки. Еле отдышавшись, я все-таки сумел объяснить им, что мне надо. Сердобольная женщина пожалела солдата, и я, рассовав три бутылки водки по карманам и за пазуху, припустил обратно — еще быстрее. Бежать пришлось, придерживая карманы, потому что бутылки норовили выпрыгнуть на дорогу. Темнело быстро, и я так же незаметно пробрался через лаз на территорию части.

Двери штабной казармы были уже закрыты, но прапорщик дожидался меня на скамейке около входа. Все списки были при нем в небольшой красной картонной папке. Водку я отдал ему в спортзале, в который он меня привел. Спортзал был пуст. В раздевалке Воронин вытащил из шкафчика два стакана, налил в один, почти полный, и выпил, не отрываясь. Хорошо, что я догадался прихватить из магазина кружок колбасы и батон. Он жадно заел выпитую водку, налил в другой стакан до половины и сказал: «Пей, солдат, сейчас обрадую». Потом вытащил листы бумаги и протянул мне:

— Это списки, они по всем направлениям. А куда, сколько поедет, знаю только я. Разнарядка получена сегодня утром. Я ведь чувствую, что тебя беспокоит, и чем ты особенно интересуешься. Первыми в списках — афганцы. Их двадцать шесть человек. Можешь посмотреть.

То ли после пробежки в магазин, то ли после выпитой водки, а может, от нахлынувшего на меня волнения, сердце в груди бешено колотилось. Меня удивило, что все списки были написаны карандашом. Напротив каждой фамилии стоял порядковый номер. Моя фамилия значилась под номером двадцать шесть.

— Ну, что молчишь, боец, или нашел себя в этом героическом списке?

— Нашел,— только и сумел я ответить. Потом добавил: — Афган.

Прапорщик присвистнул, снова налил полстакана водки и протянул мне: «На, выпей за свое здоровье и благополучное возвращение». Я еле сдержался, чтобы не врезать по его ухмыляющейся физиономии, но водку взял и выпил одним глотком. Мы молча сидели. Прапорщик налил снова полный стакан, выпил. Потом забрал у меня из рук списки, разложил на скамью. Что-то начал исправлять в них карандашом. Поднялся и сунул мне в руки лист бумаги: — «На, смотри». Я не верил своим глазам. Моя фамилия по списку была на строке с номером двадцать семь. А двадцать седьмой оказался на моем месте — двадцать шестым.

— Поедешь служить в Чехословакию, в Европу.

— Но я же хорошо знаю этого парня, наши койки рядом. Как же я с ним теперь смогу общаться и разговаривать?— только и сумел я пролепетать.

— А ты зачем пришел ко мне, гаденыш? Поинтересоваться? Душу успокоить. Нет, ты пришел, чтобы я тебя отмазал от Афгана. А теперь, когда я свое дело сделал, заметь, сделал за твою отмазку, ты нюни распустил. Я тебе не марионетка, чтобы ты меня дергал то в одну сторону, то в другую. Вали отсюда, а утром всех афганцев после завтрака — на поезд и в Термез. Так что не придется тебе даже в глаза ему взглянуть. Хочешь чистеньким остаться, не получится теперь — мы вместе это сделали. И живи спокойно — всем в мире заправляет господин-случай. Ты случайно узнал, я случайно пожалел тебя. И все, пошел отсюда.— Он небрежно подтолкнул меня в спину, мы вышли из спортзала. Не сказав ни слова, прапорщик, показывая мне спиной свое полное презрение, ушел по освещенной дорожке в сторону КПП.

4

На его лице светилась приветливая, широкая улыбка. Заметив мою нерешительность, сам шагнул навстречу и сказал, радостно улыбаясь:

— Да я это, я!— и протянул руку.

Я почувствовал его крепкое пожатие, но отвел взгляд, все еще не решаясь глядеть ему прямо в глаза. Я понял, что радость его искренна. Он хлопнул меня по плечу:

— Пойдем, надо такую встречу отметить. Сколько мы с тобой не виделись? Считай с того самого момента, когда я сел в поезд и покатил в сторону границы выполнять интернациональный долг. Ты как будто не рад или что случилось?

— Да нет, я конечно рад, просто как-то неожиданно и от этого не могу понять случившегося.

— В нашей жизни все случайно, не парься. Я вот тоже благодаря счастливой случайности живым вернулся из Афгана. Ну, пойдем, я знаю тут одну тихую заводь.

Мы сели за столик, закурили, выпили. Потом еще. Третий тост пили до дна, не чокаясь — он сказал, что это в память о погибших ребятах. Я молчал, чувствуя скованность от встречи с ним, но он как будто этого не замечал, балагурил, а потом весь вечер рассказывал о себе.

«Когда мы проехали Оренбург, и поезд повернул на юг — стало ясно, едем в Афганистан. Замелькали выжженные летним безжалостным солнцем казахские земли. А за Актюбинском вообще голая степь пошла. Лишь кое-где в деревнях стоят по улицам высокие тополя. Ехал и думал: «Картина, конечно, не очень веселая, но это же — Союз, и как будто все родное. А что ждет в этом Афгане? Война идет третий год. Туда — ребята, обратно — цинки…

Но знаешь, когда точно понял, что еду в Афганистан, на душе как-то успокоилось. То ли молодой был, но думалось — будь, что будет. Ведь на границе в Термезе нас в самолет и — летите крылья Родины. Прилетели в Кабул — жарища, неразбериха. Ни попить, ни поесть. Наконец-то что-то прояснилось, на зеленую стрекозу — и в Газни.

Первые обкатки в горах, словно поездки в чистилище. Там нас обстреливали два сержанта из гранатомета АГС-17*. Посадят на закрытые позиции, и давай палить! У них только гранатомет подпрыгивает, а мы словно в аду — грохот, пыль, уши закладывает. Вот так и привыкали к боевой обстановке.

Или ночные стрельбы — темнота, только трассеры, словно зловеще сверкающие глаза «духов». В жизни все бывает впервые, потом к этому привыкаешь. А вот первый бой или перестрелка — они ведь могут быть и последними.

Натерпелся я страха в первой перестрелке. Ухает наш гранатомет, с горы бьет базука, автоматные тявканья со всех сторон, хочется втереться в камни, в расщелины, укрыться за любым выступающим валуном. Рядом со мной лежал парнишка с Украины, из города Сумы, водитель БТРа. Он в блиндаже постоянно бронежилет на дверь вешал, все говорил: на чужбине погибать — желания нет. А это, мол, спасет от осколков или от пуль. А тут выставил за камень свой АКМ и жмет на курок. И какой черт его дернул, только он приподнял голову, хотел, видно, что-то разглядеть в этой кромешной пыли, как вдруг услышал я хлесткий такой щелчок, как кнутом кто-то хлестнул. Снайпер дождался своей секунды. И на месте глаза у парня кровавое месиво, все лицо словно в кровавой маске. Посмотрел я на него и дальше жму на курок. Не то, чтобы мне было все равно, от страха тогда казалось, что каждая пуля моя, а если закончу стрелять — она тут же в меня и попадет. Вот так, брат, косая в двух шагах от меня побывала в первом же бою. Полюбил я тогда горы с гранитными камушками. И от пуль, и от минных осколков защита, что надо.

Поля минные, как щиты ставили вокруг блиндажей. Но обязательно наблюдение вели и за минными полями, а то умудрялись «духи» своих саперов пускать вперед, ползали между камней по-пластунски. Не раз попадали они под наши пули.

В первые месяцы службы пришлось мне самому пройти через минное поле. Устроили ночью «дембеля» отходную попойку — приказ обмывали. Все выпили и посылают меня в соседний кишлак. Да вы что, говорю, на дворе ночь, как дорогу найду. Ничего, гогочут, тут всего-то и километра не будет, а чтобы побыстрее, вон, садись на вьючное транспортное средство и — вперед! В горах ишаки были незаменимы —

* *АГС-17* — автоматический гранатомет станковый.

по любой тропе пройдут, мы их нагружали всем, чем придется — боеприпасами, минами, водой, провиантом. Вот и оседлал я «транспортное средство», куда деваться. Попробуй, возрази «дембелям», сам знаешь, себе дороже. Погоняю я ослика, а он так прытко идет — цок-цок по камушкам. Как в темноте дорогу находил, не знаю. Удачно я проскакал на нем по кишлаку, ни одна собака не тявкнула, видно знали они его уже. Вернулся, привез им водки и спать завалился. Утром вышел из блиндажа, глянул — и волосы на голове зашевелились. Перевез меня ишак через минное поле. Кто за меня молился в это время, не знаю, но кто-то спасал — это точно!

Поездил я там по дорогам войны. За то, что шоферил, наградили медалью «За боевые заслуги». Едешь, а вдоль дороги обгорелые бетээры, наши — советские, лучшие в мире. Едешь и не знаешь, с какой стороны стрельба начнется. Особенно охотились духи за простыми «КамАЗами» с горючкой, наливниками. Видел я, как от одного попадания автоцистерна в небо летит, а вместе с ней души ребятишек отлетают. А в ущелье Асмар и танки, и БМП, и вертушки обгоревшие, как на кладбище металлолома. А как подумаешь — сколько наших солдат сгорело в этой технике — тоска берет.

Вручили мне и вторую медаль — «Отвагу» — уже почти перед самым дембелем. Сейчас и посмеяться не грешно, не над медалью, конечно. А пришлось мне опять по минному полю прокатиться. Как не попадает снаряд дважды в одну воронку, так и у меня — не вышло второй раз счастливой случайности. Было это в ущелье Асмар. На рассвете обстреляли наш блок-пост из ДШК*. Укрытие помогло — никого не задело, к счастью. Когда совсем рассвело, посылает старлей пятерых бойцов с сержантом в кишлак. Пройтись по саманным дувалам и зачистку сделать. Хотя кишлак и недалеко, но не пешком же идти. Загружает всю команду в мой «Уазик»; я на нем подвозил боеприпасы, харчи для ребят, и, как на грех, остался ночевать. Сержант садится ко мне в кабинку, а бойцы попрыгали в кузов. Уже подъезжая к кишлаку, увидели мы с сержантом, что проезда нет, впереди минное поле. Не возвращаться же. Вот и придумали. Бойцов высадили, а машину я развернул кузовом к минному полю. Они за камни залегли, а сержант остался со мной в кабине. Сдаю машину потихоньку кузовом вперед, прямо на минное поле. Думали — проскочим; они в основном минировали пластмассовыми итальянскими минами. Зря надеялись — рвануло так, что я сразу отключился. Очнулся — левая рука в крови, в голове звон, пошевелился, чувствую боль в правой ноге. В общем, съездили. Сержанту повезло — его только контузило. Все головой мотал, пока нас в госпиталь везли. Вот так я и вернулся домой — с двумя медалями и живой. Правда, после контузии пить не могу, после трех рюмок башка слетает. Но скажу честно, как на духу: трусом я не был, и честь не марал.

И вполне серьезно считаю, что все, кто отслужил в Афганистане, достойны «Отваги». Только награждали не всех, а многих — посмертно».

Я сидел, слушал его, а в голове крутилось: «Сказать — не сказать, сказать — не сказать». И по-прежнему боялся взглянуть ему в глаза. Он все-таки заметил мое состояние и уже настойчиво спросил:

— Нет, ты чего-то сегодня смурной. Говори, что случилось? Вместе обмозгуем. Помогу, чем смогу. Не рви душу молчанием, сам себя сожрешь.— И я, глядя ему в лицо, чувствуя дрожь в желваках, выдавил из себя:

— А ты знаешь, в том списке из двадцати шести, отправляемых в Афганистан, когда нас распределяли в Саратове, я был двадцать шестым. За три бутылки водки прапорщик Воронин сделал меня двадцать седьмым, а двадцать шестым — ты оказался.

Он взглянул, прищурившись, словно прицелился. Медленно вытащил сигарету из пачки, закурил. Глубоко затягиваясь, помолчал, наверное, с минуту. И вдруг спокойно сказал:

— «А ты знаешь, я не обижаюсь. И живи спокойно. Я ведь жив».

---

* *ДШК* — крупнокалиберный станковый пулемет (Дегтярева, Шпагина крупнокалиберный).

Вячеслав Лобанов
(г. Тольятти)

Родился в 1961 году в Башкирии. Около двадцати лет проработал инженером-конструктором на разных автозаводах. Публиковался в альманахах «Стрежень», «Графит» и журнале «Город» (все — Тольятти). Автор сборника стихов «Где-то ветер листает стихи». Дипломант конкурса «На енисейской волне-2012»

НАЧАЛО МАРТА

Небо выбелит жаром первых солнечных дней
И зеркальным ударом выжжет пятна теней.
Потемневший зернистый мокрый снег за окном,
Тают елей мониста и текут серебром...

Лес манит на прогулку, от забот отдохнуть.
Двор неряшливый, гулкий, я покину и в путь.
Снег еще укрывает бурых листьев поля,
На пригорках подтаял, и дымится земля.

Ветки голых деревьев, как платок кружевной —
Только сосны и ели зеленеют стеной.
Белой строчкой следочки меж бугров и низин.
Чуть наметились почки у ольхи и осин.

Мох на толстых лесинах пожелтел и облез.
На полянах пустынных снега яростный блеск...
Утром, в палевой дымке, щеки щиплет мороз,
Но вчера, на заимку, он тулуп свой унес!

ЗАКОНЧИЛОСЬ ЛЕТО

Сижу в развилке меж ветвей:
Передо мной, как на картине,
В подвижной арке неба стынет
Большая роща. А в траве

Три желтых звездочки горят —
Цветки люцерны... и цикорий

Синеет ярко. Осень вскоре
Накинет пестрый свой наряд.

Пятнают охра и багрец
Деревья рощи — кучно справа:
Густа зеленая оправа,
Но лету наступил конец.

Я спрыгну в низкую траву —
Темнеет, надо возвращаться,
Забыл, что лет мне не шестнадцать,
Упал, ушибся, но живу!

ПРО ЕЖА

Вечером, после смены,
Папа принес ежа.
В сумке, присыпан сеном,
Еж колобком лежал.

А развернувшись, фыркал,
Носиком поводя.
Иглы нарастопырку —
Колются злей гвоздя.

Ночью не спал, а топал,
Чем-то в углу шуршал!
Папа в огромный подпол
Взял и спустил ежа.

Но отдохнешь едва ли,
Еж воевать мастак:
С писком наружу валят
Мыши — не меньше ста!

Ежик ушел в подполье.
Тихо — не спится мне.
Что он еще отколет,
Шастая в глубине?

КАНИКУЛЫ СЕМИДЕСЯТЫХ

Опять не спится в час ночной
Бродяги-мысли
Меня уносят в мир иной:
Там с коромыслом
Соседка Ленка за водой
Идет к колонке,
И я, мальчишка заводной,
Кричу ей звонко...

Там баба Аня в огород
Спешит в калошах.
И многочисленный наш род
Еще не кошен!
Смеясь, бегут сестра и брат —
На речку едем...
Зовет играть меня Айрат
Во двор к соседям.

Там деду валенки несут —
Он подшивает.
Отец купил нам «Бирюсу»...
И мать живая...

ЦВЕТОК «МАНИТ-ОБМАНЕТ»

В потаенных лесах, где живут упыри,
Где коты смоляные недобро глядят,
Где старушки-ягушки готовят внутри
Потемневших избушек обед для котят,

Появился цветок необычной красы —
Исполнитель желаний, феерий мастак —
Светлячково мерцая в ночные часы,
Завлекает желающих все и за так.

И стремятся в чащобу глупцы через топь,
От змеиных укусов рискуя полечь,
Через острый осот и осиную дробь,
Не боясь, что старушки отправят их в печь.

А цветок, затаившись в тумане густом,
Лишь дурачит, лишая покоя и сна!
И двоится в глазах, и за каждым кустом
То кривится упырь, то сверкает казна...

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. ПЕРЕВОДЫ

Валентина Лысич
(г. Кременчуг, Украина)

Валентина Алексеевна Лысич родилась в Черниговской области в 1962 году. Окончила Прилукское педагогическое училище и Глуховский педагогический университет. Работала педагогом начальных классов, воспитателем в общежитии технического лицея. В 2005 году вышел первый сборник на украинском языке.

РОМАШКИ

Ромашковое поле —
все краски хороши.
Ромашковое поле —
нам некуда спешить.

Ромашек цвет повсюду —
на платье, на губах.
Ромашек белых чудо —
восторг у нас в глазах.

Здесь впору затеряться —
гадай хоть до утра.
Я помню, ты признаться
пытался мне вчера.

Усердно собираю
в большой букет цветы.
Гадать не буду — знаю,
что завтра скажешь ты.

ПОДАРИ

Как поют соловьи до утра
ночью звездной по зарослям сада!

Я одна размечталась вчера,
восторгалась в окно звездопадом.

Мне такую же ночь подари,
о таком я мечтаю подарке,
и дыханьем восторженным, жарким
говори обо мне, говори.

Прилечу до исхода зари
в звездопад и ночную прохладу.
Подари же мне ночь, подари!
Мне для счастья немножечко надо.

ВЫЦВЕВШЕЕ ЛЕТО

Я соглашаюсь: осень — грусть-печаль.
Ушло, как день вчерашний, наше лето.
Увяло все, и мне ничуть не жаль —
душа минувшей радостью согрета.

И я туда, конечно, не вернусь —
прошло, любви восторгами пропето.
В осеннем ветре — песенная грусть,
туман и сырость — вестники рассвета.

И нежность наша выпита до дна.
Ну а любовь... ее истоки вечны:
звенит сердец восторженных струна,
безумной страстью летнею согрета.

Я подводить итоги не возьмусь —
счастливым было выцветшее лето.
От листопадной грусти воздержусь —
речь не об этом... вовсе не об этом.

ВСЕ ПОТОМУ...

Признаться страшно — я тебя люблю.
И лето пахнет донником и мятой.
Тону в глазах твоих, боготворю,
желаю быть и близкой, и понятной.

Нам дарит солнце щедрое тепло,
а для тебя, как видно, непонятно —
отрадно мне, привольно и светло
от слов твоих случайных и невнятных.

Я — признаюсь. Я — сердцем говорю.
Как песня, что красива и крылата,
кричит душа восторженно: «Люблю!..»
И буйствует трава никем не смята.

ОСЕННЕЕ МАРЕВО

Осенний день дождливой грустью ранен —
все замерло живое: тихо ждет.
И, как мираж, в клубящемся тумане
моя мечта, как лодочка, плывет.

Моя душа осенняя несчастна:
судьба ее и мучит, и казнит.
И я, признаться, только ей подвластна —
не ведаю, чего она велит.

Тужу с дождями осени, тоскую,
о том, как было мило нам двоим.
Так хочется к весне — напропалую! —
туда, туда в объятия твои.

Осенний день... до боли все родное —
кто видел это, тот меня поймет —
зовет туманом осени к покою,
мечта на листьях осени плывет.

Перевод с украинского члена Союза писателей и переводчиков А. Селичкина (г. Калуга)

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

Наш постоянный автор. Лауреат литературной всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

АЭРОПОРТ. УТРО

Как все-таки однобоко людское представление об устройстве Божьего мира! Раз Африка, значит, обязательно должно быть жарко. А вот, не угодно ли, африканский предрассветный холод. Юноша с бледным порочным лицом, служащий аэропорта Йоханнесбурга, одиноко скучает за стойкой своей авиакомпании, кутается в форменное пальто, поглаживает себя по плечам. Он бесстрастным взором оглядывает надоевшую, вечно куда-то движущуюся космополитичную толпу. На долю секунды, лишь на долю секунды его внимание привлекает попрыгивающий, как воробей, странный субъект в легкомысленно-московской футболочке («Как раз для августа и Африки!»). Равнодушно-электрическая исполинская кубатура зала вылетов постепенно блекнет, а небо, напротив, начинает сереть, сравнившись по цвету с глазами человека у стойки. Почему-то хочется узнать, что за мысли бродят в его светловолосой кудрявой голове, какая музыка звучит в его украшенных серьгами ушах. Но догадаться об этом невозможно, ибо его отсутствующее лицо выражает единственное желание: поскорее сдать смену и забыться сном. Небо над Йоханнесбургом гораздо понятнее и ближе: оно румянится, розовеет, просыпается к жизни. Становятся видны очертания расположенных неподалеку от летного поля деревьев. Что за деревья — разобрать невозможно, понятно лишь, что среди клубящихся лиственных крон зазубренной пилой выделяется вершина какого-то хвойного растения. «Вот... Оказывается, в Африке есть и хвойные»,— отмечаешь ты про себя, заранее догадываясь, что эта информация никогда не пригодится тебе в жизни. Но сейчас измученному бессонницей, озябшему мозгу сделанное открытие кажется чрезвычайно важным. Так всегда: чужому для всех, никому не интересному транзитному пассажиру значительным представляется то, что никого больше не занимает.

ДОЖДЬ НАД МАПУТУ

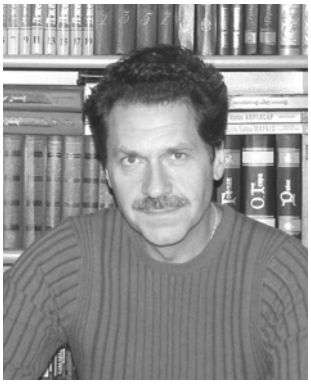
Теплый африканский дождь накрыл Мапуту. Стоявшую в воздухе влагу даже дождинками нельзя было назвать, настолько незаметны, почти невоспринимаемы они были. Чудилось, что на город наложили дымчато-позрачную, волглую, глянцевую кальку, дабы скопировать силуэты многоэтажек, пальм и вилл, а затем перенести контур заэкваторного города куда-то, где его беззаботный вид кого-то утешит или

порадует. Перенести в какое-то неведомое место. Может быть, на другую планету, где люди могут быть счастливы?

ПАЛЬМЫ

Какое, однако же, это увлекательное занятие — наблюдать за тем, как колышутся на ветру пальмовые ветви! К концу дня, когда жидкое золото настоится в прозрачной лазури неба и превратится в тягучий солнечный напиток, нижние ветки пальм пьяно качаются, словно бессильные зелено-желтые крылья обреченных птиц. Зато верхние молоденькие веточки поворачивают полоски листьев перпендикулярно земле, чтобы не дать немилосердному светилу сжечь их сочную юность. В знойный предзакатный час лишь пожилые нижние ветви проявляют желание дать земле немного тени: они готовятся оставить наш мир, и им хочется задержаться в нем подольше, пусть даже бледной сенью воспоминаний, пусть даже мимолетной благодарностью в душе невольника-прохожего, принужденного тащиться по делам в такую жару. Верхние же ветки озабочены лишь самосохранением. Они своим шелестом и движениями приветствуют приход ветерка: «Да, да! Мы заждались тебя! Освежи хотя бы единым порывом застой нашего существования!»

Сначала следишь за смятением пальмовой листвы, доверчиво развернувшейся к тебе всей плоскостью, рассеянно, как за живым флюгером, показывающим направление и силу нерешительного ветра. Но постепенно изумрудные штрихи верхних веток складываются в узоры, а узоры — в ожившие рисунки. Оказывается, в кронах пальм поселились стада лошадей! Их продолговатые морды тянутся в разные стороны, ища небесного корма. Их шеи украшены ниспадающими гривами, а лбы — с вызовом вскинутыми чубчиками. Нет, это не хаотично колышущиеся при движении атмосферного воздуха отростки деревьев! Это наделенные инстинктом (а может быть и разумом!) существа. Они плавно поводят выями вслед налетевшему дуновению, они неторопливо кивают зефиру, как старому знакомому, они грациозно потряхивают гривами, отгоняя невидимых насекомых, они даже пытаются стронуться с места... А вот встревожено закинули головы, слышно их настороженное шуршащее ржание. Табун беспокойных зеленых зебр в десятке метров над землей.



Виталий Ковалев
(г. Юрмала, Латвия)

ИСКАТЕЛИ

Виталий Ковалев, профессиональный художник, живет в Юрмале (Латвия). Окончил Латвийскую Академию Художеств. Пишет прозу. Публикуется в журнале «Волга — XXI век», является членом редколлегии журнала. Имеет публикации в различных интернет изданиях.

Летним жарким утром с миской в руках я подошел к клубничной грядке и тут только заметил соседскую девочку Иру. Она стояла под вишневым деревом за забором и громко плакала.

— Ты чего, Ирка?— спросил я.

— Меня сегодня заставляют собирать вишни для варенья,— всхлипнула она.— А я... Я... почему-то не хочу работать...— И она залилась горькими слезами.

Две косички, вздернутый носик, испачканный чем-то желтым, видать, нюхала какой-то цветок, и голубые, как небо, глаза. Сорвав большую клубничину, я отправил ее в рот, а потом стал собирать ягоды в миску...

— Не плачь, Ирка,— сказал я.— Пойдешь сегодня за рыбой? Давай пойдем вместе?

— Я у мамы спрошу,— ответила она, шмыгая носом и, протянув руку вперед, выстрелила в меня вишневой косточкой.

На кухне бабушка жарила оладьи. Я поставил миску с клубникой возле нее и сел за стол перед стопкой оладий на широкой тарелке. Отпивая кофе с молоком, я поверх кружки посмотрел на фотографию на стене. На снимке папа и мама были совсем молодые. Папа в офицерском кителе с погонами, мама в шляпке и черном каракулевом пальто.

— Бабушка, а я тогда еще не родился?— спросил я, показывая на снимок.

— Нет. Это сорок четвертый год, в Краснодаре. Вася тогда после ранения приехал, ответила бабушка.— Мы с Валей как увидели его, так аж испугались. Худой стал и страшный, как немец... Пять операций перенес. Осень уже была, а он в одном кителе, так я ему тужурку из ваты пошила. Я тогда в больнице работала. Три дня он пробыл и уехал. Было у него предписание двигаться в сторону Риги. Ее тогда как раз брать начали...

Я, слушал бабушку и думал о том, что если бы папу на войне убили, то меня бы не было. Самым обидным мне показалось то, что никто бы даже и не знал, что меня нет.

После завтрака мы с Ирой пошли за рыбой. Я нес обе наши сумки, а Ира, цепляя на кончик хворостины шишки, пуляла ими в соседские дворы.

— Подожди меня тут,— сказал я Ире, оставив ее с сумками на дороге, и вошел во двор Карла Фрицевича.

Из-за невероятно широких плеч, мы звали его — Человек-Шкаф. Карл Фрицевич был другом моего папы, он научил меня привязывать к леске крючок, научил ловить донкой линей и часто брал с собой на ночные рыбалки. Папа мне рассказал, что в войну Карл Фрицевич служил в войсках СС. Его призвали в шестнадцать лет, когда наши войска подошли к Риге. А потом он семнадцать лет был в лагерях в Сибири.

— Карл Фрицевич, а вы уже сделали мне лук?— спросил я, подходя к нему под навес сарая, где он сколачивал козлы для пилки дров.

Он посмотрел на меня и шлепнул огромной ладонью себя по лбу.

— Es aizmirsu!.. (Я забыл! — латыш. яз.) — воскликнул он.— Пойдем, срежем орешник. А ты почему по-латышски не говоришь?— Он взял с лавки большой нож, и мы вошли в заросли орешника за сараем. Лучи солнца пробивались сквозь светящиеся на солнце листья.

— Вот эта подойдет,— показал он на гибкий побег молодого орешника.— Будет в самый раз.— Он присел, подрезая побег, пятна света скользили по его мощным рукам. Я коснулся его широкого плеча.

— Дядя Карл, а вы всегда были таким сильным?— спросил я. Он чуть помолчал, а потом ответил:

— Нет. Сначала был такой, как ты. Работай больше и будешь сильный. Чтобы был не Арбат,— кивнул он головой на поджидавшую меня на дороге Иру,— а Arbeit... Ну-ка, покажи свои мускулы...— Он взял мою руку, согнул ее в локте и смерил бицепс, приложив к нему рукоятку ножа.

— Я запомнил, какой ты сейчас, а через месяц посмотрю снова. Дрова коли. Почему дрова не колешь? Ждешь, когда папа сделает? Передай Василию привет!..

— Хорошо, дядя Карл, я передам. Uz redzešanos! (До свидания! латыш. яз.)

— Пойдем через лес,— предложила Ира, когда я вышел к ней на дорогу,— заодно в моховичник заглянем...

— Опоздаем за рыбой.

— Да, мы быстро. Посмотрим только, есть грибы или нет. Мы вошли в лес. Высокие неподвижные папоротники доходили нам до пояса, а иногда и до плеч. В их густой зеленоватой тени мы заметили желтоватые шляпки грибов.

— Смотри, как много!— воскликнула Ира. Мы присели и стали разглядывать грибы. Веер солнечных лучей рассекал гулкое пространство леса, озаряя шершавые стволы сосен. Золотая мошкара роилась в лучах света и исчезала, как только попадала в тень. Здесь было очень тихо, только далеко-далеко слышался голос кукушки.

— Давай считать, сколько лет мы проживем?— сказала Ира.

— Не надо, Ирка!.. Я не хочу это знать...

— А правда, здесь похоже на Рай?— прошептала она.— Мне мама про Рай рассказывала. Там было хорошо, и все звери жили дружно.

— Сказать тебе тайну? Только не говори никому. Я знаю, где Рай есть и сейчас.

— Где?— продышала тихо Ира.

— Рай прямо над нами. Он остался на верхушках деревьев. Изменилось все только внизу, а там все так же, как было тогда. Я однажды залез на дерево и почувствовал это. И птицы чувствуют это, потому они и любят вершины деревьев, и вьют там гнезда.

— Жаль, что я не могу туда залезть,— грустно произнесла Ира.— Но я и отсюда его немножечко чувствую!..— Мы смотрели на верхушки сосен, качающиеся на ветру, и слушали шум леса.

— Мы опоздаем!— спохватилась Ира. По тропинке среди папоротников мы добрались до опушки леса, и увидели море. Оно было желтовато-янтарным.

— Они уже здесь!— крикнула Ира, и, скинув платье на песок, побежала к воде. Я с сумкой побежал вслед за нею, но на берегу остановился. Ира заходила все дальше и дальше в воду. Волны били в ее колени, потом в живот, в грудь... Подняв высоко вверх свою сумку, она добралась до второй мели, за которой покачивались на волнах рыбацкие лодки. Прямо в воде люди покупали у рыбаков больших копченых угрей, камбалу, жирную скумбрию, золотистую стремижку и свежего лосося.

Далеко в море я увидел волну и стал смотреть, как она движется ко мне. Ветер сбивал с ее гребня белую пену, волна росла, с шумом катилась по морю, и казалось, что до берега ей еще очень далеко, но прошло несколько мгновений, и волна выкатилась на берег к моим ногам. Глядя на лопающиеся пузырьки пены на песке, я ощутил свежий морской ветер, услышал крики чаек, шум волн и далекий голос Иры, звавшей меня... И в этот миг, затаив дыхание, я что-то почувствовал. И запомнил это на всю жизнь.

Дмитрий Виноградов
(г. Узда, Белоруссия)

ПЕПЕЛ ЧЕРНОБЫЛЯ
(Эссе)

Родился 26 февраля 1943 года в г. Хойники в Беларуси. В 1961 году окончил Гомельский дорожно-строительный техникум. С 1962 по 1965 год служил в Советской Армии. В 1970 году окончил Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта. Прошел трудовой путь от рабочего до заместителя председателя райисполкома. Ныне пенсионер. Член Союза писателей Беларуси, детский писатель. Автор 15 книг. Лауреат 11 международных литературных конкурсов. Отмечен высшей наградой Союза писателей — медалью «За большой вклад в литературу». Ныне проживает в г. Узда Минской области.

Моя малая родина город Хойники на юге Белоруссии. Он расположен в 30 километрах от реки Припять, которая с давних пор является естественной границей между украинским и белорусским народами. А в 48 километрах от него чудовищным ящером высится Чернобыльская атомная электростанция. Утром 26 апреля 1986 года станция взорвалась, накрыв радиоактивной пылью большую часть Беларуси. Послевоенная история моей малой Родины разделилась надвое: то, что было до радиации, и то — что после.

Радиация... Нас учили, что она смертельно опасна. Что поражает смертельная пыль прежде всего внутренние органы: желудок, печень, почки, суставы. Но как же теория была далека от практики. Оказывается, первый и самый главный удар радиация наносит по серому мозговому веществу, от чего порождается страх, неуверенность, трусость, паника. Вероятно, этим объясняется поведение высших эшелонов власти, старавшихся скрыть правду от людей, предпочитая подвергать смертельной опасности сотни тысяч людей. Пропагандистская машина умирающего государства молчала. Зато неутомимо работало «сарафанное радио», разносящее самые невероятные слухи: «Слышали, атомная станция в Чернобыле взорвалась?», «Слышали, в район стягиваются войска со всей страны?», «Слышали, к нам едет сам ИКС?». И над всеми этими слухами, которые, в общем-то, оказывались правдивыми, висит щемящее чувство тревоги.

Но делать что-то нужно было. И приходит в район ну очень «мудрый» циркуляр, гласящий, что нужно спасать из тридцатикилометровой зоны... общественный скот. Скот, а не людей!? И, ведь, спасали, глотая смертельную пыль. В первомайских колоннах ждем, что скажут о грянувшей беде с трибун партийные чиновники. Но оттуда не прозвучало ни одного тревожного слова. Только сойдя с трибун, за закрытыми дверями они принимают, разумеется, с высшего соизволения, решение об эвакуации из так называемой «30-километровой зоны» уже и людей. И население, разрешив взять только ценности и документы, чуть ли не силой вывозят в населенные пункты района, что находятся вне пресловутой «зоны». При этом никто не смотрит на дозиметры, которые показывают, что здесь тоже есть радиация, и она здесь не меньше. Район забит войсками химзащиты. Появились многочисленные пропускные пункты со шлагбаумами, где несут круглосуточное дежурство сотрудники МВД. Как знак

беды, возле каждого из них стоит неведомый ранее знак желтого цвета с нанесенной трехлепестковой черной «ромашкой» и со словами «Радиация». В самом городе, а это всего 18 километров от «зоны», оборудован пункт дезактивации эвакуированного населения. В состав эвакопункта входят местные медработники и несколько военных во главе с капитаном. На лицах людей, что еще не прошли санобработку, печать усталости и обреченности. Временами кто-либо подходит к капитану и задает единственный вопрос: «А нас скоро вернут назад?» Капитан, не вправе сказать правду, отводит глаза: «Через несколько дней». Люди недоумевают: «А зачем тогда нас моют, и переодевают в другую одежду?»

Видя проходящих мимо влюбленных, капитан вырывает у девушки букет цветов, аромат которого она вдыхает, и подносит к дозиметру. Прибор зашкаливает — делений не хватает. Капитан извиняется и тихо говорит: «Ребята! Дышать всем этим,— офицер повел руками вокруг,— нельзя! И жить здесь... тоже нельзя!»

Восьмого мая эвакуируют из района уже ВСЕХ детей до 14 лет. Их увозят вначале в соседний Ветковский район, где, как выяснится потом, уровень радиации нисколько не ниже, чем в наших местах. Здесь они будут «оздоровляться» целый месяц. Потом всех их эвакуируют в северные районы Белоруссии и западные районы России, вплоть до Урала. И начнутся мытарства родителей в поисках и посещениях детей. Нашу старшую дочь увезут в Витебскую область, младшую — в Минскую. А дорога туда не близкая. В пятницу вечером после работы на машине (а машины в то время имели немногие) уходим в ночь.

До старшей — 400 километров езды по забитой войсками дороге. Часто подолгу стоим по команде регулировщиков. Утром на месте. Счастливые глаза дочери, и непередаваемая тоска тех, к кому родители не смогли приехать. Целый день находимся в детском окружении, несмотря на попытки воспитателей забрать их в палаты. Тоска по родителям такова, что они стараются хотя бы прикоснуться к нам, чужим людям. Роздано все что можно. Не отдохнув, уходим во вторую ночь. Такая же долгая дорога. Утром последние километры еду, как на автопилоте,— сильно устал. В такой же обстановке проводим воскресенье с другой дочерью. И с сумерками совершаем последний 500-километровый бросок домой. Часов в пять утра дома, а к восьми нужно быть уже на работе. И так еженедельно многие месяцы. С осени периодически детей дошкольного и младшего школьного возраста будут эвакуировать уже с матерями. А многие отцы в это время мечутся по стране, пытаясь определиться с новым местожительством и новой работой. Другие мужчины продолжают работать на прежних местах, надеясь, скорее всего, на «доброго царя», который однажды очнется, и примет решение о выселении наших семей в чистую зону.

В это время на загрязненных полях выращивается хлеб и овощи, производится многообразная сельскохозяйственная продукция. Конечно, можно сегодня заявлять, что выполнять эту работу было аморально. Но нельзя осуждать этих людей, ибо они были заложниками сложившихся обстоятельств. Одновременно на загрязненных территориях района строится несколько поселков, в которые заселяются чернобыльские переселенцы. Через некоторое время переселение пройдет еще раз, но уже в другие районы. Все населенные пункты 30-километровой зоны и вновь построенные поселки будут стерты с лица земли. Эта территория станет свободной от деятельности человека. Через несколько лет здесь будет организован Полесский радиационно-экологический заповедник.

А тем временем бежали месяц за месяцем, год за годом. Осознание опасности проживания в родных местах заставляют людей массово уходить, невзирая на все препоны. Власти пытаются удержать трудоспособное население. А нетрудоспособное – оно ведь никому не нужно. Покидали люди родные места, прежде всего, ради спасения детей. Уезжали, оставляя трудовые книжки, а значит, теряя трудовой стаж;

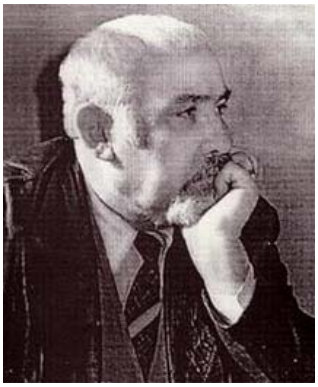
уезжали, лишаясь партийного билета, а значит и перспективы на карьеру; уезжали, а скорее бросали производство вместе с вверенными материальными ценностями, не страшась сесть за недостачу в тюрьму; добивались увольнения в законном порядке, получая при этом в лицо оскорбления «трус» и «дезертир». Люди уезжали в зачастую худшие условия, но с верой, что новое место, во всяком случае, будет чище, чем родная Хойникщина.

Наступил 1990 год. Терпению приходит конец. На январьском партийно-хозяйственном активе автор этих строк нелицеприятно выступил против удержания людей в районе. Перед этим ночь не спал, осмысливал время, проведенное в «чернобыльской зоне». Мое выступление словно прорвало плотину людского гнева. Последующие выступающие произносили свои речи столь эмоционально, что президиум собрания во главе с одним из вице-премьеров республики спешно начали сворачивать совещание. После его окончания меня пригласили на сцену, где взбешенный первый секретарь стал гневно упрекать меня, что по поводу своего выступления не посоветовался с ним. Я ему ответил, что главным моим советчиком является совесть. Конечно, я рисковал многим, но терпеть уж дальше не было сил. Вице-премьер спросил, что я хочу. Ответил кратко: «Хочу со своим коллективом уйти в чистую зону». Там же я получил согласие на уход организации, и мне была назначена через месяц встреча в Совете Министров для определения места посадки. Но разуверившись в правдивости средств массовой информации, я и двое представителей коллектива за свои деньги на своем транспорте объехали практически всю Беларусь, нанося показания дозиметра на карту. И мест, практически свободных от радиации было немного. Одним из них был Узденский район, что рядом с Минском. Наш выбор власти поддержали. И за год на чистом месте своими руками мы воздвигли поселок на 120 домов усадебного типа со всеми удобствами и 80-квартирный дом. Это жилье приютило порядка тысячи человек. Отныне в городе Узда каждый восьмой житель — «чернобылец». Это самая большая диаспора переселенцев в Белоруссии.

Вот уже 25 лет смертельная пыль присутствует в нашей жизни. Искалечив, изломав столько судеб, она не смогла искалечить души тех, кто вопреки прогнозам японских ученых еще жив. Пройдя через все испытания тех проклятых лет, расселившись на необъятной территории, что называется сейчас постсоветским пространством, мы не порвали своих связей со своей малой родиной. Не подвластны времени, не подлежат забытию родные места: там прошло босоногое детство, там пришла первая любовь, там могилы наших предков, там наше начало. И мы ездим, не страшась смертельной пыли, чтобы поклониться родным местам. И будем ездить до тех пор, пока не остынут наши души.

Мы, прошедшие чернобыльские реалии, с большой болью восприняли события, происшедшие в Японии в результате землетрясения и последующую аварию на атомной станции «Фукусима». Верится, что учтя ошибки и опыт Чернобыльской катастрофы, талантливая нация Страны Восходящего Солнца с честью выйдет из этого тяжелого испытания. Мы верим, что придет время, когда вопросы ликвидации последствий радиационного облучения будут решаться значительно легче и проще. Будут изобретены лекарства, снижающие риск заболевания от полученного облучения. Будут найдены способы связывания радионуклидов, в результате чего будет возможность снижать уровень радиации до естественного фона. В конце концов, наукой будут найдены приборы и приспособления, которые уровень аварийности установок с ядерными носителями сведут к нулю. А пока жизнь продолжается такой, как она есть. Но, пепел Чернобыля стучит в наши сердца. В этом звуке слышится:

Люди — берегитесь!
Люди — берегите друг друга!
Люди — любите друг друга!
Люди — помните!



Михаил Серебро
(г. Нюрнберг, Германия)

МОСКОВСКИЙ РЕГТАЙМ
(Глава из романа)

НАСТРОЙЩИК

Михаил Семенович Серебро родился в г. Николаеве. Окончил ГИТИС и Высшие режиссерские курсы. Вскоре его имя стало уже называться в числе известных миру талантливых драматургов и режиссеров. На его счету множились понравившиеся зрителям спектакли в театрах страны и за рубежом.

Драматург, актер, писатель — член Союза журналистов РФ, член Союза театральных деятелей РФ, заслуженный деятель искусств РСФСР. Автор многочисленных романов о силе человеческого духа, в которых, осмысливая прошлое и настоящее, не отступает от исторической правды и, вместе с тем, дает волю творческой фантазии. Сегодня наиболее известными российскому читателю можно назвать его романы «Здесь, под небом чужим», «Крымская рапсодия», «По дороге на тот свет», «Лицедеи», «Осколки», «Алмазы для святого Николая».

Живет М. С. Серебро в Нюрнберге, Германия.

От двери послышался какой-то звук. Трой обернулся и увидел, что в почтовую щель протискивается газета. Он не выписывал никаких средств массовой информации, но в последнее время разносчики почты нет-нет, да и подбрасывали ему какую-нибудь газетенку.

Подошел Андик. Белый пудель с серебристым отливом. Таинственный, мистический тип. С тех пор как от Настройщика ушла жена, забрав с собою дочь, а ему оставив собаку, у него с Андиком время от времени случались продолжительные дружеские беседы. Человек выражал свои мысли вербально, а ответы читал в умных собачьих глазах. Или вопросы.

— Судьба стучится в дверь! — проговорил Андик.

— Приманивают...— пробурчал Трой,— вербуют подписчика.

На этот раз ему подбросили «Коммерсантъ». Газета ему не нравилась, но именно ее он покупал в киоске близ метро. Здесь в разделе объявлений он находил работу. У подписчиков этого издания вошло в моду «ретро» — учить отпрысков игре на фортепиано. Для интерьеров своих дворцов нынешние хозяева жизни, покупали старинные дорогие рояли, долгое время бывшие не у дел. Он их возрождал к жизни. Боже, какими звуками откликались антикварные старинные Steinway & Sons, C. Bechstein и другие кабинетные, салонные и концертные рояли! И далее: цена от 300000 руб. до 2500000 руб. Подбор бренда, дизайна и вида отделки по Вашему вкусу. Срок исполнения заказа — до 3 месяцев. Он развернул газету, но в этот раз до объявлений дело не дошло. В глаза бросилась, обведенная красным фломастером статья, под названием: «Музыкальный конкурс в Америке, посвященный Джорджу Гершвину».

Трой отворил дверь. Огляделся, в надежде увидеть почтальона. Но никого не было. Все было тихо. Дом спал. Он закрыл дверь, опустился в кресло и стал читать:

«У любого из наших соотечественников есть свое, личное представление об Америке, которое сложилось благодаря книгам, картинам, фильмам и туристическим поездкам. Кто-то влюблен в Нью-Йорк, кому-то больше по душе пейзажи бывшего Дикого Запада — Мекки туристов всего мира, а кто-то больше всего ценит красоту Гавайев, Аляски, Карибов... В разных городах этой страны ежегодно происходит множество интереснейших событий, среди которых десятки музыкальных международных фестивалей. И при желании можно стать как их зрителями, так и участниками. Пожалуй, одним из интереснейших мероприятий можно назвать музыкальный конкурс, посвященный великому композитору Джорджу Гершвину. И главным произведением конкурса станет “Rhapsody in Blue” — одно из самых известных его произведений. Оно было впервые исполнено автором 12 февраля 1924 в Нью-Йорке в сопровождении оркестра Пола Уайтмана. 5 января 1923 он заказал музыку начинающему тогда композитору и музыканту Гершвину, как эксперимент по созданию нового музыкального стиля, сочетающего джаз и классическую музыку. Произведение должно было называться «Американская рапсодия». Известное нам название было подсказано братом композитора Айрой Гершвином, после посещения им художественной выставки Джеймса Макнейла Уистлера. Оркестровку Рапсодии 1924 года для фортепиано и джаз-бэнда выполнил работавший на П.Уайтмана профессиональный музыкант с европейским образованием Фердинанд Грофе (en: Ferde Grofé). Он же позже осуществил и версию для фортепиано и симфонического оркестра. Именно в этой редакции Рапсодия ныне повсеместно известна. «Рапсодия в блюзовых тонах» стала визитной карточкой Гершвина. Ныне она с равным успехом исполняется музыкантами и академического, и джазового направлений. Заявку на участие могут подать музыканты, которые по тем или иным причинам сейчас не занимаются концертной деятельностью. Международный конкурс рассчитан на музыкантов возрастом до 40 лет...»

— А тебе сколько?— Казалось, Андик читал газету вместе с хозяином.

— Тридцать семь...— машинально ответил Трой и тут же опомнился.— Да будет тебе... Ты знаешь, сколько стоит добраться до Америки?

— Знаю. Провожают на пенсию старого адвоката Рабиновича. В общем, так говорит Рабинович: «До Одессы доеду зайцем, там дам три рубля грузчикам, чтобы они меня занесли на пароход до Америки, и все дела».

— Вот именно... Не говоря уже о том, сколько времени я не брал в руки клавиш...

— А кабак?

— Кабак есть кабак... Мне нужен, по крайней мере, месяц упорных занятий, чтобы набрать форму.

— Как раз столько, сколько идет пароход из Одессы в Америку.

— Ладно. Проехали... Ты лучше скажи, а не пора ли нам пройтись там, где мельница вертится?

— Ваша любезность превышает вашу красоту.

— Не хами. А то не поведу гулять.

— Не надо репрессий...

Они прошли мимо дремлющей консьержки и двинулись знакомым маршрутом. Трой уселся на скамью близ дома и снова углубился в «Комерсантъ», старательно обходя глазами упомянутую статью. А Андик, обследовав близлежащие кустики и ознакомившись с иероглифами своих приятельниц, с вечера оставленных на стенах, вернулся, вспрыгнул на скамью и уселся рядом.

— А может, все-таки, двинешь?

— Куда?

— В Америку. На конкурс.

— Головка поехала?

— А вон смотри. Тебя человек зовет. Может, денег даст.

— Где?

— А вон у тротуара — «Мерседес»... Дверца открыта. Человек рукой машет.

Трой обернулся. Действительно, в открытой двери «Мерседеса» виднелся мужчина и махал ему.

— Меня?— жестом спросил Трой.

Тот еще энергичней замахал рукой. Когда Трой подошел, мужчина спросил.

— Не узнаешь?

Трой его узнал. Последнее время тот был непременным ежевечерним слушателем их оркестра. Он приходил ко времени исполнения «ректаймов», заказывал стакан водки и садился прямо перед Троем. Хозяин морщился, но молчал. Видимо, гость был из криминальной среды, и связываться с ним — себе дороже. Во время исполнения регтаймов посетитель не отрывал взгляда от пианиста и беспрерывно плакал, а потом робко старался привлечь его внимание. Но Трой всячески уклонялся. Вот и теперь он отрицательно покачал головой.

— Ну, ладно. Может, так оно и лучше. Ну, прочел статью?

— Так это ты ее подсунул?

— Какая разница кто подсунул? Так прочел?

— Ну, прочел.

— Мне велено передать тебе газету и деньги. Все. Вот кейс. Здесь — лаве. Хватит на все. И поехать, и выступить. Вот ключ от кейса. Забирай и сматывайся. Все. Я тебя не знаю, ты меня не видел. Вали отсюда.— И вдруг неожиданно громко выкрикнул.— И не снись ты мне больше!!!

Он оттолкнул Троя. Затем завел машину и резко «взял с места». Мгновение, и машина скрылась в утреннем тумане, который, поднимаясь от реки, заполонил набережную.

— Что это было? Что в кейсе?

— Не задавай глупых вопросов,— буркнул Андик.— Я же говорил, что судьба стучится в дверь. Идем домой, откроем и посмотрим.

Когда они проходили мимо консьержки, та даже не изменила позу. Какой сон? Вы что? Просто пожилая интеллигентная женщина сидит на дежурстве. Задумалась. Такие времена.

Дома Трой зашторил окна и положил кейс на пол. Вместе с Андиком они сели подле него.

Содержание кейса ошеломило. Ровными рядами, как в кино, лежали доллары и наши «Пятихатки»*.

— Прежде всего, это надо спрятать. И как можно скорей. Желательно до приезда милиции,— посоветовал Андик.

— Ты думаешь, надо ждать милицию?

— А ты думаешь, нет? Этот мужик на богача не похож.

— Почему? Одет плохо? А вспомни правителя Багдада из «Тысяча и одной ночи» Гарун-аль-Рашида**. Мудрый, справедливый правитель и покровитель искусств одевался в простую одежду и бродил по городу, узнавая, как и чем живут его подданные. А этот, может быть, покровитель пианистов...

— А, может, он просто сумасшедший? Помнишь, как заорал: «Не снись ты мне больше!»? Видишь, ты к нему в снах приходишь.

— И куда прятать?

---

* *Пятихатки* — пять тысяч рублей.

** *Гарун аль-Рашид* — Правитель Багдада.

— Лучше всего, наверное, в батарею.

— Точно. В батарею.

С тех пор, как высокопоставленные жильцы покинули дома на Фрунзенской набережной и переехали в свои дворцы на природу, многое изменилось в сфере обслуживания бывшего правительственного жилья. Например, стали плохо топить. Промозглыми осенними и студеными зимними вечерами Трой испытывал постоянное «дрожементо». И вот тогда он приобрел у знакомого сантехника «левую» батарею — внушительную отопительную секцию. Но подключить ее к имеющейся не получилось: умельцы запросили столько, сколько он в руках никогда не держал.

И тогда он приспособил ее под тайник, где хранил «заначку» от взглядов не в меру любопытных женщин, время от времени посещавших его. Однажды он даже сумел сохранить там бутылку виски от разгулявшихся приятелей. Полезная оказалась вещь. Вот туда-то они с Андиком собирались спрятать валюту.

— «Пятихатки» держи при себе... Долги, родительские обязанности, срочные траты... А доллары подождут до Америки.

Трой сел в кресло и тасуя «пятихатки», как карты, громко спросил:

— Во что я вляпался?

— Ты у кого спрашиваешь?

— А здесь еще кто-нибудь, кроме тебя, есть?

— Ну, если ты боишься,— иди, сдавайся.

— А действительно? Может, ну его. Жизнь прожил... Чего ж теперь-то?

— Это шанс. Его нельзя выпускать из рук. Навыпускался.

— Так ведь криминальные это деньги. Парень — вор.

— Кто сказал? Кто сказал, что парень вор?

— Таких денег честно не заработаешь.

— Это ты так думаешь. И потом — ты ни у кого ничего не крал. Парень ясно сказал: «Бери себе!» Надо брать! Надо хватать удачу за хвост и...

— И?..

— И в Америку! В мир! С этой кучей денег найдешь лучшую клинику, психолога или чего тебе там надо. Снимешь номер с инструментом. Будешь репетировать каждый день. А потом сыграешь так, как умеешь только ты. Вперед! Перестань прятаться от жизни... Верни время назад!

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке... И потом я не могу играть в концертном зале, при большом скоплении людей. Сколько раз тебе говорить?

— А в кабаке?

— Ну, кабак — он и есть кабак. Там жрут и пьют. Им до меня нет дела. А тут люди на меня смотрят и ждут. А у меня руки не поднимаются.

— И что? Я и говорю — надо искать специализированную клинику. Надо идти к психологу. А ты?

— А я?

— Ну, как же?! Дамы вокруг стонут: «Боже! Какой у вас слух! Неужели без камертона?! Волшебник! Волшебник! Совершенно другой рояль!» Настройщик! Стоило для этого кончать консерваторию с красным дипломом?! У тебя есть деньги. Возьми самого дорогого психоаналитика. Профи. Самого дорогого. И в Америку.

— Да, ладно... Как это? Все бросить...

— А что тебе здесь бросать? Жена от тебя ушла. Дочь прекрасно живет с бойфрендом. Копеечные заработки настройщика? Жалкое, бесплатное музицирование в ресторане за еду?

— Тебя, например?

— Меня не считай. Отведешь к бывшей жене. Она давно просила. Или отдашь дочери. Она меня любит. Я тебя дождусь. И буду тобой гордиться...

— Спасибо, конечно, но...

— Ты помнишь анекдот?

— Какой?

— Случился потоп. Люди спасались, кто как мог. Лишь один старик влез к себе на крышу и стал молиться. «Я верю в Господа моего Всевышнего. Я верил в него всю свою жизнь! Если он захочет — я буду спасен!» Потоп все сильнее. Проезжают люди в лодках. Зовут старика с собой. «Оставьте меня,— отмахивается старик.— Я верю в Господа. Он меня спасет». Подлетал вертолет. Пловцы предлагали спасательный круг. Старик молился.

— Ну, и чем кончилось дело?

— Набежала волна и смыла старика в воду. И вот он предстал перед Всевышним. И спрашивает его: «Как же так? Я всю жизнь верил Тебе. Я всю жизнь молился Тебе. Как же так?!» — «А про что ты думал, старик,— ответил ему Всевышний,— когда я посылал тебе людей, лодку, вертолет?!»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. КРАЕВЕДЕНИЕ

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

КРАПИВЕНСКАЯ УЕЗДНАЯ ПОЛИЦИЯ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова

Наиболее насыщенная и важная информация о повседневной жизни и деятельности наших прадедов сохранена в исторических документах, отражающих деятельность полиции дореволюционной России. Полиция дореволюционной России, как и полиция современная, своей профессиональной деятельностью затрагивала интересы граждан разных сословий, касалась жизнедеятельности различных организаций и учреждений. А начать рассказ о деятельности Крапивенской уездной полиции я бы хотел с одного интересного и значимого исторического документа — Указа Сената от 31 мая 1799 года «Об устройстве полиций в губернских городах». Указ обязывал «...открытию во всех губернских и уездных городах России военно-полицейских органов — ордонанс-гаузов, которые возглавляются полицмейстером, городничим или комендантом с имением военного суда и тюрьмы».

В Крапивенской уездной полиции служебная иерархия была следующей. Возглавлял полицию — уездный исправник. В 1910 году в данной должности состоял коллежский асессор Николай Александрович Голунский. Его денежное содержание составляло — 175 рублей. Из них жалование — 75 рублей, столовые — 75 рублей, квартирные — 25 рублей. Вторая по значимости должность называлась — помощник исправника. Ее замещал — надворный советник Александр Яковлевич Виноградов. Его денежное содержание составляло — 120 рублей 83 копейки. Из них жалование — 50 рублей, столовые — 50 рублей, квартирные — 20 рублей 83 копейки. Должность — исполняющий делами секретаря. Ее замещал — коллежский служитель Андрей Александрович Бочаров. Его денежное содержание состояло из жалования и составляло — 50 рублей 52 копейки. Столоначальники — канцелярские служители Михаил Федорович Наумов и Иван Сергеевич Украинцев с жалованиями в 30 рублей 77 копеек. Регистратор — коллежский регистратор Валериан Павлович Яновский с жалованием в 22 рубля 57 копеек. Полицейский надзиратель — коллежский регистратор Сергей Иванович Георгиевский с жалованием в 53 рубля 32 копейки.

Пристав первого стана — коллежский асессор Григорий Иванович Дьяконов и пристав второго стана — не имеющий чина Кирилл Ильич Корякин. Их денежное довольствие составляло — 111 рублей 62 копейки, а также имелись денежные выплаты за наем рассыльного — 16 рублей 66 копеек и за наем арестантского помещения — 6 рублей.

В служебно-оперативном подчинении полиции Крапивенский уезд делился на два стана.

Становая квартира первого стана находилась в селе Сергиевском (ныне город Плавск). Длина стана — 60 верст, ширина — 40 верст. От становой квартиры самое отдаленное селение в сорока верстах. Через территорию 1-го стана проходила железная дорога длиною в 34 версты и почтовая дорога длиною в 76 верст. Канцелярии помощника акцизного надзирателя, канцелярии мировых судей, судебного следователя и призывных пунктов в первом стане не имелось. На территории первого стана находились 13 волостей. В должности станового пристава 1-го стана в 1880 году состоял коллежский секретарь Михаил Ефимович Спасский, 35-и лет, воспитывался в Тульской Духовной семинарии, где окончил полный курс наук. Из сословия духовного, из гражданских чиновников. На службе — 11 лет, в полиции — 5 лет. В его подчинении находились семь полицейских урядников, среди которых выходцы из различных гражданских сословий — от коллежских регистраторов до крестьян. Один из урядников — девятнадцатилетний Михаил Прокопьевич Соколов, сын дьякона, выпускник Тульского Духовного училища. За упущения в службе имел два выговора.

Становая квартира второго стана находилась в селе Хмелевцы Костомаровской волости. Длина второго стана — 45 верст, ширина — 35 верст. Самое отдаленное село от становой квартиры в двадцати пяти верстах. Через территорию 2-го стана проходила железная дорога длиною в 20 верст и почтовая дорога длиною в 33 версты. Канцелярия мировых судей второго участка располагалась в селе Горячкино Костомаровской волости, третьего участка в селе Тросна Ясенковской волости. Кан-

целярия судебного следователя находилась в сельце Колпна (ныне улица Советская города Щекино), канцелярия акцизного надзирателя отсутствовала. На территории 2-го стана находились 9 волостей. В должности пристава 2-го стана в том же 1880 году состоял коллежский асессор Виктор Руфович Чевский, 40-ка лет, окончил Вологодское уездное училище. Из обер-офицерских детей. Срок службы — 24 года, в полиции — 14 лет. В его подчинении находились четыре полицейских урядника, из них двадцатипятилетний Михаил Иванович Зубарев не имел никакого образования, что, однако, не мешало ему ранее служить бригадным писарем.

Так же на службе в Крапивенской уездной полиции состояли городовые с окладом денежного содержания 8 рублей 95 копеек, а старший городовой Никита Крылов получал жалование в сумме 11 рублей 45 копеек. Городовой Василий Баринов нес службу по охране заводоуправления «Товарищество Гилль» и его денежное содержание составляло — 20 рублей. По всей видимости, доплата городовому Баринову производилась за счет товарищества. В настоящее время в здании бывшего заводоуправления находится Щекинская вечерняя школа.

Полицейская стража Крапивенской полицейской команды состояла из 14-ти человек и занималась охраной города Крапивны от пожаров и охраной крапивенской уездной тюрьмы. Жалование стражников составляло 25 рублей. Командовал стражниками старший стражник Василий Иванович Сомов, и его денежное содержание составляло 30 рублей.

Я специально коснулся сумм денежных довольствий полицейских, чтобы определить их жизненный уровень. В книге на закупку справочных цен существовавших в городе Крапивне на 1870 год говорится о том, что один килограмм муки пшеничной стоил 1 рубль 80 копеек, килограмм крупы гречневой стоил 8 рублей 50 копеек, хлеб ржаной — 2-е копейки, хлеб пшеничный — 4-е копейки. Один килограмм говядины стоил 3 рубля 60 копеек, а килограмм баранины 2 рубля 80 копеек. Соль — 1 рубль, картофель — 1 рубль 60 копеек. Сало свиное — 15 копеек, одно ведро хлебного вина стоило 3 рубля 80 копеек, мыло и сальные свечи по 12 копеек, а стоимость одного ведра квашеной капусты составляла 25 копеек. Кубический метр дубовых дров стоил 10 рублей, березовых 12 рублей.

Одновременно Крапивенским полицейским городовым, урядникам и стражникам выплачивалось суточное довольствие и денежное поощрение в случаях дополнительного привлечения их к охране порядка, или при отличии во время несения службы. Так, например, уряднику Должанской волости Баздыреву выделялось 15 рублей за толковые действия при задержании агитатора в Крапивенском уезде близ имения землевладельца Глебова. Приказом № 10 от 9 сентября 1913 года Крапивенский уездный исправник Николай Голунский объявил благодарность чинам полиции, принимавшим участие в поддержании порядка при проходе войск на маневрах. В особенности им была выражена благодарность приставу 1-го стана Дьяконову и старшему уряднику Стахонову, которым пришлось потрудиться по размещению войск в селе Сергиевском, где проходили маневры, вследствие неожиданного изменения места маневров, вместо села Горбачево.

Было ли проведение маневров в сентябре 1913 года плановым или маневры проводились в связи с предстоящей военной угрозой со стороны Германии, теперь однозначно ответить сложно. Однако, как мне видится, Император Николай 2-ой и его правительство все же располагали какими-то сведениями о предстоящей войне, и военные маневры были проведены своевременно. Спустя год Россию закружат вихри первой мировой войны, и она станет на порог революции и братоубийственной гражданской войны.

В Государственном архиве Тульской области имеется требовательная ведомость

на выдачу денег урядникам и стражникам Крапивенского уезда в суточное довольствие находившимся в марте 1916 года на охране пути следования поездов особой важности. К ассигновке от 2 октября 1916 года за № 2848. О каких поездах особой важности шла речь, мы можем только догадываться. Зимой 1915 года Россия сумела оправиться от тяжелых поражений на фронтах первой мировой войны и весной 1916 года союзники по антигерманскому блоку договорились об общем наступлении. Его должна была начать русская армия, а развить союзники. По предварительному плану основной удар предстояло нанести армии Юго-Западного фронта, которым командовал Брусилов. По всей видимости, по территории Крапивенского уезда следовали эшелоны с воинскими грузами.

Хотелось бы рассказать еще об одном поезде, шедшем по территории Крапивенского уезда. И пусть он не относился к категории поездов особой важности, но к деятельности Крапивенской полиции он имел самое непосредственное отношение.

Тульский губернатор в письме от 21 ноября 1913 года за № 24849 в Крапивенскую уездную полицию сообщал следующее: «Господин министр внутренних дел, гофмейстер Двора Его Императорского Величества, действительный статский советник Маклаков, возвращаясь из Ливадии в Санкт-Петербург 6 ноября 1913 года останавливался на станции Лазарево Московско-Курской железной дороги. Он имел пребывание в течение нескольких часов в пределах Крапивенского уезда, выезжая в село Карамышево. По возвращении своем в Санкт-Петербург господин министр письмом от 16 сего ноября поручил мне передать чинам полиции искреннюю благодарность за тот образцовый порядок, который Его Высокопревосходительство наблюдало во время своего пребывания в Тульской губернии. Так как гофмейстер Маклаков был лишь в пределах Крапивенского уезда, то о таковой выраженной господином министром благодарности я счастлив объявить».

Однако не все было образцово и безукоризненно в деятельности Крапивенской уездной полиции. Были и огрехи. Об этом свидетельствуют три приказа Крапивенского уездного исправника Голунского.

Приказ № 8 от 28 августа 1913 года гласит: «Старшего конного полицейского стражника Крапивенского уезда Григория Аверьянова находившегося на службе в селе Костомарове, за самовольную отлучку из участка на ярмарку в село Карамышево, нетрезвое поведение, каковым поведением он нарушил общественную тишину и вызвал беспорядок, увольняю от настоящей должности. Приставу второго стана распорядиться отобранием от Аверьянова казенного вооружения и об исполнении донести».

В приказе № 9 от 29 августа того же года Голунский напоминает: «Мною неоднократно напоминалось становым приставам и полицейскому надзирателю не задерживать произведенных дознаний препровождением по принадлежности. Между тем в последнее время мною замечено, что чины полиции крайне замедляют производство дознаний о преступлениях и несвоевременно направляют их по подсудности. Вновь подтверждаю чинам полиции в точности руководствоваться 250-ой статьей Устава Уголовного судопроизводства и 50-ой статьей Инструкции чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений».

И приказ № 71 от 23 декабря 1913 года свидетельствует: «Уряднику Пирогово-Зыковской волости Спасскому поручено было приставом 1-го стана о личном задержании и представлении приставу для отправления в арестный дом крестьянки деревни Ново-Никольское Феклы Федосеевой впредь до вступления в законную силу приговора о ней Земского начальника третьего участка Крапивенского уезда, которым она приговорена к тюремному заключению. Урядник Спасский поручение пристава в точности не выполнил, а по арестовании Федосеевой доставлять пакет с ея личностью к приставу он передал местному крестьянину деревни Ново-Николь-

ское Алексею Федулову, который в свою очередь передал пакет другому крестьянину Ефиму Калинину, а сим последним пакет был утерян, а сама Федосеева же была доставлена приставу. Признавая деяния урядника Спасского неправильными, объявляю ему выговор».

Профессионализм и дисциплина одних, неспособность и разгильдяйство других. Все это имело место в деятельности Крапивенской уездной полиции и все это называется одним словом — жизнь.

А жизнь в Крапивенском уезде не стояла на месте. Она кипела и своим непрерывным процессом нередко побуждала к действию и Крапивенскую уездную полицию. Как свидетельствуют записи в книге полицейского надзирателя Крапивенской уездной полиции, 6 января 1865 года к дому дьякона Козьмо-Демьянской церкви Ивана Петровича Успенского был подкинут младенец. 9 января в Козьмо-Демьянскую церковь был направлен рядовой Абрамов для ознакомления метрической книги о рождении и погребении подкинутого младенца. В тот же день из Одоева поступило отношение следственного пристава о нахождении в Одоеве украденной у жителя Крапивны господина Сопова лошади — кобылы бурого цвета с обручем. 13 января в полицейское управление поступило прошение мещанина Ивана Байкова об оскорблении его рядовым Абрамовым. 15 января согласно Указа Тульской Казенной палаты за № 24087 был оштрафован на 10 рублей купеческий сын Алексей Григорьевич Юдин за раскурку табака. По всей видимости, в 1865 году, как и в настоящее время, курение в общественных местах достигло небывалого уровня, и власти издали Указ, который запрещал курение на городских улицах. 16 февраля полицейским квартальным надзирателем Родионом Зиновьевым был составлен акт о взятой 11 февраля негодной рыбы у торговавшего купца Андрея Панова. 17 февраля с возвращением Указа Тульской уголовной палаты от 3 февраля в Крапивну была доставлена девица Марфа Борисова по делу о покушении ею на отравление унтер-офицера Новикова. А месяцем раньше в Крапивенскую уездную тюрьму за нарушение порядка во время судебного разбирательства был водворен на одни сутки Федор Алексеевич Головин, возраст которого составлял 98 лет. По-видимому, у Федора Алексеевича было отменное здоровье, раз у него в таком возрасте еще оставались силы для бузотерства. 15 июля 1865 года в Крапивенское уездное полицейское управление, поступило прошение с подпискою Крапивенского мещанина Алексея Михайловича Кудринского о взыскании денег 1 рубль 20 копеек с 23 подвижного парка парковой артиллерийской бригады за неудовлетворенный фейерверк Даниилом Ценуйко.

С Крапивенским мещанином Алексеем Кудринским связана еще одна криминальная история. 28 сентября того же 1865 года в адрес Крапивенского уездного исправника поступило сообщение об обиде и душении Крапивенского мещанина Григория Алексеевича Белобородова в его доме в Крапивне неизвестным человеком. К дознанию был привлечен судебный следователь Крапивенского уезда, которому были переданы вещественные доказательства — склянка с окислостью, веревка и поддевка. Эта детективная история нашла свое продолжение в хранившейся в архиве Тульской области «Книге для записей, арестованных и подсудимых в Крапивенском тюремном замке». В данной книге указано о том, что 30 сентября в камеру № 28 был водворен Крапивенский мещанин Алексей Михайлович Кудринский за намерение лишить жизни мещанина Белобородова.

Крапивенским полицейским хватило всего-навсего два дня, чтобы раскрыть это опасное преступление. К слову в той же в «Книге для записей арестованных» указано о том, что Кудринский Крапивенским судом был приговорен к ссылке на принудительные работы. Согласно все той же книги, в камере № 22 Крапивенской тюрьмы содержались осужденный Тульской уголовной палатой к 14-и годам каторжных ра-

бот крестьянин села Красное Крапивенского уезда за убийство старосты данного села и подследственные крестьяне села Лукино Варфоломей Савельев, Лавр Мартынов и Григорий Моштаков за нанесение увечья крестьянке Киселевой, умершей спустя сутки. 18 октября в Крапивенскую тюрьму был водворен некий гражданин. Сведения о нем в книге арестованных были записаны следующие: Иван, без отчества и фамилии. Сословие — не помнящий родства. Арестован за бесписьменность (за проживание без регистрации — Авт). Иван, не помнящий родства, передан начальнику Крапивенской писаной команды. По всей видимости, обидная поговорка: «Иваны, не помнящие родства» — о людях, не уважающих свое прошлое, взяла свое начало именно там — в Российских полицейских участках.

При освобождении из тюрем арестантов в дореволюционной России существовала практика выдачи им казенного обмундирования во временное пользование. В ГАТО хранится протокол, датированный 14 мартом 1913 года, который рассказывает об одном таком случае, цитирую: «Я, Ясенковский Волостной старшина Крапивенского уезда Рязанцев, по предписанию господина пристава 2-ого стана Крапивенского уезда от 11 марта 1913 года за № 905 требовал с присланного из Крапивенского тюремного замка вверенной мне волости сельца Ясной Поляны Алексея Финогеновича Родионова казенные лапти. На что он объяснил, что своей обуви, которой мог бы заменить казенные лапти, не имеет. По собранным сведениям оказалось, что Родионов никаких средств к жизни не имеет. Что построек также никаких не имеет. Определенного местожительства не имеет, так как, шатаясь без занятости, ночует в ночлежных домах, не имеет ни дома, ни квартиры. Поэтому означенные лапти отобрать не представляется возможным, почему постановил: казенные лапти оставить у Алексея Финогеновича Родионова. Настоящий протокол представить по принадлежности. При вышеуказанной присутствовали крестьяне сельца Ясная Поляна Василий и Евфросиния Дудины. Подпись: волостной старшина Родионов».

В том же 1913 году в Тульской губернии участились случаи ограбления церквей. 10 октября за № 11712 Тульский губернатор изложил следующее: «В последнее время в Тульской губернии наблюдаются учащенные случаи церковных краж. По сходной в их совершении обстановке можно заключить, что в данном случае действует одна организованная шайка. Последнее обстоятельство заставляет принять особо тщательные меры к охране церквей». 23 октября Крапивенский уездный исправник Голунский издал приказ, который гласил: «В виду наступления темных продолжительных осенних ночей и в целях ограждения церквей уезда от ограбления преступным элементом, предписываю чинам полиции усилить наблюдение за правильным отбыванием караульной службы при церквах сторожами, для чего вменяю урядникам в непременную обязанность каждую ночь проверять бдительность окарауливания церквей. Если сторожа будут замечены в неисправном отбывании караула, составлять о сем протоколы».

И еще о двух приказах Крапивенского уездного исправника Голунского. Приказ № 15 от 23 сентября 1913 года гласил, цитирую: «При разъездах по уезду мною замечено, что в последнее время дороги в уезде пришли в неисправное состояние и проезд по ним в некоторых местах представляется не весьма безопасным, особенно в темные осенние ночи. Вновь предписываю чинам полиции и волостным старшинам теперь же приступить к исправлению всех вообще, как больших, так и проселочных грунтовых дорог, причем предупреждаю, что если где-либо мною будет замечена неисправная дорога, то виновный в сем урядник будет подвергнут мною административному взысканию, а о должностных лицах волостного правления будет сообщено подлежащему Земскому начальнику».

Приказ № 37 от 30 октября 1913 года гласил, цитирую: «Ввиду приближения зимы и в предупреждение несчастных случаев замерзания в пути, предписываю теперь же озаботиться постановкою по всем проезжим зимним дорогам, как по большим, так и по проселочным предохранительных вех, указывающих дорогу на расстоянии 10 саженей одна от другой. С одной стороны целесообразно было бы, чтобы вехи были поставлены из лозиновой ветви, длиною в пять аршин следует вкопать в землю на глубину одного аршина и сверх земли вскопать на один аршин, так как окучивание больше будет служить указателем дороги, нежели сами вехи».

С того времени прошло сто лет, а с дорогами в России, к сожалению, мало что изменилось. Наверное, нам всем сегодня не хватает таких руководителей, каким был Крапивенский уездный исправник Николай Александрович Голунский, но это уже совершенно другая история.

Николай Макаров
(г. Тула)

ОНИ УЧИЛИСЬ В ТУЛЬСКОМ СУВОРОВСКОМ

Семидесятилетию Тульского суворовского военного училища

Тульское суворовское военное училище создано в 1944 году (Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 4 июля 1944 года № 6002).

В сентябре 1960 года училище — расформировано.

За 16 лет училище осуществило 12 выпусков, подготовило 900 выпускников. Среди них — 16 генералов, 132 полковника, около 150 успешно защитили докторские и кандидатские диссертации, некоторые стали профессорами, заслуженными деятелями науки и культуры, военными инженерами; среди них — академик АН СССР А. Г. Витушкин, заместитель министра электронной промышленности СССР Герой Социалистического Труда Э. Е. Иванов.

В феврале этого года вышла в свет моя книга «Суворовцы Тулы», в которой рассказывается о выпускниках Суворовских училищ Советской Державы, в том числе — и о выпускниках Тульского суворовского военного училища. Об одном из его выпускников мы рассказываем ниже.

В ЖИЗНИ ЕСТЬ МЕСТО ЧУДУ

Бимбиреков Лев Евгеньевич,
родился 19.12.1931
в Туле;
Тульское СВУ.

Пообщавшись с Львом Бимбирековым всего каких-то тридцать минут, я пребывал в глубочайшем сожалении, что не был знаком с ним раньше. Всего каких-то тридцать минут оказалось достаточно, чтобы я проникся его искрометным юмором, его эрудицией, а больше всего — потрясающей мудростью его рассказов-притч из своей жизни.

«...Буквально, на днях, придя в Центральный парк играть в большой теннис, увидел, что на площадке идет баталия в мини-футбол. Расстраиваться из-за таких пустяков — не в моем характере, благо рядом стояли столы для настольного тенниса. Натянул сетку над одним столом и подошел к двум девчушкам, сидящим на ближайшей скамейке. Естественно, приветствовал их по всем правилам этикета, представился, предложил составить мне компанию. В ответ гробовое молчание, без следов заинтересованности на их прекрасных личиках. Обращаюсь теперь то к од-

ной, то к другой. Опять гробовое молчание и недоуменные взгляды: типа, ты, что, старый, совсем сбрендил? Тут и матч футбольный закончился. Судья объявляет, что победила такая-то команда такого-то интерната для глухонемых. Меня как током ударило: девушки, наверное, тоже из этого интерната.

Вновь подойдя к неразговорчивым девушкам, мимикой и жестами все-таки «разговорил» их, познакомился и сыграл по очереди с ними, вдруг ставшими такими мне близкими, по сету в настольный теннис.

Видел бы кто их радостные, сияющие после игры лица, слышал бы кто их смех — чудо, настоящее чудо произошло с ними. Со мной — тоже, наверное.

Никогда не упускаю случая делать людям, пусть и маленькие, но чудеса...».

Не чудо ли произошло с самим десятилетним Левкой в сорок первом?

Начало войны его с бабушкой застало в Севастополе в гостях у дяди-летчика морской авиации. С последней оказией дядя успел втиснуть своих родственников во вторую кабину По-2, летящего с секретными документами в Москву. Как летели, где делали промежуточные посадки, Бимбиреков не помнит. Помнит только, что посадку производили на какой-то водоем — самолет-то был морского базирования — в Москве. Летчик высадил их из кабины с напутственными словами: «До Тулы добирайтесь самостоятельно».

«...Прибыли в Тулу, но и немец «не дремал». Пришлось в срочном порядке на полуторке с мамой и бабушкой эвакуироваться в Кострому. Ехали долго с многочисленными остановками. На одной остановке в какой-то глухой деревушке в ярославских лесах наша колонна беженцев встретилась с огромными стадами коров, овец и свиней. Эти стада пастухи гнали из Белоруссии, чтобы не достались оккупантам.

Да, это — хорошо, что не достались оккупантам, но и оставшихся наших советских людей оставили без провианта. Как они жили, вернее, выживали? Об этом-то вот и не пишут нигде.

Отвлекся.

Так эти пастухи всю дорогу обжирались мясом, а других продуктов у них и не было. Не было ни ниток, ни иголок, ни спичек, ни табака-махорки. И они наловчились обменивать молочных поросят, грубо говоря, на все что можно. Как в таких не то что в нечеловеческих условиях, но, пожалуй, даже в скотских условиях умудрялись приносить приплод свиньи, до сих пор не пойму. Нам по этому бартеру досталось три молочных поросенка. Ни до, ни после я такого мяса не ел.

Это я к чему? К тому, что наш *человек нигде ни при каких условиях не пропадет. В общем, где русскому хорошо... и далее по тексту...».*

Немного задумавшись, Лев Евгеньевич продолжал.

«...Кстати, о свиньях.

Подхожу как-то в парке к корту, возле которого стоят трое мужчин. Останавливаюсь рядом и присоединяюсь к их разговору — а поговорить, пообщаться с людьми — меня медом не корми. Предлагаю сыграть в теннис хотя бы сет. Один нехотя, с какой-то ленцой, с неприкрытой неприязнью и снобизмом, прущих из всего его существа, соглашается. С показушным — не показным — мастерским превосходством отбивает мои мячи, и наше пребывание на корте заканчивается банальной разминкой.

Говорю ему:

— Молодой человек, а вы знаете, что свинья мало чем отличается от человека? Я не вас имею в виду.

Он вроде как обиделся, но не ушел, а продолжал слушать, что ему поведает этот назойливый старик.

Хотя, какой я еще старик?

Опять отвлекся.

— Как вы знаете,— продолжаю образовывать этого, так сказать, «хозяина жизни»,— у человека одна голова, и у свиньи — одна, человек ходит по земле и свинья — тоже... Уйма, одним словом, сходств между человеком и свиньей. Но у свиньи имеется завитушка хвоста, а у человека этого нет. И если отбросить все сходства, то останется в остатке человеческий интеллект против крючочка поросячьего хвостика.

Вначале мой визави хотел жутко обидеться, но когда до него дошел весь смысл сказанного, он рассмеялся, крепко пожал мне руку.

— Благодарю, дед!..».

В сорок четвертом ученик пятого класса Лев Бимбиреков поступает в Тульское Суворовское военное училище — первый набор и первый выпуск. И ровно через год, 24 июня 1945 года, участвует в коробке суворовцев в знаменитом Параде Победителей на Красной площади в Москве. С его слов, из участников того Парада, в Туле он остался в единственном числе.

«...Спрашивают всех и вся.

Спортсменов. Что вы чувствовали, когда стояли на верхней ступеньке пьедестала?

Рабочих. Что вы ощущали, побив Стахановсий рекорд?

Меня. Какие самые-самые впечатления от Парада сорок пятого? В лучшем случае зададут — имеются еще у нас эрудиты — видел ли я живого Сталина?

...За две недели до Парада нас, суворовцев, привезли в Москву. Тренироваться на бетонке аэродрома в Быково и на набережной Москвы-реки у парка Горького. Жили в палатках по пять-шесть человек. Подъем не как во всей Красной Армии, а на полчаса позже — в шесть тридцать.

До сих пор помню это неописуемое, до сих пор ни с чем не сравнимое ощущение какого-то неземного, сказочного счастья.

Отбрасывается в сторону дверной полог, и в палатке за секунду до сигнала горна появляется Ангел и опять же ангельским голосом — нет, не произносит — поет:

— Ребятки, вставайте!

Перед дюжиной вмиг открывшихся суворовских глаз предстает красавица в белом переднике с подносом в руках, на котором стоят шесть чашечек с горячим какао — аромат! — и шесть разрезанных булочек с большим куском сливочного масла между ломтиками этой неповторимого вкуса булочки.

Вот, оно — счастье-то...».

Денег суворовцам не выдавали, но кормили по послевоенным временам довольно-таки сытно и вкусно. Седьмого ноября — новый Парад. Первого мая следующего года — очередной Парад на Красной площади. На этот раз тульских суворовцев поселили в освободившемся крыле военного госпиталя для летчиков. За оградой территории госпиталя — кладбище подбитых наших и немецких самолетов.

«...Дырку в заборе обнаружили на следующий день. И пошли незапланированные и запрещенные экскурсии на это кладбище. Чего там только мы не находили. В том числе — и запалы от ручных гранат, которые по инструкции хранились отдельно от самих гранат и которые просто по забывчивости оставляли в кабине самолетов.

Вначале просто выдергивали чеку, бросали запальную трубку и ждали взрыва. Затем стали взрыватели помещать в различные емкости, затем...

Затем, на третий день мой товарищ Толян Витушкин — о нем потом подробно расскажу — просит меня подержать взрыватель в руке, а сам он найденной увеличилкой сфокусирует солнечный луч на капсюле взрывателя. Эксперимент, понимаешь, такой. Держу взрыватель минуту, вторая пошла, Витушкин никак не добьется нужной фокусировки. Добился, наконец — облако закрыло солнце.

В это время откуда-то с верхнего (?) этажа раздается команда громоподобным голосом, неземным каким-то: «Бимбиреков, ко мне!».

Поднимаю голову — никого. Облако начало сползать с солнца. Витушкин вновь начинает фокусировать на запале солнечный луч. Вновь нетерпеливый командный голос: «Бимбиреков, ко мне!».

Опять поднимаю голову — никого. Но не ждать же третьего оклика, не ждать третьей команды. Мы — кто? Суворовцы или еще гражданские пацаны — команды привыкли за год выполнять быстро, беспрекословно. Отдаю запал Витушкину. Поворачиваюсь от него, в готовности рвануть на командирский, такой неприятный — у кого он может только быть? — голос, делаю три шага и... И взрыв за спиной.

Взорвался в левой руке Витушкина запал от сфокусированного солнечного луча — эксперимент удался. Удался?

Витушкин — без пальцев на левой руке, поражены глаза с полной потерей зрения и... Единственный суворовец за всю историю училищ, который слепым окончил это заведение. К тому же — с золотой медалью и стал всего-то на всего в 1968 году лауреатом Государственной премии, в 1991 году академиком Академии наук СССР, математиком с мировым именем...

Отвлекся опять.

Пока раненому оказывали первую помощь, пока отнесли его в другое, функционирующее по своему прямому назначению, крыло госпиталя, пока я поднялся на последний этаж, обладатель того голоса бесследно исчез. А может его, таинственного обладателя, того громоподобного голоса и не было. В физическом понимании этого феномена?

Мистика? Чудо?..».

Много чего рассказал мне Лев Евгеньевич: остальное — до следующего раза. Как у Владимира Владимировича:

«...На «ты»
мы с ним, совсем освоясь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я...».

Краткая биографическая справка.

— 1944—1949 годы — учеба в Тульском Суворовском военном училище;

— 24 июня 1946 года — участие в Параде Победы на Красной площади в Москве;

— 1949—1951 годы — учеба в Московском военном училище имени Верховного Совета РСФСР;

— в 1951—1955 годах — служба в Белорусском военном округе;

— в 1956—1959 годах — служба в Сибирском военном округе;

— в 1960—1969 годах — служба в Туркестанском военном округе;

— в 1969—1978 годах — служба в Московском военном округе (военком Зареченского райвоенкомата, Донского городского военкомата);

— в 1978 году уволен из рядов Советской Армии в звании подполковника;

— награжден 19-ю медалями, в том числе медалью «За службу Родине в детстве» и Кадетским Крестом 2-й степени.

Елена Серегина
(г. Тула)

ИСТОКИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ МОСКВА-ТУЛА В ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЯХ 1864 ГОДА

Краевед, публицист. Печаталась в литературном альманахе «На крыльях Пегаса». Член литературного объединения «Пегас» при тульском региональном отделении Союза писателей России.

Материалы предоставлены отделом дореволюционных фондов ГАУ ТО «Государственный архив» г. Тулы.

Тула, ныне Московский вокзал. Построен в 1867 году (фото 1912 года)

Города Тульской губернии возникли как оборонительные центры в период формирования Московского государства, что наложило отпечаток на их географическое местоположение. С расширением государства и отходом границы на юг, старым городам периодически приходилось держать экзамен на «профпригодность»: начали изменяться функции городов, формировалась их новая экономическая направленность.

По мнению ряда ученых, города Европейской России до реформ 1860-х гг. полторы сотни лет пребывали в застое; даже после их массивного декретирования, насаждения при Екатерине II, медленный прирост населения проигрывал сельскому. И та скромная доля горожан, что была достигнута к концу XIX в. (около 13 %), оказалась не более чем повторным выходом на рубежи, впервые достигнутые в начале XVIII в.

XIX в. истории городов и их селений ознаменовал смену главных факторов реального градообразования. Ими стали индустрия и железнодорожный транспорт, преобразовавшие градообразующую базу старых городов и создавшую зародыши многочисленных будущих. С этого времени рост и размеры городов стали определять, прежде всего, темпы и масштабы развития промышленности. Разная степень ее проникновения в ведущие губернские и областные — центры России явно разделила их на две группы: вставшие на путь промышленного развития и «беспромышленные».

Наиболее ярко демонстрирует торгово-промышленный тип развития губернский центр — Тула, в которой было сосредоточено 1/3 всех металлообрабатывающих промышленных заведений.

По данным 1867 г. «особенно замечательные» фабрики по своему устройству и обширности производства действовали в Туле: самоварные господ Баташовых и Ионовой, купцов Ламова, Сомовой, Балашовых, Уварова, Лялина и Маликова, слесарные — Баташовых, купцов Уварова, Лялина и Теплова, щетинных — почетных граждан Сушкина и Мескатинова, а также заводы — колокольный почетного гражданина Черникова, кожевенные — купцов Васильковых, Киселевой, сахарный — прусскоподданногоВеренкина, механический — Вибера.

* * *

В 1861 году в нашей стране отменили крепостное право. От этого исторического факта, как выразился наш земляк — классик мировой литературы, граф Лев Николаевич Толстой, «все перевернулось». Дальнейшее экономическое развитие России напрямую стало зависеть от ускоренного строительства железных дорог по всей стране.

Полнейшее смятение среди помещиков Тульской губернии вызвал слух о проведении железной дороги от Москвы в Крым через Калугу на Орел, минуя Тулу. Ее строительство нанесло бы тяжелый удар по хозяйству губернии. Купцов можно понять: что бы перевезти 20000 пудов груза (320 тонн), нужно было 1000 телег, 2000 лошадей и 500 извозчиков! А по железной дороге тот же груз можно перевезти всего в 30 вагонах при наличии 10 рабочих. Река слабо помогала, она все больше мелела.

30 августа 1863 года Главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями был назначен Павел Петрович Мельников, давний сторонник единой сети российских железных дорог. Еще в 1835 году Павел Петрович Мельников, более 50 лет жизни посвятивший становлению и развитию железнодорожного транспорта России, опубликовал свой теоретический труд «О железных дорогах» — своеобразную железнодорожную энциклопедию, раскрывающую экономическую целесообразность и техническую возможность строительства железных дорог в России.

Тульские помещики, фабриканты, купцы изложили веские доводы о прокладывании Южной магистрали через Тулу и 22 февраля 1864 года отправили в Москву просительное письмо Павлу Петровичу Мельникову. Точнее, «Обращение Тульского губернского дворянского депутатского собрания на Высочайшее имя «Об устройстве железной дороги через Тульскую губернию». (Фонд №39 опись 1 дело № 351 на 39 листах):

Ваше Высокопревосходительство
Павел Петрович

Тяжкое, чтобы не сказать бедственное положение земледельческой промышленности в нашей Тульской Губернии вынуждают нас обращаться к Вам со следующей покорнейшей просьбой. Вашему высокопревосходительству известно, что земледелие составляет главный источник доходов и, следовательно, жизни народонаселения нашего края. Меру же и значение выгод приносимых каждого промышленностью

устанавливают и определяют главнейшие условия спроса и затем легкости сбыта требуемых произведений. До сих пор большая часть спросов на хлеб как в нашу, так и в орловскую и другие соседние губернии поступало из Москвы.

Доставка хлеба производилась нами санным путем; этот первобытный способ сообщения, хотя сравнительно лучше колесного, но все же представляет громадные неудобства, которые за общей известностью их мы считаем излишним перечислять. Между тем в нашем крае по недостатку в нем водных систем санный путь остается единственным возможным для большинства хозяйственных обозов и транспортов, на которых мы доставляем земледельческие произведения наши в Москву.

Так как прежде подвозка хлебов в эту столицу из Восточных губерний производилась такими же способами, как и из нашей, то цены, устанавлявшиеся этой равномерной конкуренцией, были для нас небезвыгодны.

В настоящее же время положение дел изменилось. Железная дорога, построенная в Нижнем Новгороде, удешевила в такой мере доставки хлебов из Восточных губерний, что соперничать с ними для нашей и соседних с нею губерний стало делом решительно невозможным.

Лишение возможности сбыта наших произведений при значительном возвышении затрат на хозяйство имений стесняет наше положение все более и более.

Местная торговля наша наводнена хлебом, между тем он едва ли совсем не доходит до цен окупающих труд. Нужда же в наличных деньгах при необходимых хозяйственных реформах, усиливающихся податях при скором открытии земских учреждений становиться болезненной потребностью. Лекарство для нее может быть только одно — железная дорога из Тулы в Москву. Она одна может успешно поддержать наше благосостояние, приходящее в постепенный упадок. Став в главе, сделавшись исходной точкой линий в дальнейшие южные губернии, она принесет не только местные, но и государственные, стратегические и торговые выгоды.

Нижегородская железная дорога не выстроена местными Земскими средствами и, если и была отдана в руки частной компании, то нам известно, что она обязана своим существованием внимательному попечению Правительства и выстроена на государственные средства. Посим изложенных оснований мы решаемся утрудить Ваше Высокопревосходительство покорнейшей просьбой: представить наше трудное положение на милостивое воззрение Государя Императора, на мудрость и справедливость которого мы уповаем.

Просим Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном к Вам почтении и преданности.

Ответ о Высочайшем повелении Его императорского Величества был получен в мае того же 1864 года с тем, что «...правительство озабочивается сооружением просимой ими дороги». Павел Петрович Мельников препроводил в адрес тульского губернатора выкопировку с плана направления железной дороги в пределах Тульской губернии. Вскоре на тульской земле начались окончательные изыскания трассы, по указаниям П. П. Мельникова, о чем свидетельствуют архивные документы:

Главное Управление Путей сообщения и Публичных зданий
Департамент железных дорог отделение хозяйств стол 2-й
в Санкт-Петербург 4 сентября 1864 г.
№ 467

Начальнику Тульской губернии

Государь Император, утвердив направление южной железной дороги от Москвы до Тулы, в 26 день Мая сего 1864 года Высочайше повелеть соизволил: принять не-

отлагательные меры для приступа средствами Государственного Казначейства к работам означенной дороги, а Именным Высочайшим указом в 17/29 день июня сего года последовавшим на имя г. Главноуправляющего Путями сообщения и Публичными Зданиями повелено: сделать нужные распоряжения по отчуждению от частного владения земель и других имуществ под устройство южной железной дороги от Москвы до Тулы.

В исполнение таковой МОНАРШЕЙ воли к производству земляных работ на участке от Москвы до Серпухова уже приступлено, а за сим начальнику работ инженер-полковнику Семичеву, разрешено: приступить ныне же к земляным работам на участке от реки Оки до станции Ивановская и войти чрез Агента Главного Управления Путей сообщения, Титулярного Советника Брошкевича в соглашение с владельцами частных земель и имущества, подлежащих к отчуждению на этом участке, о мере желаемого ими вознаграждения за оныя, с тем, что если объявленные ими цены окажутся умеренными и выгодными для казны, то по уплате владельцам следующих за имущество денег, немедленно приступать к работам; в противном же случае сообщать Оценочным Комиссиям для определения меры вознаграждения владельцев посредством законной оценки имуществ.

Вследствие чего имею честь просить Ваше Превосходительство сделать зависящие с Вашей стороны распоряжения к безотлагательному назначению оценочных комиссий и независимо от сего предписать Городским Думам, Губернским, Уездным, Волостным и Сельским Начальствам, Мировым посредникам и Губернским по крестьянским делам Присутствиям об оказании Инженерам Путей Сообщения содействия к беспрепятственному занятию работами частных земель и имуществ по предварительной оным описи; а последующим же почтить Главное Управление Путей Сообщения уведомлением. Подлинное подписал: Товарищ Главноуправляющего Путей Сообщения и Публичными Зданиями Генерал-Лейтенант Гертсфельд.

Тульские помещики добились проведения дороги через Тулу, ведь в их руках оказался главный козырь: обеспечение дороги дешевым топливом. К тому времени уже были открыты богатые залежи каменного угля в Туле и уездах.

4 ноября 1867 года «Тульские губернские ведомости» известили публику о скором открытии железнодорожного движения между Москвой и Тулой. Напечатали первое расписание. Поездов тогда ходило мало: 4 пассажирских и 3 рабочих.

Открытие сквозного движения по Московско-Курской железной дороге для населения нашего края стало важнейшим событием. С первых часов существования магистраль оказывала «благотворное влияние в удобном сбыте хлеба и других сельских произведений». Железнодорожное сообщение Москва-Тула и в настоящее время является одной из главных экономических артерий нашей великой Державы.

PS: Московский вокзал в Туле был свидетелем многих знаменательных событий и встреч. На его перроне неоднократно бывал Л.Н. Толстой. В 1879 году он встречал здесь И.С. Тургенева, приезжавшего в Ясную Поляну. Возвращаясь из дальней поездки на Сахалин, в конце 1890 года на перроне вокзала встретил своих родных А.П. Чехов.

Интересные факты

До строительства железной дороги в России с населением около 64 миллионов людей 800 тысяч занималось «сухопутным извозом» — извозчиком был каждый 80-ый гражданин.

Слово «паровоз» придумал русский журналист Николай Греч (1787—1867) 1837 году.

Поезда ходили без «верха»,— иначе нельзя было наблюдать за машиной. Экипаж состоял из трех человек: машиниста, помощника машиниста и кочегара. Когда поезд трогался машинист какое-то время бежал рядом, что бы вовремя открыть «продувные краны» и сбросить пар. Дорога делилась на «дистанции» (100 верст), околодки (18 верст) и участки в 1,5 версты, которые закрепляли за одним конкретным мастером.

Большие, широкие дымовые трубы, деревянные вагоны для машинистов, керосиновые фонари — такими были пассажирские поезда. Надежные и неприхотливые, они могли отапливаться углем, мазутом, дровами и торфом.

Русский поезд состоял из нескольких сцепленных вагонов, сообщавшихся между собой посредством дверей. Каждый вагон напоминал квартиру благодаря печам, наполненным дровами, в вагоне поддерживалась 16-градусная температура. Вагон делился на 2 помещения: вдоль стен первого размещался широкий диван, предназначенный для тех, кто хочет спать, а для тех, кто привык путешествовать сидя, мягкое обитое кресло украшало интерьер второго помещения. Получался «дом на колесах».

В соответствии с железнодорожными канонами в толстовские времена вагоны выкрашивались в разные цвета в зависимости от класса и уровня обслуживания. Так, синие вагоны с бархатными креслами, в которых ездили особо респектабельные персоны, подобные герою Толстого Нехлюдову, принадлежали первому классу, желтые — второму, зеленые — третьему.

У ревизора железной дороги был любопытный прием: инженер садился в купе и ставил перед собою стакан с чаем без сахара (сладкий был более плотным), и вагон трогался. Если чай выплескивался на стыке, ответственный мастер получал нагоняй...

Интересно, что первые пассажиры отечественных российских железных дорог пользовались билетами из латуни, похожими на жетон и прозванными жестянками. Закончив поездку, пассажир при выходе из вагона сдавал его проводнику, и билет этот вновь пускался в оборот. Бумажные железнодорожные билеты появились значительно позже.

Тяготы путешествия, благодаря комфорту, исчезали сами собой.

Станции и полустанки построены по всей России по одному установленному образцу. Тот, кто видел одну из них, видел их все.

Вес первых рельсов составлял 30 кг на погонный метр. Современные рельсы вдвое тяжелее.

С возникновением железной дороги путешествия стали более демократичными. «Горделивая чугунка» с характерной экспансией стала овладевать российским пространством. Бег поезда, блеск рельсов, свист пара, лязг железа, мелькающие лица на перроне, ускользающие полустанки, похожие друг на друга, словно близнецы...

Железная дорога Л. Н. Толстого

Станция Козлова Засека расположилась в 206 км от Москвы. Козлова Засека по своему местоположению оказалась первой от Тулы. Козлова Засека считалась промежуточной пассажирской станцией IV класса. Всего 4 км отделяют знаменитую Ясную Поляну от станции Московской железной дороги — Козлова Засека.

Станция эта делала большие грузообороты благодаря присутствию в трех верстах от нее чугунно-литейного завода Бельгийского общества, который в настоящее время прекратил свои действия. Грузов сюда прибывало около 12 млн. пудов, причем особенно много привозилось угля (до 5 млн.), камня (до 3 млн.) и руды (до 2 млн.). Затем шли: лесные материалы (до 300000 пуд.), гончарные изделия (до 200000) и т. д. Цифра отправления составляла 4 млн. пуд., из которых 150000 пуд. приходилось на уголь, а почти все остальное — на железо и железные изделия.

Л. Н. Толстой часто бывал на железнодорожной станции Козлова Засека и в находящейся рядом деревне Козловке. Это сельское поселение возникло как «опорный пункт» проходившей тут засечной черты. Здесь протянулся лесной засечный вал. Название «Козлова Засека» восходит к XIV веку. Во времена, когда Тула находилась на самой южной окраине Московского княжества. С давних времен она упоминается в Писцовых книгах. В районе поляны Козловки (на которой впоследствии возникла одноименная деревня) завершался Завитай — крупнейшее и грандиозное оборонительное укрепление того времени. Это земляной вал, длиной 14 верст, проходившей до Ясной Поляны вдоль крапивенской дороги (современный проспект Ленина), имел дозоры, надолбы, боевые площадки.

Существуют 3 версии происхождения названия деревни Козловка: 1) от фамилии воеводы Ивана Козлова, служившего на Козловой засеке; 2) в районе этого сельского поселения протекала речка Козловка; 3) осколок более сложного названия Козлова поляна, на которой и возникло сельское поселение. Рядом с деревней Козловка в 1867 г. была открыта станция Козлова Засека проложенной Московско-Курской железной дороги. Станция была названа по своему местоположению рядом с соответствующей засекой. Наиболее популярна первая версия.

В первой половине XVIII века здесь прошла знаменитая Посольская дорога, призванная соединить север и юг России. С обеих сторон бывшую Екатеринискую дорогу окаймляли лозины. Спустя полтора века тут пролегла железная дорога Московско-Курского направления.

Козлова Засека уникальна еще и как важный меморативный знак, вызывающий в памяти образ великого человека — Льва Толстого. Это место по-прежнему наполнено напоминанием о писателе.

Л. Н. Толстой отправлял отсюда и здесь получал почту. Платили за каждое письмо, бандероль по 3 копейки. Каждый раз общая сумма составляла свыше 30 рублей. В качестве своего адреса писатель указывал следующее: «Тульская губерния, Тульский уезд, станция Козлова Засека». Об этом говорит следующая его дневниковая запись: «...я передумал насчет адреса твоих писем и прошу тебя писать вперед на Козловку» (28 февраля 1882 г., Ясная Поляна).

Л. Н. Толстой на станции Козлова Засека 1909 год

Находясь на станции Козлова Засека, Лев Толстой стал свидетелем трагического случая: женщина попала под поезд. Это происшествие легло в сюжет романа «Анна Каренина».

О железной дороге много и обстоятельно размышляли толстовские герои, а один из них даже сочинил на эту тему многостраничный трактат. У Толстого, как и у его героев, железная дорога рождала чувство страха, ужаса, сжимаясь до крика. Толстовская «боязнь вагонов», словно эхо, передалась его героям из «Крейцеровой сонаты» и «Воскресенья». Все люди, считал Толстой,— пассажиры, едущие в одном вагоне. Вся разница между ними заключается в том, что одни уже выходят, а другие только собираются войти в этот вагон.

Он знал об этом месте, кажется, все. Так, например, писатель рассказывал своим гостям, как на Засеке бешеный волк искусал урядника и мужика, и как оба после этого взбесились. Как баба спасла своего сына, на которого кинулся волк. Она задушила его, всунув ему в пасть руку по локоть. Волк покалечил ее, но женщина осталась жить. Позднее этот драматичный сюжет свояченица Толстого, Татьяна Кузминская использует в своей новелле «Бешеный волк».

Козловка стала невольным свидетелем и тяжелых драматических эпизодов, связанных с жизнью Толстого. Однажды писатель решил опубликовать свое письмо с отказом от права собственности на свои сочинения. Между ним и женой произошла бурная сцена, закончившаяся намерением Софьи Андреевны покончить жизнь самоубийством. Она отправилась к Козловке, чтобы лечь под поезд. Случайно ее повстречал муж сестры и уговорил отказаться от этого плана.

Но бывали и другие случаи, когда его сюда не пропускали стражники, о чем писатель не преминул рассказать в статье «Пора понять!». Это случилось 26 августа 1909 года. В этот день через Козловку проезжал царский поезд, следующий по пути в Ливадию, и железнодорожное полотно с обеих сторон было плотно оцеплено охранниками. В октябре 1905 года на станции была забастовка, продлившаяся около 10 дней. Толстому понадобилась телега, чтобы вывезти отсюда накопившуюся за несколько дней почту.

Толстому не раз приходилось отправляться со станции Козлова Засека то в Москву, то в Крекшино. 5 ноября 1867 года через эту станцию прошел первый поезд. Через Козловку, прозванную так Толстым, следовали поезда дальнего следования, некоторые останавливались здесь на 1 минуту, но были и такие, которые задерживались на 30 минут. Курсировали также и дачные составы. После смерти писателя по просьбе С. А. Толстой на Козловке останавливались многие скорые поезда. В 1920-е годы сюда по четвергам приходил специальный туристический поезд, доставлявший «паломников» в Ясную Поляну из Москвы.

Железнодорожная станция Козлова Засека была привычным местом для Толстого. Он иногда написал со станции, как здесь шумно, «народу пропасть» (все ждали проезда царского поезда). В те времена маленькая станция была самым оживленным местом в округе, где замкнутый мир дворянских усадеб соприкасался с внешним миром и прогрессом. На Козловой Засеке Лев Николаевич встречал из Москвы дорогих своих гостей, знаменитых художников и писателей: Репина, Шишкина, Крамского, Чехова, Короленко, Горького. С Козловой Засеки Толстой добирался до Москвы, чтобы продолжить свои путешествия по городам Европы.

Художник И. Н. Крамской снял в 1873 году на летние месяцы дачу у купца Ваныкина. Сюда привез лучших своих учеников — И. И. Шишкина и К. А. Савицкого. И что интересно, несколько дней Крамской потратил на уговоры Софьи Андреевны и Толстого позировать для портрета. Этот портрет и в настоящее время висит на стене в доме-музее «Ясная Поляна».

Л. Н. Толстой на станции Козлова Засека 1909 год.

Когда Савицкий бродил по окрестным деревням, то его внимание привлекала работа на строительстве железной дороги Ряжско-Вяземской ветки. Он приступил к работе над этюдами, которые впоследствии легли в основу знаменитой картины «Ремонтные работы на железной дороге». Картина была выставлена в 1874 году. Открытие железной дороги отмечалось торжественно. Картина художника показала миру, каким каторжным трудом была создана железная дорога. А. М. Третьяков, содержатель картинной галереи в Москве, приобрел ее.

На деревянный перрон небольшой станции Козлова Засека 11 июня 1880 года сошел с поезда литературный критик, философ Н. Н. Страхов. Были на этой станции выдающиеся японский писатель Токутоми Рока, В. Г. Короленко и многие другие знаменитости.

Жизнь Толстого прошла под стук железнодорожных колес. Парадокс жизни этого великого человека заключается еще и в том, что он не только жил вблизи железной дороги, но и умер рядом с ней. И «было как-то естественно, что Толстой успокоился у дороги, как странник, близ проездных путей тогдашней России, по которой продолжали пролетать и круговращаться его герои и героини и смотрели в вагонные окна на ничтожную мимолетную станцию» (Б. Пастернак).

Тем не менее, Козловке не суждено было остаться «мимолетной» станцией. В ночь на 9 ноября 1910 года на станцию Козлова Засека со станции Астапово прибыл траурный поезд с телом прославленного писателя. Толстой заболел в поезде и умер в доме

начальника станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги в половине седьмого утра. С тех пор стрелки вокзальных часов работы Павла Буре навсегда застыли на этой отметке. На станции начали собираться люди, направлявшиеся в Ясную Поляну поклониться праху Льва Николаевича. Поезда были переполнены. Народ собирался в помещении станции, на платформе, на рельсовых путях и товарных платформах. Среди пришедших проводить Л. Толстого в последний путь было много крестьян окрестных деревень. Крестьяне держали самодельный хвойный венок, на ленте которого было написано: «Незабвенному советнику и заступнику о наших нуждах». Крестьянским заступником и радетелем Толстой остался в памяти местных жителей.

Подлинное состояние Козловки зафиксировано на фотографиях 1909 — 1910 годов, на которых четко просматривается платформа, фонари, штакетник, скамейки, павильон, здание вокзала. Козлова Засека живой вокзал-музей, открытый по инициативе московских железнодорожников. В 1928 году, в год столетия со дня рождения писателя, станция была переименована в «Ясную Поляну», в 2001-ом ей было возвращено ее историческое название. 9 сентября 2001 года — в день рожденья великого русского гения Льва Толстого — состоялась торжественная церемония открытия станции «Козлова Засека» и пуска в эксплуатацию экспресса «Ясная Поляна» (Москва — Тула — Козлова Засека). В одном из вокзальных помещений был открыт музей — «Железная дорога Льва Толстого», позволяющая посетителям представить облик станции времени Льва Николаевича. В нем с помощью архивных материалов и профессиональной атрибутики (фонарей, сигналов, кассовых ящиков, купейных полок, действующей модели паровоза, ручных сцепок и проч.), рассказывается об истории российской железной дороги. Большая часть экспозиции посвящена Толстому, великому пассажиру и путешественнику, знавшему толк в этом прекрасном способе познания и продления жизни. Демонстрация пассажирских атрибутов начала XX века — портпледов, кофров, несессеров, саквояжей, чемоданов — позволило передать дух путешествий.

В 2010 году исполнилось 100 лет со дня смерти величайшего драматурга. В этом, 2011 году — десять лет, как станционному комплексу Козлова Засека вернули исторический облик.

Современный вид отреставрированного предупреждающего плаката времен Л. Н. Толстого

Хочется верить, что традиция сохранения музея под открытым небом передастся грядущим поколениям.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Владимир Куликов
(г. Тула)

ПАРЫГИНОЙ — 90!

Заслуженный архитектор России, кандидат архитектуры, член-корреспондент Академии архитектурного наследия, академик Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор ТулГУ, член Президиума Ассоциации по возрождению русской словесности и культуры при Союзе писателей России, член Союза писателей России.

22 мая тульская и российская творческая, особенно писательская среда и многочисленная армия читателей отмечают 90(!)-летие одного из известных, популярных писателей, старейшего члена Тульского регионального отделения Союза писателей России — Натальи Деомидовны Парыгиной — автора трех романов и многочисленных повестей, рассказов и очерков, пронизанных идеей нравственного и духовного воспитания подрастающего поколения.

Великая, неутомимая труженица она и после множества книг, вышедших в России (Тула, Москва, Кемерово) и за рубежом (Чехословакия), не чуралась местной и центральной прессы, печатая очерки в газетах и журналах о строителях новой жизни, о людях разных направлений деятельности и профессий: учителях, медиках, строителях, металлургах, энергетиках, химиках, геологах, лесорубах. Герои ее произведений — люди сегодняшней жизни со всеми ее коллизиями, заботами, устремлениями. И ее интересы всегда нацелены в современность.

С первых шагов в литературе ее отличает великая ответственность и гражданский долг писателя за воспитательное значение его произведений. Она призывает коллег по перу, художников слова неустанно помогать взрослым — родителям и педагогам — в труднейшем и серьезнейшем деле воспитания подростков. Роль художественной литературы в воспитании нравственности ею поднята на высокий пьедестал. Общение взрослых и ребенка в семье — главная тема и содержание ее произведений. Всюду и везде просматривается мысль: без крепкой семьи человек не может быть счастлив, семья — основа общества.

Родилась Н. А. Парыгина в Сибири, в пристанционном поселке Борзя Читинской

области и в семье сельских учителей 22 мая 1924 года. Раннее детство ее прошло в городке Сретенске, куда вскоре перебралась семья в поисках средств существования: в стране царила разруха и безработица, наступила пора НЭПа. Родители бились в поисках работы, но работы для учителя найти было невозможно, пришлось менять профессию. Отец, Деомид Гаврилович, после долгих поисков устроился конторщиком, затем, некоторое время спустя стал работать бухгалтером.

Мать, Ольга Казимировна, устроилась машинисткой и лишь много поздней ей представилась возможность преподавать в школе русский язык и литературу.

Работа родителей занимала почти все их время и девочка по большей части была на попечении дедушки, который, по сути, стал ее первой нянькой и во многом повлиял на ее воспитание.

Дед Наташи по матери — Казимир Станиславович Конопко — был в юности участником национально-освободительного движения в Варшаве. После подавления восстания в 1863 году он со многими участниками был отправлен по этапу в Сибирь. Ему было всего 16 лет. После длительного трехлетнего этапирования до Благовещенска двенадцать лет работы на рудниках, затем на правах «свободного поселенца» остался в Сибири, по сути, без права выезда на родину. Скончался глубоким стариком, до конца жизни старался посильно помогать семье.

В поисках лучшей доли родители неоднократно переезжали. За годы учебы Наташа сменила восемь школ. За неделю до начала Великой Отечественной войны получает аттестат об окончании средней школы. Затем готовится и поступает в 1942 году на заочное отделение Томского политехнического института и определяется преподавателем математики 5—7 классов в той же школе, которую окончила.

В 1943 году семья переезжает в Томск, где родители и она работают в трудовой колонии девочек: отец — бухгалтером, мать — преподавателем литературы, она — преподавателем математики и физики, продолжая учебу в институте.

В 1947 году она оканчивает институт по специальности инженера-механика и направляется на томский завод «Фрезер» на должность конструктора, а через год переходит в Томский горный техникум преподавать общетехнические дисциплины.

К этому времени относятся ее первые литературные опыты: ее пьеса о лесорубах отмечена премией на областном конкурсе.

В 1952 году Наталью Деомидовну переводят в Ленинск-Кузнецкий горный техникум (Кемеровская область) на должность заместителя директора. Ей всего 28 лет. Через год ее принимают в партию (должность обязывала).

Смена мест проживания и работы, а главное — впечатлений, пробуждают в ней желание запечатлеть яркие картины жизни, интересных людей, природу. Появляется неистребимое желание писать. Она пробует себя в этой ипостаси. И вот первая книга — «Записки педагога», вышедшая в Кемеровском книжном издательстве в 1954 году. А дальше, что ни год-два, то новая книга.

Тяга к писательству, к литературным кругам толкает ее на просьбу о переводе поближе к центру России. И Управление учебными заведениями Министерства угольной промышленности предлагает преподавательскую работу в Тульском горном техникуме. Так, Наталья Деомидовна вместе с матерью Ольгой Казимировной и младшей сестрой Тамарой (отец скончался в Ленинск-Кузнецком), попадает в город оружейников, где и разворачивается ее литературная деятельность в полную силу.

Совмещая работу в техникуме с писательством, она на основе материала, собранного еще в Кузбассе, пишет свою вторую книгу — повесть «Внук шахтера».

Тула не только приютила, но и дала возможность развернуться: она печатает очерки, рассказы и повести в газете «Коммунар», «Молодой коммунар», в альманахе «Литературная Тула», в коллективных сборниках. Затем выходит в московскую прессу, в газету «Сельская жизнь», печатается в «Трудрезервиздате».

В 1955 году в «Литературной Туле» выходит повесть «Первокурсники», через два года — очерк «Новотульский металлургический», еще через год — «Внук шахтера», в 1959-ом издается повесть «Дни весенние». Она становится востребованной читательской средой. На презентациях своих книг и в многочисленных поездках по предприятиям и учреждениям в городах и населенных пунктах области она общается на творческих встречах с читателями, с людьми, многие из которых становятся прототипами героев ее произведений.

Мечта о литературном образовании приводит ее в 1959 году в Москву, где она поступает на Высшие литературные курсы при институте им. Горького. Два года напряженной учебы, труда, общения вживую с писательской средой. Во время учебы пишет повесть «Неисправимые», которая печатается в Тульском книжном издательстве в 1960 году. Через год здесь же переиздана повесть «Что сердцу дорого», на следующий, 1962 год переиздается «Пока не поздно». Затем в Москве выходит сборник ее рассказов (издательство «Советская Россия», 1964). В этом же году в Туле — «Настя ищет славы». В следующем году — «Один неверный шаг» (Тула, 1965), затем — «Партизан из отряда «Шторм»» (в соавторстве с З. К. Гокжаевым, Тула, 1966), «Гордость» и «Сегодня в десять» (Тула, 1967), «Короткое счастье» (Тула, 1969). Переиздаются «Дни весенние» (Тула, 1969). В Москве выходят повести «Я вернусь» (позднее издается в Чехословакии) и «Неудачные каникулы» (1970). Затем увидели свет «Мы с братом», «Самостоятельная жизнь» и «Вторая судимость».

И все эти книги преимущественно о молодежи, о проблемах нравственного воспитания, становлении на общественно-полезный путь. Это было отмечено «Новым миром» в отзыве о книге «Записки педагога».

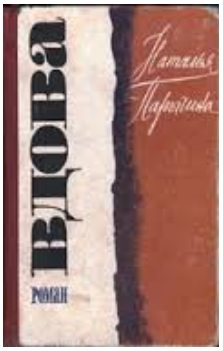
В 1972 году выходит в свет ее первый роман, над которым она работала около десяти лет, — «Вдова» (Приокское книжное издательство, Тула). Второй роман «Избран единогласно», над которым трудилась тринадцать лет, вышел в 1983 году. Теперь Парыгину заметили как романиста. Она набирает вес, переходит в иную, более высшую категорию. Роман «Вдова» востребован. Он переиздается в Москве «Профиздатом» в 1975 году тиражом 75 тысяч, а в 1985 году опять в Туле. Учеба на литературных курсах открыла перед ней новые горизонты, помогла отточить профессионализм писательского труда. Работоспособность ее неиссякаема и поражает окружающих: она не только пишет, но и участвует в читательских встречах, конференциях, принимает активное участие в работе писательской организации и одно время даже возглавляет ее в качестве ответственного секретаря.

Одна за одной продолжают выходить ее книги: повести, рассказы, очерки — «Личное счастье»(1976), «Судьба врача» (1983, М: Советский писатель), «Династия», «Родные места», «Крестьянка», «Вторник», «Вехи минувшего», «Признание», «Имени Стечкина» (все в 1983 году), «Свет души» (1992), переиздается «Судьба врача» (1993), «Подвиг хирурга» (1994), «Семья» (1997), «Азбука здоровья» (1998) и многие другие, как отдельными изданиями, так и в сборниках писателей.

В 1999 году выходит в свет ее очередной роман «Любой ценой» (Тула. Издательство «Пересвет», 1000 экз.).

С завидным постоянством, подтверждая свою работоспособность, которая не каждому свойственна в таком возрасте, она дает свои материалы в альманах «Иван-озеро», выпускаемый региональным отделением Союза писателей России, в другие издания, вызывая восхищение и глубочайшее преклонение, не изменяя своему главному направлению — нравственно-этическому воспитанию, сея зерна добра, справедливости, помня, что Слово писателя — важнейший инструмент воздействия.

Желаем Вам, дорогая Наталья Деомидовна, здоровья и долгих лет активной творческой жизни, творческих удач и неослабного внимания и любви читателей!



Изобразительный ряд подготовил Яков ШАФРАН

ИСПОЛНИЛОСЬ ПЯТЬ ЛЕТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА. ПЕРВЫМ, ПОЧЕТНЫМ ЛАУРЕАТОМ СТАЛА СТАРЕЙШАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА РОССИИ НАТАЛИЯ ДИОМИДОВНА ПАРЫГИНА — ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПЕРВЫХ ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2008-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Геннадий Николаевич Маркин — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы «Встреча», «Не стать хуже» («ПЗ», № 3, 2008) и за активную общественно-литературную деятельность. Живет в г. Щекино Тульской области.

Александр Игнатьевич Ореховский — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихотворений «В орбите гармонии» («ПЗ», № 1, 2008) и за активную жизненную позицию, воплощаемую в его поэзии. Живет в г. Краснообске Новосибирской области. Профессор, зав. кафедрой философии и политологии.

Николай Ильич Боев — в жанре литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за литературоведческое исследование (книгу) «Плач по Высоцкому» («ПЗ», №№ 3, 4, 2008) и литературное подвижничество. Живет в г. Узловой Тульской области. Член Союза писателей России.

Евгений Григорьевич Воропаев — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Тульский оружейный завод в эвакуации» («ПЗ», № 3, 2008) и за активную журналистско-публицистическую деятельность. Живет в г. Туле. Член Союза журналистов России.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2009-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Николай Александрович Смирнов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за цикл рассказов «Варакша» («ПЗ», № 1, 2009). Член Союза писателей России. Живет в г. Новомосковске Тульской области. Руководитель крестьянского земледельческого хозяйства.

Галина Николаевна Дубинина (п. Шексна Вологодской области) — в жанре поэзии. Удостоена звания лауреата за цикл стихотворений «...Быть поэтом» («ПЗ», № 4, 2009). Член Союза российских писателей, редсовета альманаха «Московский Парнас» и Академии российской литературы, лауреат литературных премий. Работает помощником ректора Литературного института им. А. М. Горького

Борис Аркадьевич Кобринский — в жанре литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за литературоведческое исследование «Поэтические образы и революции: призывы и пророчества» («ПЗ», № 3, 2009). Живет в г. Москве. Доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН и МАИ, работает в Московском институте педиатрии и детской хирурги.

Игорь Викторович Карлов (г. Улан-Батор, Монголия) — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Тихий ток наших чистых рек» («ПЗ», № 4, 2009). Преподаватель русского языка и литературы в высшей и средней школе.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2010-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

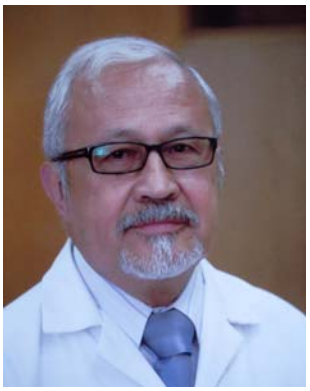
Илья Игоревич Луданов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы «Путь» («ПЗ» № 1, 2010) и «Ясный день» («ПЗ» № 4, 2010). Журналист на телевидении, заочно учится в Литературном институте им. А. М. Горького. Живет в городе Узловой.

Евгений Иванович Елисеев — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за повесть-поэму «Музыкант» («ПЗ» № 3, 2010). Ландшафтный лесовод, экономист и преподаватель. Служил на Северном флоте, на крейсере «Железняков». Живет в городе Новомосковске.

Николай Алексеевич Макаров — в жанре публицистики, включая историко-политическую. Удостоен звания лауреата за цикл публикаций в «ПЗ» №№ 1—4, 2010. Гвардии майор медицинской службы в отставке. Писатель, краевед, военный историк. Живет в городе Туле.

Наум Эфроимович Ципис — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за очерки-эссе «Сны на русском языке» («ПЗ» № 1, 2010) и «Прогулки с Мадонной», «Возвращение Мадонны» («ПЗ» № 3, 2010). Учитель, журналист, писатель. Жил и работал на Украине, в России и Белоруссии. Сейчас живет в городе Бремене, Германия.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2011-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»



Рудольф Георгиевич Артамонов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за «Повесть о русской Сольвейг» («ПЗ» №№ 1—3, 2011). Доктор медицинских наук, профессор, известный врач-педиатр. Живет и работает в Москве.

Владимир Георгиевич Бояринов — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» № 4, 2011). Член Союза писателей России, председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России. Живет и работает в Москве.

Валентин Викторович Киреев — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» № 1, 2011). Член Союза писателей России, работает преподавателем, руководитель литературных объединений гг. Новомосковска и Богородицка Тульской области, Почетный гражданин города Богородицка. Живет и работает в Новомосковске.

Наталья Валентиновна Квасникова — в жанре публицистики. Удостоена звания лауреата за очерк «Вниз по лестнице, ведущей вверх» («ПЗ» № 4, 2011). Член Союза писателей России, работает преподавателем. Живет и работает в Москве.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2012-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Марина Ильинична Майорова (мать Иоанна) — в жанре прозы. Удостоена звания лауреата за повесть «Джулиана. Попытка взлета» («ПЗ» № 3, 2012). Музыкальный работник. После принятия иноческого чина живет и работает в селе Пятница Владимирской области.

Игорь Владимирович Лукьянов — в жанре поэзии за поэму «Задонщина» (поэтическое переложение) («ПЗ» № 2, 2012). Сотрудник редакции газеты «Борисоглебские вести». Живет и работает в г. Борисоглебске Воронежской области.

Сергей Александрович Лебедев — в жанре поэзии за сборник стихотворений «Течет Ветлуга в памяти» (Тольятти, 2012), изданный в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Главный специалист производственного отдела ОАО «КуйбышевАзот». Живет и работает в г. Тольятти Самарской области.

Валерий Яковлевич Маслов — в жанре публицистики за очерки в «ПЗ» №№ 1—4, 2012. Член Союза писателей СССР и России, член Союза журналистов СССР и России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Тульского отделения Литфонда России. Живет и работает в г. Туле.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2013-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Яков Наумович Шафран — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикации — рассказы и повесть — 2013-го года по их совокупности («ПЗ» №№ 1—4, 2013). Главный редактор литературно-музыкального альманаха «Ковчег» (Библиотека журнала «Приокские зори»). Живет и работает в Туле.

Олег Викторович Пантюхин — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» №4, 2013) и сборник избранных стихотворений, вышедший в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Живет в Щекино, работает в Тульском государственном университете.

Игорь Григорьевич Герасимов — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за первый в мировом литературоведении стихотворный перевод (не переложение!) «Слова о полку Игореве» («ПЗ» №3, 2013). Доктор биологических наук, кандидат химических наук, профессор, научный работник. Живет и работает в Донецке на Украине.

Владимир Вадимович Резцов — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за документально-историческую повесть «Юра, Сережа и бессмертие» («ПЗ» № 2, 2013) — К 70-летию подвига молодогвардейцев: о Сергее Тюленине и его друге Юрии Виценовском — дяде В. В. Резцова. Живет и работает в Калининграде.

Александр Иванович Субетто — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за философский очерк «Ноосферно-социалистическая миссия XXI века» («ПЗ» № 3, 2013). Президент Ноосферной общественной академии наук, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, полковник Космических войск в отставке, строил военный космодром в Плесецке. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Яков Шафран
(г. Тула)

О КНИГАХ ИРИНЫ КЕДРОВОЙ И НАТАЛЬИ КВАСНИКОВОЙ

Член Союза писателей и переводчиков МГО СПР, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова

«НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЖИВЕТ ЧЕЛОВЕК...»

(*Ирина Кедрова. Романы «Войной украденная юность»* и «Девять жизней»)***

♦Во время величайшего как отдельного человека, так и всеобщего народного воодушевления, на краткий, но вмещающий в себя, может быть, все, миг душу озаряет некий неземной свет, поднимающий ее, не отрывая — что важно! — от земли, над всем происходящим, наполняет верой в реальное Божественное присутствие и собственное бессмертие, в невозможность, немыслимость какого-либо повреждения Общего и побуждает действовать, не взирая порой на смертельную опасность, вплоть до самопожертвования, до отдавания собственной жизни, вливая ее в океан будущей великой Общности — Человечества, где будут высокочтимы собственный народ, страна, малая родина и род, к которым своими корнями принадлежит душа человека, по сути, гражданка Вселенной. Ведь другого пути у нее нет,— как принадлежать, жертвовать, любить и созидать.

♦Передо мной две книги известной писательницы Ирины Кедровой: «Войной украденная юность» и «Девять жизней». Вначале хотелось написать о каждой из них отдельно, но когда прочел, понял: несмотря на разные и по эпохе, и по затрагиваемым темам планы повествования, их объединяет глубочайшая связь времен, поколений и судеб.

Известно, что в *иные* минуты перед человеком проходит вся его жизнь. Это как кинолента: у кого-то от начала жизни к концу, у других — наоборот, но всегда с большим эмоциональным накалом, словно душа, осознавая происходящее, сама выносит вердикт: сожалея или радуясь содеянному ранее. Так и перед читателем этих двух романов будто бы разворачивается жизнь одного человека.

Автором найден удачный ход. Описывая в книге «Девять жизней» судьбы своих героев в различные времена русской истории, она предлагает читателю осознать это как жизнь одной души, когда ничего не возникает на пустом месте, когда из поколения в поколение передаются традиции веры, любви, воспитания, служения и подвига. Происходит ли это в силу популярной в Индии теории перерождений, или иным пу-

* Ирина Кедрова. Войной украденная юность. М.: Издательство «Авторская книга», 2013.— с. 272.
** Ирина Кедрова. Девять жизней. М.: Издательство «Авторская книга», 2012. — с. 208.

тем, не является предметом данной статьи. Важно то, что через ошибки и преодоление их, через трудности и обстоятельства идет возрастание душ человеческих, воспитание их и самовоспитание.

В жизни все настолько взаимосвязано, что мы до конца никогда этого, может быть, и не поймем, не осознаем. Судьба каждого зависит и от того, как прожили свои жизни многие люди, совершенно ему неизвестные, и которым он неведом. Это словно в природе — в геофизических, климатических и иных процессах, происходящих на планете.

Роман «Войной украденная юность», рассказывающий о Нине Красновой, простой девушке, еще только начинающей жить, но волею судьбы брошенной, как и миллионы людей, на съедение войне, осознается как логичное продолжение «Девяти жизней». Это несомненно.

Однако хочется сказать и о другом. При всей глубинной прорисованности образа Нины и всей привлекательности образов княжеской дочери Предславы, жены русского воина Ирины, Федора — тихого старца Иоакима, боярынь Настасьи и Натальи, воспитанницы Смольного Лизоньки Сердецкой, актриссы Любови Светицкой, маленькой девочки Таши и директора музея Инны Сергеевны из «Девяти жизней», за ними перед читателем незримо предстает главное действующее лицо этих книг — Автор.

Ирина Кедрова не просто рисует высокохудожественные полотна истории, быта и нравов от Киевской Руси до начала XX века и периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., но она и бытописатель современной жизни, ее живого биения и того, как она зависела и зависит от прошлого, от поступков ***каждого*** человека на протяжении всей истории человечества. Автор одновременно и наш современник, глядящий на прошедшее из настоящего, и связующее звено между дальним и ближним прошлым, ибо все это живет в ее душе, которая вневре́менна, что, безусловно, признак высокого таланта и духовности.

♦Все же рассказывать о двух книгах оновременно невозможно, поэтому начнем с романа «Войной украденная юность», держа рядом раскрытой и вторую книгу.

На первых страницах автор дает характеристику своей героине — отроку Нине Красновой: «Оторва последняя». Однако важно не это, а то, какой пример девочка держит перед своим взором, к чему она стремится. А Нина пишет В. Чкалову: «Я так хочу быть, как Вы!..» Она мечтает «пойти... за горы и моря. Все увидеть и узнать» (И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Но... началась война, оборвавшая все девичьи мечты и продиктовавшая *свой* ход ее жизни. Как же часто на протяжении всей русской истории война своей жестокой железной хваткой вмешивалась в судьбы людей. Так и юная Предслава потеряла своего Любомира, отправившегося защищать землю от печенегов; и многодетная мать Ирина осталась одна после гибели воеводы Петра в битве с татарами...

Первое же, с чем столкнулось еще неокрепшее сознание Нины, было неоднократное упоминание Бога в разговорах родителей. И. Кедрова не объясняет нам, почему такое — в годину опасности — происходило, но разве могло быть иначе, если из поколения в поколение, почти что тысячу лет предки Нины веровали, строили храмы, молились в них, обращались к Богу с мольбой о помощи. И о том говорят страницы «Девяти жизней». Вчитаемся в строки:

«Храм, словно храбрый воин, готовый сразиться за землю русскую»... «Тишина храма настраивает на всемирное спокойствие и личное раздумье... Благостная тишина творит успокоение в людских сердцах...» И иконы предстоят людям как окна в Божий мир и прошлое, которое проходило перед их ликами. Вот и Богоматерь словно говорит людям с иконы: «Люди, ... отдаю вам самое дорогое, что есть у меня. Не

будьте жестоки...» (И. К. Девять жизней. Cit. Or). Но знает Она, люди расправятся с ее сыном. И мы знаем — этот же лик Богоматери взирал и на тех, кто рушил храмы уже в нашей истории.

А сколько молитвенников было в веках! «День за днем, год за годом молил он (старец Иоаким — *прим. авт.*) Господа о спасении русской земли». «Отпусти меня, Ярослав, в Предславинский монастырь... молиться за вас за всех» (Здесь и далее — И. К. Девять жизней. Cit. Or).

Автор между строк как бы говорит нам: а как без веры, без Бога? Если на пути зла не встает добро, если зло в душе не вытесняется добром и не побеждает прощение и любовь, то ответное зло и грех рождают еще бóльшие, и так — до катастрофы, до крушения всей жизни и гибели души.

Но когда отечество в опасности, когда речь идет о существовании самого народа, одним прощением и любовью не победишь врага. И обращается к воинам прп. Сергий Радонежский: «Братья мои! Защитите землю от ворогов! Ждет вас кровопролитие ужасное, но и победа великая, погибнут многие герои за правую веру, но спасется Русь Великая! С вами идут на бой Пересвет и Ослабля, наши иноки...»

Вот и в мирную жизнь страны 22 июня 1941 года пришла страшная война. И что сработало: генетическая память, воспитание, традиции? Но из глубин души вырвалось у атеистов обращение к Богу!..

Москва в те дни вмиг преобразилась: «вечером на улице — никого, даже кошки исчезли», везде проверяют документы, эвакуация заводов, по вечерам на улицах темно, витрины магазинов заложены мешками, маскировка и светомаскировка, ежедневные ночные бомбежки. «Нечисть вылезла наружу... норовили вывезти из города продукты и денежную выручку, мародеры проникали в квартиры» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Таким стал еще недавно красивый жизнелюбивый город.

Но «немногие оказались способными на безнравственные действия».

Тема войны для России — одна из важнейших тем, и Ирина Кедрова, тысячами нитей связанная с родной землей, описывает те дни не как отдельно взятое явление, а во всей взаимосвязи времен и делает это мастерски.

«Фронт — огромная зияющая пасть пожирающего людские жизни чудовища, которое поглощало и поглощало, и никак не могло насытиться... Жены и матери тихо плакали, пряча слезы, непослушно вытекавшие из глаз...»

Вот и в «Девяти жизнях» читаем о разорении земли, о сожженных городах и храмах, о массовой гибели людей, о том, как оставшимся в живых «предстояла... страшная работа: передать земле тела защитников и погибших горожан...» (И. К. Девять жизней. Cit. Or).

Все войны на Руси почему-то начинались с поражений. Но народ знал и верил, что будет грядущая победоносная битва (и тогда, после Калки, она произошла на Куликовом поле). «...Что плакать? Надо силы собирать. Нужна народная воля, которая состоит из воли каждого жителя страны. Только так можно остановить пожирающее чудовище...» (И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

«Братья!— крикнул, собрав последние силы, плененный Владимир (князь — *прим. авт.*).— Лучше умереть перед Золотыми воротами за нашу Богородицу, за дело наше правое, нежели быть в их воле нечестивой!» (И. К. Девять жизней. Cit. Or).

И осенью 41-го — речь Сталина и слова: «Братья и сестры!..», «Москву не отдадим!»

Многих людей в годы войны воодушевили подвиги Зои Космодемьянской, летчика Гастело и других героев. «И когда стало очень тяжело, человек, никогда не державший в руках винтовки, плохо видел и слышал, ... возраст звал к отдыху от трудов, ... шел туда, где такие же люди желали Родину защищать».

И. Кедрова в своих книгах четко подметила тенденцию — от слабости и разъединенности, через работу по объединению сил и консолидацию русского духа: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!..», к победе, будь то победа на Куликовом поле, над поляками в 1612-м году, над Наполеоном или под Сталинградом и воспоследовавшие битвы вплоть до падения Берлина.

Но в то время, преодолевая повседневные тяготы и работая на Победу, никто об этом не размышлял. А работа по связи времен — залог успеха — шла, что позже проявилось и в строке гимна: «...Сплотила навеки великая Русь!».

Не могла быть в стороне и Нина Краснова, написавшая когда-то давно (а ведь совсем еще недавно!) В. Чкалову: «Хочу быть, как Вы!» Мать, трудившаяся в военном госпитале, одна не справлялась, и девочка, которой не было шестнадцати лет, пошла работать санитаркой. Затем решила идти в армию, и была направлена в один из районных батальонов ПВО Москвы, в санитарную роту. Практически еще ребенок с детскими представлениями о взводе, как многосемейном доме, роте, как улице, батальоне, как городском районе, и полке, как городе, она с подругами «по двенадцать часов сидели в холоде и темноте на крышах московских зданий, ... бегали по этажам, проверяя светомаскировку...» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or), щипцами подхватывали «зажигалку», упавшую на крышу, и сбрасывали вниз, где ее тушили другие бойцы роты. Однажды сильный удар взрывной волны чуть не сбросил ее с большой высоты, и она погибла бы, не оказавшись рядом бойца-пожарника.

На долю девушек приходились лесозаготовки — валили деревья, пилили, таскали бревна, на торфозаготовках работали, находясь по колено в холодной воде, с вокзала в госпиталь на носилках таскали раненных. Притом — тяжелые и жесткие шинели, большие и неудобные ботинки или сапоги, полуголодное питание, порой отсутствие самых необходимых бытовых условий. Но «все это — ерунда по сравнению с «критическими» днями женщины».

Однако, что характерно, «обо всем вышесказанном Нина и ее подруги не думали, они жили в данных им условиях и действовали, отзываясь на страстное желание защитить Родину, близких, себя, дожить до Победы и вступить в мирную жизнь...»

Да и могло ли быть иначе у Нины, если на протяжении тысячелетней истории из рода в род, из семьи в семью передавались традиции суровой жизни, жизни-борьбы за существование от отдельного человека до самой страны, самого народа. И это хорошо показано в образах Предславы, Ирины, Федора, Настасьи и других героев. Ирина Кедрова в книге «Девять жизней» так определяет свою позицию: «Жизнь добавляет и добавляет страданий: то войны, ... то подводная лодка... уходит на дно, ... то рушатся от злокозненных взрывов здания, то падают... самолеты. И хотя, на первый взгляд, тебя эти беды не касаются, это успокоение мнимое...», так как «все в жизни взаимосвязано, и ничего не проходит, нас не касаясь». «Боль и страдание за «други своя», которые не только люди, но и все, что нас окружает — путь к спасению души».

Это неравнодушие побуждает героев И. Кедровой и ее самою ощущать себя соавтором всего, происходящего вокруг. И что очень важно — оно передается через времена и эпохи, из семьи в семью, может быть, периодически ослабевая, но в итоге, в будущем, только усиливаясь.

Писательница, хоть и прозаик, проявляется как поэт, ярко и образно живописующий, как художник, точными и выразительными мазками рисующий. Вот, например, картина Москвы, когда опасность захвата ее ушла:

«Город, несмотря на тяготы военного времени, жил, сохраняя привычки прежних лет: люди ходили в кино, стояли в очередях за театральными билетами, покупали

книги... Как тот маленький росток, что вылез в неположенном месте, на стене дома, или пробился сквозь асфальт, и жить ему неудобно, однако жить надо, и росток тянется к солнцу. Так и люди...» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Однако люди были, есть и будут разные. Вот и Нина пережила предательство сослуживицы и донос по поводу записи в дневнике о плене своего брата Павла. «...У нас считают предателем того, кто побывал в плену. Говорят: испугался и сдался... Неправильно это!..» Ведь ее брат бежал и сражался в партизанском отряде. «Сколько людей оказалось в плену? Разве за это отказать людям в доверии?»

Предательство, в числе прочих отрицательных проявлений, также имеет свои глубокие корни в прошлом и традиционные связи. Не будем углубляться вплоть до Каина и Иуды Искариота, скажем лишь о Святополке.

Он — «племянник, сыном нареченный (князя Владимира — *прим. авт.*) — женился на дочери польского короля Болеслава, даже не спросив княжеского дозволения...» (И. К. Девять жизней. Cit. Or). И когда великий князь Владимир умер, Святополк утвердился на киевском престоле. Убил брата. Чем не духовный отец Мазепе, Петлюре и иже с ними?

♦ Увлекшись, безусловно, серьезными темами, мы на минуточку забыли, что наша героиня, Нина, совсем еще юная девушка, «входящая в пору любви». И вот знакомство — случайного ничего не бывает,— «и в дневнике появилась новая запись: «...Я теперь не одна! Он — замечательный! Сильный и ловкий! И умный! Я счастлива!» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or). Простим первой любви выплеск столь сильных эмоций, тем более что видеться им довелось недолго — Виктор отправился на фронт. И Нина, вовсе не зная о традиционной верности жен русских князей и воинов, а просто от нормального народного склада души своей, решила во что бы то ни стало ждать, оставаясь верной своему возлюбленному. (Можно порассуждать, возникает ли склад души из традиций или наоборот, но это, опять же, тема отдельного исследования). Однако нужно отметить, что быть преданной своему любимому в тех, военных, условиях было отнюдь не просто, ибо «девушки-бойцы оказывались в зависимости от военных начальников, которые не стеснялись...» Нина выдержала и это.

Но судьба отказалась быть милосердной к ней, «подарив» ей еще одно испытание — гибель Виктора. «Она почти не реагировала ни на тяжелый бытовой труд, автоматически выполняя поставленные задачи, ни на жестокие условия жизни, ни на радостные события, приближавшие окончание войны».

«Почти девять месяцев Нина вынашивала в себе, словно ребенка, потребность в жизни. (Как здорово сказано! — *прим. авт.*) Все эти месяцы ей помогали подруги, а также знакомые и незнакомые люди».

И вновь проведем параллель — «Отказалась Предслава от замужества. Любила она Любомира и другого в мужья не желала...» (И. К. Девять жизней. Cit. Or).

Какой пример традиционной верности мужу, возлюбленному, даже после его смерти, пример многим современным «попрыгуньям», да и «попрыгунам» тоже.

И раз мы уже коснулись смерти,— а как ее не коснуться, говоря о войне? — вспомним, что Нина столкнулась с ней еще в самом начале войны, когда во время бомбежки в чистом поле на ее глазах погибла подружка. Потом, во время налета, в Москве погибла мать. Умер отец. «Сорок восемь ему было, а маме — сорок шесть. Оба еще могли жить, детей поднимать, добро творить, да война оборвала их жизни... Сколько еще людей унесла жестокосердная!» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Потому, чтобы быстрее закончилась война и меньше погибло, отправляли люди из тыла на фронт со своего скудного пайка посылки. Девушки-бойцы, кроме того, слали «неизвестным солдатам... мысленные пожелания уцелеть и вернуться домой невредимыми. Кто знает, вдруг эти мысли защитили солдат?» Что это, как не пример любви высшей, всеобщей, агапэ*?

К этой же области относится и любовь к Родине и народу. Ирина Кедрова в романе «Войной украденная юность» рассуждает: «Что такое Родина? Это твой дом, улица, город, край, страна. Это твоя земля, где жили твои родители и деды, и прадеды... Это твоя семья — жена, сын, дочь, брат, сестра, мать, отец... Ты сегодня должен отстоять свою землю и передать ее потомкам». И еще: «Разве можно справиться с народом, который способен бесшабашно веселиться, самозабвенно плясать, находить в самые тяжкие минуты время для смеха и развлечения? Никогда такого народа не победить!..»

♦В напряженном труде и лишениях прошли военные годы. Да и впервой ли это было на русской земле — страдать и отдавать все силы и здоровье, вплоть до самой жизни, за самое существование всего того, что составляет смысл человеческого бытия? Потому всегда современно звучат слова матушки Предславы, сказанные дочери во сне: «Не только для счастья живет человек, доченька. Терпи на земле. Здесь счастье обретешь, когда его достойна станешь»... (И. К. Девять жизней. Cit. Or)

Закончилась война. И о том положении, в котором оказались девушки-бойцы санитарной роты, лучше И. Кедровой не напишешь. «Полное освобождение от государственных работ... получили лишь спустя три года. Не имея ни жилья, ни бытовых предметов, не получив образования, не овладев профессией, многие из них, отдав еще три года подневольному общественному труду, в 25—27 лет начинали жизнь сначала. Они в большинстве своем ощущали себя старыми и никому не нужными. За ними шли молодые — образованные, красивые, свободные, не знавшие тягот обязательных работ и воинской службы. Наступило их время, и им не хотелось упускать свой жизненный шанс» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Вот и приходилось нашим героиням, имея небольшой заработок, в свободное время трудиться уборщицами в подъездах и квартирах и растить детей.

«Нина и ее подруги справлялись с тяготами жизни, старели, обзаводились болезнями, провожали друзей в последний путь, однако навсегда сохранили боевой дух защитниц Родины. И хотя война украла у них молодые годы, они душой навсегда остались молодыми».

♦Книга «Девять жизней» начинается авторскими словами: «Я люблю рассматривать фотографии и картины, развешанные на стенах, перекладывать настольные предметы, глядеться в потемневшее зеркало, дышать воздухом старины. Мне кажется, что души живших здесь людей возвращаются и поддерживают нас...» (Здесь и далее — И. К. Девять жизней. Cit. Or).

Память о былых временах, сконцентрированная в музеях, книгах и лентах кинохроники, велика. Память отдельного человека,— семейная, родовая, — хранит порой

---

* Агáпэ (иногда также агáпе, агáпи; др.-греч. ἀγάπη) — одно из четырех древнегреческих слов (имелись также эрос, филия, сторге), переводимых на русский как «любовь»... Древние греки так называли мягкую, жертвенную, снисходящую к ближнему любовь. В позднейшем христианском представлении любовь-агапэ (лат. caritas) мыслится как обусловленная и опосредованная любовью к Богу: она возникает не в результате влечения к конкретному возлюбленному, вызванного его внешними и внутренними достоинствами, а как проявление любви к ближнему, присущей данному человеку в целом.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Агапэ

много невысказанного, ненаписанного, неовеществленного и, казалось бы, пропадает, уходит вместе с завершившим свой путь человеком.

Но наука и жизнь все более и более подтверждает наличие того, что в психологии называется коллективным бессознательным, где концентрируется опыт жизни многих поколений людей, всего народа, всех составляющих его национальностей и народностей, живущих на этой земле.

Каждый человек имеет свою судьбу, идет путем своей души и своего страдания. Но испытывает колоссальное воздействие на свою жизнь коллективного бессознательного, его архетипов, его смыслов. И это очень хорошо, по-своему, художественно емко и выразительно показывает Ирина Кедрова в своих книгах. Она говорит читателю о том, что жизнь, поощряя и наказывая, учит.

«Люди обязательно совершают ошибки и исправляют их. Иначе жизни не получится. Важно, какие совершают ошибки и как исправляют».

«Человек создает себя сам! Достиг вершины — идет к новой. Не достиг — топчется на месте. Захочет — найдет дальнейший путь. Если же не захочет — никто его не научит!»

Как верно сказано!

Герои книг И. Кедровой «Войной украденная юность» и «Девять жизней» и, безусловно, их главный герой — Автор — это пример того, как нужно относиться к жизни и жить, прежде всего, не внешними достижениями и событиями, а внутренним бытием души: «живи тайком, а ежели не умеешь, хоть помирай тайком», давать людям то, что сам не имел, не испытывал от других, вести себя и людей по пути совершенства, делая мир вокруг себя хоть немного лучше.

ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ

(Наталья квасникова. Повесть «Горизонт за карнизом)*

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластней
Земной любви и прелести земной.

Евгений Баратынский, «Она»**

♦Течет река воспоминаний, плавно огибая или, наоборот, вспениваясь у встречающихся на пути островков. Таковыми могут быть разговоры о былом и фотографии с изображением дорогих тебе или знакомых людей. Воды этой реки — здесь, перед тобой, но еще час тому назад были далеко от тебя, а те, которые сейчас далеко, через некоторое время будут рядом, и все это — одна непрерывная река, река времени, и нет у нее ни прошлого, ни будущего, а все есть только настоящее. Это и есть главное свойство памяти — все, как бы давно ни происходило, воспринимается как происходящее в эту минуту. Потому-то самые сильные, оставляющие неизгладимые следы в подсознании и формирующие стереотипы поведения впечатления ранних лет жизни всегда рядом. И от того, позитивны ли они или негативны, зависит проявления самого человека, порой по обратной связи влияя и на тех, кто стал в той или иной степени причиной этих впечатлений, этих стереотипов.

---

* Наталья Квасникова. «Горизонт за карнизом»: повесть. «Приокские зори», №4, 2012 г., с. 86

** Баратынский Е. «Мой Элизий»: [стихотворения и поэмы] / Евгений Баратынский. — М.: Директ-Медиа: М.: ИД Комсомольская правда. 2012 — 238 с.: ил. — (серия «Великие поэты») — с. 95.

♦Повесть известной писательницы Натальи Квасниковой предваряется вступлением «От автора», которое заканчивается двумя, замечательными по своей глубине и силе воздействия, мыслями. Первая — все люди хорошие, только они об этом не знают, отсюда и грешат; и вторая — аналогия нашей страны с личностью, которая на протяжении всего своего детства, юности и молодости встречала много бед, горестей, страданий и обмана и потому привыкла с недоверием относиться к хорошим опытам и удачам, постоянно уходя в страдание, в трудности, чтобы их преодолевать. (Отсюда «А родом-то мы, <...> из многострадального города Ржева») (Н. К. Cit. Or).

Но ведь зло, недобрые деяния и уныние со страданием — это все болезни, духовные немочи, которые, как и всякая болезнь, должны лечиться. И лечатся! Чем же? — Вот об этом и рассказывает автор в своей повести. Обратимся к повествованию.

♦Старая больная женщина целыми днями обездвиженная лежит на кровати. Два года назад произошел трагический случай — перелом шейки бедра, что для пожилого человека как приговор: в этом возрасте употребление мяса приводит к вымыванию кальция из костей, к остеопорозу — хрупкости костей и их очень плохому срастанию при травме...

Лежит Нина Яновна, и никуда не деться от воспоминаний — вот они, как будто только сейчас произошли те события, так остро душу будоражат. Да и осознание себя во всей красе не отпускает. И не мудрено — целыми днями одна, и все то же самое вокруг!

А ведь привыкла она, как и подавляющее большинство людей старой закалки, чтобы голова была полна заботами да делами, привыкла быть сильной. Но у этой силы и активности есть и обратная сторона — не любят такие люди, когда о них заботятся и ухаживают, не принимают участие других. И обездвиженность эта в довесок рождает ворчливость, усиливает эгоизм и раздражительность, вырастающую порой до нетерпимости.

И есть еще одно качество, корнями уходящее в ту самую силищу преодолевать трудности и страдания и в укорененное неверие в успех, удачу, по крайней мере, длительную. Отсюда стремление управлять всем и вся, отсюда и «Руби по себе!». Вот и Нина Яновна думает: «Ну, дак не замахивались бы на художника, выбрали бы что попроще и хватило бы! Кто мы такие, чтобы на художника идти? <...> Шапка, говорю, по Сеньке должна быть» (Н. К. Cit. Or).

♦Сюжет повести интересен. Истории наших семей различны благодаря личностям, их составляющим и обилию обстоятельств, но по некоторым моментам повторяют одна другую. Как говорил классик: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»*. История семьи, о которой идет речь, взята из самой жизни. Прадеды, живущие в традициях и строгости. Трудная во множественных личных и общественных коллизиях жизнь многодетных дедушки и бабушки. И, как правило, одно- или самое большее двухдетная мать, к тому же в трети случаях в одиночку воспитывающая их.

Сюжет еще и необычен. Повествование проецируется на экран памяти героини с помощью талантливо использованного Н. Квасниковой приема, этакой своеобразной линзы.

Такой «линзой» в повести является теперешнее состояние Нины Яновны — состояние обреченной на окончательную неподвижность и вынужденную полную бездеятельность пожилой женщины. Как всякая линза концентрирует солнечные лучи в

* Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»: роман, часть I, гл. I. (Собрание сочинений в двеннадцати томах: М., Издательство «Правда», 1984 г., т. 7).

определенном фокусе, так и это состояние Нины Яновны всю историю их рода, всю ее прошлую жизнь, жизни и отношение к ней близких людей, нынешние и сиюминутные обстоятельства, чувства, мысли и эмоции концентрирует в настоящем моменте во всей их последовательности и взаимосвязи. И не просто концентрирует, а заставляет все переживать: старое заново, нынешнее — более остро, но в любом случае уже в проекции на теперешнее положение вещей.

Да, сильный человек, личность, наделенная явными бойцовскими качествами вдруг, оказывается бессильной что-либо изменить и в своем состоянии и в жизни окружающих ее людей. И эта энергия, не имея выхода в сферу деятельности, переходит в сферу эмоций. Отсюда: «А твоя-то сегодня о тебе позабыла!..», «Сварит кастрюлю супу на неделю — и кормит им, не переставая!..» (Н. К. Cit. Or).

Однако чем дальше идет повествование, тем все более проступают те качества и черты характера основных героинь, ради которых собственно и нужно жить, страдать и преодолевать. Но об этом несколько позже.

Для Господа важно состояние души человека, и даже если он грешный искренне раскается в последние минуты своей жизни, то может обрести спасение. Пример очень ярко показан нам в Евангелии*.

О состоянии наших душ можно говорить много. Вся беда в том, что речь об этом ведется либо келейно, либо на практически не посещаемых телеканалах и сайтах, либо в духовных книгах. А вот все популярные СМИ наполнены только новостями о состоянии наших дел. Но ведь дела определяются состоянием душ! Истина простая, но, как правило, забывается, либо целенаправленно игнорируется. Об этом, в частности, ведется речь в статье «Потребить и наследить»**, опубликованной отнюдь не в центральной и даже не в местной официозной печати.

Кому как не литературе, на примере произведений великих русских писателей XIX и XX веков, поднимать вопрос о необходимости превалирования позитивных духовных и душевных качеств человека и показывать пути к их созиданию. К сожалению, современная литература, где преобладает в основном детективное, «дамско-романное», порнографическое и политическое чтиво наряду с «лишь-бы-не-касаться-современных-дел» ныряниеем в близкое, далекое и даже очень далекое историческое прошлое, не касается этих вопросов за очень редкими исключениями.

Тем более приятно встретить произведение, которое, как и положено произведению глубокого и талантливого автора — писателя и психолога (а настоящий писатель не может не быть психологом),— не прямо, а исподволь подводят читателя к мысли о необходимости изменения себя и показывает, как это можно делать, несмотря на весь эмоционально-чувственный груз прошлого и на теперешние, порой тяжелейшие обстоятельства жизни. Таковым произведением по праву является повесть Натальи Квасниковой «Горизонт за карнизом».

Сложное дело судить о душе другого человека, к тому же помним: «Не судите и не судимы будете***». Но одно дело осуждать, а другое — рассуждать. В приведенной цитате имеется в виду «осуждать», а мы рассуждаем.

Как понять слова матери, обращенные к дочери? «...Позвонила мне давняя подруга из Абакана, поведала новости. Соседка моя бывшая, мне ровесница, померла недавно, а на другой день ее дочь, Сашка, одногодка, следом от инфаркта на тот свет ушла. Так они и лежали рядом, две старухи... Я своей сообщила, да возьми и добавь: “Вот бы и нам с тобой так же!”» (Н.К. Cit. Or).

Этот отрывок говорит о многом.

---

* Новый Завет. Евангелие от Луки — 23:39-43.

** Яков Шафран. «Потребить и наследить». Статья. http://www.proza.ru/2009/11/23/1597.

*** Новый Завет. От Матфея святое благовествование, 7: 1.

Да, была трудная жизнь, тяжелая работа, воспитание детей, обстоятельства. Но о состоянии души никто не освобождал думать, несмотря на господствующий атеизм и собственное мышление неверующего человека, из чего и проистекает: «То верю, Бога прошу меня опять на ноги поставить, а то сомневаться начинаю, бранюсь, что нет, мол, Его,— иначе, за что Он меня мучает?» (Н. К. Cit. Or).

♦Много тяжелого было в жизни у Нины Яновны. Но с какой теплотой она вспоминает былое! И в этом мы тоже видим позицию автора — во всем найти хорошее, доброе, светлое.

Мы читаем с любовью и художественно написанные строки о родных, о местах, где приходилось жить семье героини, о быте тех лет. Описания перемежаются и острыми эпизодами, как то: встреча с огромным и свирепым быком, похищение хлеба голодными детьми из столовой детдома, ночной пожар в избушке, болезнь и смерть дочери и близких, встреча с волками, несчастный случай на железной дороге, бандитское нападение, наводнение. Всяко было... Но все преодолевалось.

А самое горькое событие в жизни Нины Яновны — арест по подлому навету ни в чем не повинного отца. «...Стр-раш-ную сказку сочинил!..»— кричала маленькая Клава. (Н. К. Cit. Or). И такая страшная сказка была в судьбе героини, как и в судьбах многих наших соотечественников, в годы служивого рвачества, мстительных доносов, ощерившегося «левачества» и порой просто недосмотра и недомыслия. Но добро торжествовало и во время лихолетья в лице и майора НКВД, спасшего молодую девушку Нину от верной дороги в ГУЛАГ; и прокурора, давшего ей добрый совет, как получить необходимый документ; и комсомольского секретаря, поверившего ей на слово. А ведь они могли ничего этого не делать!

Да, в прошлой нашей истории и голод бывал, и страх пробирал в некоторые периоды, и дефицит суету создавал лишнюю... «Но, правду сказать, люди в целом лучше были, не те, что нынче, потому и в войне победили, из пепла в считанные годы отстроились, в космос первыми полетели <...> По мне — так лучше тот застой, чем нынешние убийства в подъездах да взрывы в метро...» (Н. К. Cit. Or). Неоценим опыт прошедшего, непростая жизнь человека тех лет для молодых. Только бы слушали, а еще важнее — слышали. Вслушайтесь, читатели, в эти мудрые слова, идущие из глубин сознания: «При любом строе человеку невозможно существовать без тяжелых проблем. Вспоминаю из истории инквизицию, рабство и крепостничество, гладиаторские бои, казни, войны и прочую гадость <...> Не знаю, по каким критериям оценивать разновидности общества. Приходит в голову один критерий — способность воспитать народ на высокосознательном уровне. Вот и выбирайте! Издержки, по-видимому, все равно останутся, так или иначе, и при самой распрекрасной организации попадать в их число больно и трудно, но кому-то приходится...» (Н. К. Cit. Or). Согласитесь, трудно не подписаться под каждым из этих мудрых слов.

♦Но вернемся к тому, чем же все-таки лечатся, по мнению Натальи Квасниковой, наши духовные немощи, к тому, с чего мы начали наш разговор. Думается, это — главное в повести.

Так уж повелось в жизни человеческой, что в начале ее мы с удовольствием читаем книгу жизни внешней, в том числе книги чужих жизней, а к концу — «только книга собственной жизни и интересна», — как думает Нина Яновна. — «И шрифт кру-упный, и каждая строка вполне ясна». «Иногда задумаюсь так <...> будто заново далекие годы перестрадала» (Н. К. Cit. Or). Однако не только это важно. Жизнь неотрывна от корневой системы народа, к которому относит себя человек. (Недавно в одной телепередаче в сюжете, записанном на Кипре, выступала русская женщина.

Она сказала, что живет здесь уже 16 лет, и Кипр — ее родина...) От плода может появиться только соответствующий плод, это известно. Поэтому русскому человеку, будь он таковым по крови и духу либо только по духу (дух, видится, главнее — см. выше. *Прим. авт.*), не свойственна роскошь, жажда наживы, потребительство, и смыслы для него главнее денег. В повести маленькими драгоценными камушками эти смыслы проблескивают во многих местах. Вот, например: «А я не могу пять персиков враз употребить, не каша, мне душа не позволяет!» (И это при теперешнем, относительном, конечно, но достатке). Или вот: «Ждали меня с нетерпением — тесто уже подошло, пора земляничную начинку класть. Вот и я, с пустыми руками, никчемными медяками. Никто не сказал мне сердитого слова, долго смотрели на меня и молчали, горько, разочарованно. Плакала я о несостоявшемся пироге сладком, о походе лесном, о животе пустом...»— вспоминает героиня из своего детства (Н. К. Cit. Or).

Интересно, что когда «свалилась снопом» Нина Яновна, то посаженная ею на даче калина болела целый год. Как все взаимосвязано в этом подлунном мире! Но не большая ли связь существует между людьми?

На Александру и ее жизнь также очень сильно повлияло случившееся с матерью. На первый взгляд, кажется, что в повести Саша находится как бы на втором плане. Но это далеко не так. И сейчас поговорим об этом.

А вначале скажем о предсмертной мысли главной героини повести. «Почему во все времена у человека столько горя? Проблема нашего недавнего прошлого, по-моему, в том, что стремились к счастью общности, упорно и жестоко забывая о каждом в отдельности. Однако человека воспитать сумели и в войне победили, и после страну восстановили <...> Будьте же объективны — и благодарны! Есть за что» И далее: «...Нельзя мешать человеку — жить, любить, стремиться к своему предназначению <...> Кажется, и я в этом провинилась?.. Жаль мою старшую... всех, всех жаль!..» (Н. К. Cit. Or).

Итак, мы видим, как человек пришел к любви к ближнему. Это уже немало, тем более для атеистического по сути сознания, и, памятуя о важности именно предсмертных слов и мыслей, когда человек не лжет ни себе, ни другим, истинно.

В последние дни жизни Нины Яновны самым ближним человеком и практически единственной связью с миром оказывается ее дочь Александра. И если для матери, не верующей в Бога, несмотря на чудо исцеления маленькой Саши, после молитв в церкви, все заканчивается в ее сознании с окончанием земной жизни, что подчеркивается последними строчками повести: «Глазами раскрашенной фотографии смотрю им вслед с памятника...» (Н. К. Cit. Or), то для Александры — нет, судя по ее жертвенности и терпению, судя по ее реакции на порой грубые, резкие и нетерпеливые слова матери. И, может быть, именно те молитвы так повлияли на ребенка, что она не только исцелилась, но и душа приобщилась к божественному свету. О чем может свидетельствовать поступок, когда она девочкой-подростком из жалости стала отвечать на письма своей одинокой, страдающей и тоскующей по дочери тети, сестры матери, которой та отказалась писать.

Александра ходит в церковь, молится и не скрывает это от матери, а, напротив, рассказывает, пытается как-то мягко приобщить. Автор прямо не описывает жизнь Саши, но через воспоминания Нины Яновны. Она постепенно, по крупицам рисуется автором — незатейливая и скромная, несчастливая, но чистая. Александра терпелива и смиренна в ответ на раздражение, а иногда и на обидные слова старой и очень больной матери. «Переварив» все внутри, она отвечает только добротой и заботой, как и полагается христианской душе.

И мы видим, как Александра к концу повествования, несмотря на свою второплановость по сюжету, постепенно выходит на первый план по смыслу и становит-

ся — тихая, скромная, незаметная,— главной героиней произведения, близкой по духу автору.

Образ Саши в повести является, если так можно сказать, продолжением образа ее матери. Если мать только в конце жизни сознает, приходя от общего к частному, что нужно любить каждого конкретного человека и, не подчиняя его своей воле, позволять быть самим собой, то дочь всей своей жизнью, вначале неосознанно, потом все более осознанно осуществляет христианское служение, тем самым идя уже от частного к новому общему, основанному на совершенно иных принципах межчеловеческого взаимодействия — на принципах добра и любви.

Через ее образ Наталья Квасникова показывает единственно верный путь преодоления духовной немощи, декларируя и свои главные жизненные принципы — ясность и простоту жизни, доброту и сострадание,— все то, чего нам так не хватает сегодня!

Ирина Кедрова, (г. Москва)
член Союза писателей России,
член Академии российской литературы

Наум Ципис

ВСТРЕЧА НА ВЕЗЕРЕ

Наконец-то наша встреча, столь долго ожидаемая, состоялась. Мы оба желали ее.

Скептично настроенный читатель наверняка возмутится: тратить его время на бабьи эмоциональные всплески — верх нахальства. Однако для меня и, думаю, что для любого человека, такая встреча — определяющая. Большая удача — знакомство с человеком яркого таланта — учительского, журналистского, литературного, человеческого!

Наум Ципис родился и рос на Украине, профессию учителя получил в России, долгие годы работал в Белоруссии, а потом вынужден был уехать в Германию. Можно сказать, планетарного масштаба человек. Впрочем, он такого масштаба не только по местам жительства, но — и это более важно — по состоянию души.

Детство его пришлось на тяжкие военные и послевоенные годы, проведенные в Виннице — на Замостье. Народ там простой в обычаях, сильный духом, на слово охочий и цепкий. С той земли и от тех людей у Наума взгляд наблюдательный, слово емкое, сердце доброе, на людей настроенное. Потому и стал учителем.

Преподавал в профтехучилище, так назывались учебные заведения для тех, кто оказался неспособным осилить школу, да согласился получить рабочую специальность. Обучал Наум подростков, которые родителям не слишком нужны, из школ выброшены, к тому же неуемны в своей борьбе за существование. Терпеливо вводил он «подкидышей лютой эпохи» в жизнь, убежденный, что таковая в полной мере может состояться, когда человек способен думать, анализировать, наблюдать и делать адекватные выводы. Историю преподавал. По себе знаю: это такой предмет, который заставляет думать. «Спрашивайте,— говорил он ученикам,— я отвечу на любой ваш вопрос. Если же ответить не смогу, будем вместе разбираться». Так учил, и сам учился.

Мы говорили с моим собеседником о российской школе, о сегодняшней реформе образования, в которой еще много неясного и, на мой взгляд, приведшей к тому, что старая система образования, дававшая специалистов высокого качества, разрушена, а новая будет создаваться долгие годы, что, конечно, отразится на состоянии всех отраслей, где нужны квалифицированные специалисты.

Освоив науку воспитания, Наум перешел в журналистику, чтобы не только приобщать к мысли училищных бедолаг, но и рассказывать всему советскому народу о родной стране, ее успехах, победах и трудностях.

Замостянское детство под неусыпным надзором местных дядьков — Яремы Мукомола, Петра Цымбала, Лейзера Кримершмойса и других, при мудрой любви родной Бабушки и верности друзей — великих неслухов, потом обучение в педагогическом вузе Курска и преподавание в ПТУ, затем журналистские будни с разъездами и открытиями, и, конечно, постоянные раздумья, неостановимое усердие в познании различных сторон жизни, дали огромный материал, которым следовало поделиться.

Наум — великолепный рассказчик: образы, юмор, сочность слога. Благодаря этому наша с ним беседа текла от темы к теме, и я живо представляла все, о чем он говорил. И стало понятно, почему этому человеку однажды оказалось недостаточным рассказывать о жизни близким людям. Ему хотелось анализировать, выявлять, раскрывать и, главное, создавать художественные образы, давать им возможность самостоятельного существования в жизни, на бумаге, в головах читателей.

«Я пытаюсь вернуть из небытия хороших людей, вызвать давно умершие чувства, музыку, запахи... Я играю во взрослую игру под названием «литература» и скажу вам, что иногда я смеюсь и плачу над листком бумаги, и тогда — это бывает так редко — мои «игрушки» оживают и начинают свой дальний поход, забыв о том, кто их родил...» («Приближение», с. 8).

Сколько душевной теплоты отдано воспоминаниям детства.

Приведем в пример добрые слова о Бабушке — важном для Наума человеке, потому и пишется это слово в книге с прописной буквы. Видно, нельзя ее поставить в общую строку с другими. «Моя Бабушка, авторитет на Замостье непререкаемый...», «Бабушка — самая добрая. Что бы ни случилось, как бы я ни вел себя, какую бы шкоду ни сотворил — для Бабушки я всегда прав».

Вот он мудрый урок родителям. Это я теперь, прожив много лет, вырастив троих детей, получив в дар от них четырех внуков, понимаю, что ребенку важно знать: чтобы ни случилось, мама, папа, бабушка и дедушка его любят!

Вспоминает Наум Бабушкины сказки, выводя при этом общественный закон: «Как только повзрослевшее человечество забывает бабушкины сказки, сразу возникают несказочные «волшебники изумрудных городов» («Приближение», с. 176). Вот так переходит писатель от воспоминаний детства к философскому освещению жизни. И очень даже прав, поскольку известно: любимая в детстве сказка впоследствии влияет на жизнь человека. Ты то, что внесли в тебя сказки детства.

Может, потому живет писатель в сказочном городе Бремене, где когда-то поселились «Бременские музыканты» — осел, собака, кот и петух? Весь город захвачен этими сказочными героями, описанными братьями Гримм. Где в историческом центре города ни пройдешь, обязательно их встретишь,— на центральной площади скульптурная группа Герхарда Маркса, на маленькой улочке другие скульптуры, в магазинах сувениры, открытки и книги. Наверное, оттого в моей голове когда-то появилось словосочетание «бременский писатель». Здесь в этом удивительном немецком городе живет добрый к людям и чуткий к слову Наум Ципис. Однако продолжим рассказ о встрече и о писателе.

«Я не знаю ничего более человечного и необходимого для неокрепшей еще и беззащитной детской души, чем тот воздух уюта и теплоты, который возникал, прежде всего, от Бабушкиного голоса, который незаметно зачаровывал, от ее больших молодых глаз, которые тихо светились в мигании маленькой масляной коптилки... Незабываемое ощущение полной безопасности, родства и бессмертия» («Приближение», с. 177).

Кто из нас не хотел бы оставить такие воспоминания о близком человеке?

Наум в нашей беседе вспоминает своих учителей от литературы. Прежде всего, Янко (Иван Антонович) Брыль, известный белорусский писатель, давший ему фактически первый урок: «... проза — дело строгое и суровое. Каждое слово обязано стоять

на своем месте. Не там поставите — испортите всю страницу» («Приближение», с. 20). Тепло говорит об Учителе, его мудрости и простоте.

Потом мы вспоминаем поэтов Максима Танка, Михаила Светлова и Семена Гудзенко. И мне вдруг приходят на память стихи С. Гудзенко:

Мы не от старости умрем,—
От старых ран умрем.
Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром!

Рома у нас нет, пьем армянский коньяк. По-моему, это писательский напиток. Есть в нем что-то удивительно горячительное, как рука друга, дарующая тепло. И хотя Наум не был фронтовиком, он пережил войну в детстве, потом на себе ощущал, как и его сверстники-подростки, последствия войны. Видел и пленных немцев, и советских солдат-победителей, и инвалидов войны, обретавшихся на винницком базаре. Наш разговор посерьезнел, пришла сердечная боль, а вместе с ней воспоминания о друзьях-товарищах.

Душевное тепло разливается на страницах, когда Наум пишет о друзьях. Так, например, о Виталии Шиндлере: «Я жил, и он жил. Но он еще и думал, и пытался понять, а ко мне эта «привычка» пришла позже — и в значительной степени благодаря ему. Он не учил, он был рядом, и этого стало довольно» («Белая память», с. 5). «Он был первым внимательным слушателем и добрым критиком моих литературных опытов. Он был бездонным морем, в котором я топил свои горести... Сколько умных советов услышал от него, сколь постоянным было его доброе участие в моей жизни...» («Белая память», с. 15).

Когда-то, прочитав книгу о друге Наума, мне страстно захотелось оказаться рядом с этим человеком. Он представал перед моими глазами мощным и сильным, способным спасти и защитить. Он и в самом деле умел защищать. И умел отстаивать свои убеждения. Однажды на республиканской конференции педагогов смело высказал крамольную по тем временам мысль: «Методы и приемы Сухомлинского повторить нельзя... Вдохновляться ими можно, применять — нет». В ответ на шум зала, в котором проявились удивление и несогласие, В. Шиндлер задал ряд вопросов, на которые никто не смог ответить утвердительно. Среди этих вопросов были такие: «Кто из вас Сухомлинский? Кто сможет без выходных и отпусков работать много лет подряд? Кто сможет вставать в четыре утра каждый день, писать десятки томов книг о детях, школе, учительстве?»

И в самом деле, подумалось мне при чтении книги, я так не могу. И в моем окружении, среди добрых и славных педагогов, нет таких, кто бы ответил утвердительно и действовал бы в соответствии со своими ответами. Любой педагогический прием является органичным сочетанием физики и естества человека, его мыслей и убеждений, его жизненного опыта, знания и отношения, его чувств и эмоций, его семейных бед и радостей, дружеских связей. Учитель — это уникальный сплав всего, что в нем есть, потому созданное одним не может оказаться точной и удачной копией действий другого.

Тепло говорил Наум о своем друге. А в глазах скользнула грусть: друг-то далеко. Так далеко, что не доедешь, не позвонишь и по электронной сети не свяжешься.

В. Шиндлер «творил людей». «Он выявлял в маленьких еще людях человека. Он «заставлял» своих учеников «вспомнить», что задолго до их персонального появления на земле — «что само по себе уже чудо и подарок» — были и благородство, и храбрость, и честь» («Белая память», с. 27).

По сути, книга «Белая память» — это добрая и светлая характеристика человека, ставшего Учителем для многих девчонок и мальчишек, а также для своих друзей и близких.

Атеист во взглядах, Наум вдруг отошел от неверия в Божественные силы. Сам пережил трудную и странную минуту, оттого его рассказ сильнее и убедительнее. А вместе с тем этот рассказ является доказательством того, что много знающий человек открыт новому в освоении мира. Вот о чем рассказал писатель.

Виталий умер от тяжелой болезни, а Наум лег в немецкую клинику на операцию. Сложная операция — на сердце — определяла, останется ли он на земле или уйдет следом за другом.

«На девятый или десятый день после операции сестричка, фройляйн Ильзе, вошла в палату, как всегда — складочка к складочке, кровь с молоком, изящество и улыбка:

— Герр Ципис, зи верден ам телефон верлагт.

Я, конечно, удивился, но Ильзе подтвердила: «Я, я», просят, значит, к телефону — и я покатил свою капельницу по коридору в сестринскую. Красная трубка лежала на белом столе возле красного телефона. Я сел в удобное вертящееся и катающееся кресло.

— Да, слушаю!

Молчание, легкий треск...

— Алло, я слушаю вас! Алло!

Молчание и — хриплый сип — его невозможно было не узнать или перепутать:

— Что, уже сидишь на стуле, засранец?..

Не знаю, как назвать то, что я испытал во «вторые» секунды и минуты — в первые не было ничего: я просто не успел ни испугаться, ни удивиться...— ничего» («Белая память», с. 45).

Мне важно, дорогой читатель, рассказывая о моем соучастнике долгожданной встречи, приводить отрывки из его литературных произведений, чтобы ты мог почувствовать большого и тонкого писателя, насладиться речевыми оборотами, словосочетаниями, манерой изложения. По его книгам, очеркам, эссе можно учиться — жизни, писательскому ремеслу, отношению, любви.

Кто-то не согласится на введение в текст слов о ремесле, видя в литературном труде высокое творчество. Однако согласись, читатель: без ремесла — первой ступени, на которую встает художник слова, звука, движения, цвета и формы — не будет следующей ступени, которая состоит из творческого процесса, постоянно развивающегося и ведущего к высотам общения с читателем, слушателем и зрителем.

Прочти, читатель, почувствуй метущуюся душу, находящуюся в поиске объяснения самому себе земного мира.

Писатель — это всегда личность, я бы сказала — общественного и индивидуалистического толка. Индивидуализм проявляется в мировоззрении, направленном на приоритет личностных целей и интересов, на личную свободу в обществе. Внутри писателя развивается множество миров, и он не может допустить посторонних в эти миры, дабы их не разрушить. Ему важно, построив миры, сохранить их в себе.

Однако писателю одновременно свойственно и противоположное. Он стремится отдать созданный мир людям посредством слова. Он не может жить взаперти, ему нужен воздух и вседвижения общественной жизни.

Наблюдения за процессами, развивающимися в обществе, выявление общего, особенного и единичного, описание обнаруженного, особый — художественный — анализ виденного — все это делает писателя общественником, который воздействует на умы и сердца читателей.

Н. Ципис в полной мере соответствует моему видению писателя. Это личность, внутри которой сокрыты огромнейшие пласты разных миров, в которые включена жизнь Украины, Белоруссии и России, Винница и Замостье, детство, становление, профессия, друзья, коллеги, отношения, литература, искусство, история и многое

другое. Он умеет соединить несоединимое, увидеть глубинное, рассказать об этом своим особым стилем.

Его волнует все, что оказывается в зоне внимания. Но есть самые животрепещущие темы. Одна из них — Сталин.

В журнале «Приокские зори» (№1 и № 2, 2013) опубликовано произведение «Бюст в полный рост». Здесь и воспоминания детства и юности, и взгляд на годы социализма в нашей стране, и описание руководителей разного масштаба, и семейные отношения, и дружеская поддержка, и поэзия, и проза, и несколько слов о Василии Гроссмане. Однако все так переплетено, что нет ничего лишнего. Более того, у читателя появляется объемное представление о том, что пишет автор. Много деталей ведут к главной идее. В этом, мне думается, одна из особенностей мастерства Н. Циписа.

Логичным пришлось описание дачи Сталина «Зеленая горка» в Сочи, а за ним мистическое, но убедительное, сообщение о том, что прежний хозяин дачи и сейчас любит бывать в своей спальне. Здесь же рассказывается о памятниках вождю в Минске, Гори и Ереване. Образные, юморные, хлесткие рассказы. Ты видишь то, о чем читаешь, и улыбаешься, и переживаешь, и делаешь свои выводы, к которым подводит тебя автор.

Н. Ципис уже много лет живет в Германии: немецкие врачи сделали ему сложную операцию на сердце, потом долго восстанавливали, теперь неусыпно ведут пациента. Ему необходимо продолжение жизни, чтобы еще и еще раз встретить рассвет, поспорить с друзьями, сказать самой прекрасной женщине — своей супруге — слова любви, поцеловать внуков и правнучку.

Сама операция, думается мне, вполне объяснима: нельзя сохранить сердце в крепости, если ты переживаешь за все, что тебя окружает и с тобой связано: за детей, которых учишь, за женщину, которую любишь и принимаешь ее личностную уникальность, за друзей, без которых нет жизни, за книги, которые пишутся и потом уходят к читателю, за прошлое и настоящее своей отеческой страны и той, что сохранила тебе жизнь.

Тоскует ли по Родине? Конечно. «Невыразимо тоскую по всему моему, что там осталось, по моим людям» («Приближение», с. 16). Однако надо жить. Судьба подарила ему возможность видеть свою Родину, т.е. родные места, природу, людей и все, что ими создано, со стороны. Издалека. Вспомни, читатель, слова Сергея Есенина: «Большое видится на расстоянии». И это большое — свою дорогую Винницу (еще и с временного расстояния лет в шестьдесят), милый сердцу Минск, страну, в которой вобрал в себя умение видеть и описать — Наум видит, может, в чем-то лучше, чем мы, живущие здесь. Взгляд этот напряжен и критичен, но всегда с любовью и болью.

Он много пишет о Германии — о дорогом сердцу Бремене, что раскинулся на реке Везер, о Дрездене, о высокой культуре немецкого народа. В его рассказах о Германии радость открытий, которой он спешит поделиться с читателем.

Бремен: «Город-порт был одним из отцов-основателей Ганзы — первого в истории Всемирного торгового союза. Богатый вольный город купцов, моряков, ремесленников, музыкантов и художников стал магнитом, который притягивал людей земли. Здесь смешивались все крови планеты. Конечно, где ж еще и жить женской красоте, как не здесь: свобода, довольство и мир, и теплый воздух Северного моря, согретого Гольфстримом...» («Приближение», с. 329).

Мы говорим о Бремене, и Наум рассказывает о людях, которые живут рядом с ним, о порядках и бытовых условиях, медицинском обслуживании, о восстановлении города в послевоенные годы. Вспоминаем немецкого скульптора Герхарда Маркса — автора знаменитой скульптуры «Бременские музыканты», что стоит у здания Бременской ратуши с середины прошлого века и является символом города. Потом увлеченный житель Бремена рассказывает, как был реконструирован Шнор — средневе-

ковый уголок современного города. И я соглашаюсь, что Бремен — один из самых красивых, сказочных городов Европы.

Внимание писателя справедливо отдано и другому всемирно-известному культурному центру Европы — городу Дрездену. Он пишет: «... этот немецкий город вырос на берегу Эльбы на месте рыбацкой деревни с белорусским названием Драждяны. Через 300 лет деревня эта стала столицей саксонского королевства, городом европейской политики, экономики и культуры» («Приокские зори», 2010, № 3, с. 171).

Он пишет об одном из самых главных мировых шедевров, хранящихся в Дрездене — о «Сикстинской мадонне» Рафаэля — и связывает свой рассказ с уроками эстетического воспитания в профтехучилище, когда учащиеся безошибочно из многих красавиц, написанных великими художниками, именно Сикстинскую мадонну избрали представительницей Земли на конференции народов Вселенной. О Форнарине — возлюбленной Рафаэля, ставшей моделью для картины. О прекрасном художнике, оставившем нам в картинах часть своей неумирающей души. О самой картине. «Эта вечно юная женщина была в своей долгой жизни и рабою, и царицей, не раз возносилась она над властью и не раз подвергалась опасности, но ни разу ее не смогли лишить высоты, свободы и света. Ее покупали, воровали, прятали, а она смотрела на «прекрасный и яростный» мир людей, и в ее спокойном взгляде светилась вера, надежда и любовь. Душа ее была чиста» («Приокские зори», 2010, №3, с. 178).

Наум Ципис — искренний поклонник Женщины — убежден: человек, ее не познавший, жизни не знает, не способен в полной мере осознать все, что происходит вокруг и в его собственном бытии. «Оказывается, любовь нельзя обманывать: обманув женщину, ты обманул Небо. Это непрощаемый грех» («Приближение», с. 314).

И мы говорим о его прекрасной Женщине, высокое чувство к которой он пронес сквозь всю свою жизнь, от студенческой скамьи до сего дня. И я рада, что рядом с моим другом, собратом по перу, стоит умная, требовательная, любимая Жанна Семеновна. И думаю: дай Бог ей здоровья! Поскольку убеждена: мужчина тогда проявит все, данное ему небесами, когда рядом с ним стоит Женщина. Впрочем, и женщине — любой — тоже необходим Мужчина!

Мы встретились — москвичка и винницко-минско-бременский житель. В нас обоих заложен ген словотворца. Нам важно сказать друг другу, что мы оказались в едином мире добра и света. Говорим о Германии и Бремене, о войне, в которой два народа стали жестокими противниками, о современной России и, конечно, о литературе. Я, словно школьница-отличница, учусь у мастера, схватываю ушами и сердцем его слова, впитываю глазами своего собеседника с его удивительно добрыми и грустными глазами. Впрочем, в этих глазах проскакивают искорки счастья, направленные на своих соотечественников. Угощаюсь ароматным кофе и милым разговором.

«Сколько лет мучаюсь я над своей бесконечной винницкой книгой и все никак не могу достучаться ни до живых, ни до мертвых: живые не хотят жить на моих страницах, а мертвые — оживать» («Приближение», с. 4). Так написал когда-то Наум, и, пожалуй, здесь я с ним не могу согласиться. Они живут на страницах книг и идут к читателям, и становятся их друзьями и сотоварищами. А вторые оживают, щедро делятся своей мудростью с тем, кто хочет эту мудрость принять на себя. В этом состоит одна из тайн литературы.

А что такое литература? И на этот вопрос у мастера есть ответ: «...все, что написано, все не зря. Другое дело, интересно ли читать. Если да — литература, если нет — факт жизни и не более. Но и не менее. И главное — не пропало» («Приокские зори», 2013, № 1, с. 191).

Встреча на Везере, вернее, в городе, уютно устроившемся на этой красивой реке, оставила в моем сердце неизгладимый след — след любви, света и добра, внесенный улыбкой и творчеством Наума Фроимовича Циписа.

Игорь Нехамес
(г. Москва)

ЗВУЧИТ РУЧЬЕВСКАЯ СТРОКА

К 100-летию со дня рождения известного советского поэта Бориса Александровича Ручьева

Действительный член Академии российской литературы, действительный член Академии гуманитарных наук России, член Московской городской организации Союза писателей России, член Союзов журналистов России и Москвы, кавалер орденов М. В. Ломоносова и В. В. Маяковского, М. Ю. Лермонтова и Г. Р. Державина, лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова, лауреат премии литературного агентства «Московский Парнас», лауреат премии «Золотая осень» с вручением ордена С. А. Есенина. Лауреат премии «За лучшую детскую книгу» 2011—2012 гг. с вручением медали имени С. Я. Маршака, лауреат премии «Золотое перо Московии» Московской областной писательской организации, лауреат Золотого диплома имени Ф. И. Тютчева, лауреат II степени второй Международной олимпиады искусств Международной федерации искусств под эгидой ЮНЕСКО в России. Автор 17 прозаических и поэтических книг.

Он очень хотел пожить подольше, но большая тяжелая работа в ранней молодости, лишения ссылки и официальное приумолчание его литературного творчества, а также жизнь на периферии литературной деятельности сказались на его судьбе.

Всего он прожил чуть более 60 лет. И незадолго до своей кончины сказал мне, семнадцатилетнему парнишке, поздравляя с днем рождения, что, «видимо, пенсию так и не пополучаю, зато страна побогаче будет, а то бы на мою старость тратилась».

Знакомство

С известным советским поэтом Борисом Александровиче Ручьевым (Кривощековым) я познакомился в июле, незадолго до Дня металлурга, на центральном стадионе имени 50-летия Октября, что на правом берегу реки Урал. Этот замечательный спорткомплекс появился в Магнитогорске Челябинской области благодаря энтузиазму замечательного пропагандиста физической культуры и спорта Павла Захаровича Шувалова. Моя мама была знакома с ним, и он всегда был приветлив с ней. А ей нравилось гулять вокруг стадиона, делая по три-четыре круга за прогулку.

Павел Захарович был необыкновенный человек: в молодости, в 1944 году, он учился в школе-студии МХАТ вместе с будущим народным артистом СССР Анатолием Дмитриевичем Папановым, которого тогда дружески называл «Толян». Папанов тяжело был ранен во время Великой Отечественной войны, его демобилизовали, и он поступил учиться «на артиста». Павел Захарович из-за болезни потерял голос и его по-дружески называли «Самый хрипатый физкультурник». Он только улыбался в ответ на это прозвище, а организатором был великолепнейшим. Впоследствии вокруг стадиона появились новые спортивные объекты, и по составу спортсооружений Магнитогорский спорткомплекс считался вторым в СССР после столичных Лужников.

В память о Павле Захаровиче и о развитии спорта в Магнитогорске в апреле 1983 года я выпустил книгу очерков под названием «Магнитка кует здоровье» в издательстве «Знание» в серии «Физкультура и спорт».

Также вокруг стадиона бегал и многолетний редактор газеты «Магнитогорский рабочий» Яков Моисеевич Ременник, который справедливо считал, что «здоровый дух — в здоровом теле!», как говаривали еще древнегреческие мудрецы.

Часто я сопровождал маму в физкультурных прогулках, тем более, что она рассказывала много интересного о своей партизанской жизни, о работе в годы Великой Отечественной войны на Магнитогорском металлургическом комбинате, куда пришла работать в ноябре 1942 года в доменный цех, обучаясь в ремесленном училище.

И вот я слушал ее рассказы, и незаметно мы проходили круг за кругом по стадиону. И несколько раз обогнали невысокого кряжистого человека с большим лбом и внимательным взглядом. Волосы у него были зачесаны назад. Когда стали обгонять в третий раз, то мужчина попросил нас остановиться и церемонно представился, протянув маме руку: «Ручьев». Я знал фамилию этого поэта, но, не подумав, сказанул:

— Вы, наверное, тот самый известный поэт?

В ответ он улыбнулся. Улыбка у него была очень располагающая — открытая, добрая.

А я спросил наивно, совсем по-детски:

— Раз вы поэт, то почему не сидите за письменным столом, а бездумно ходите по стадиону?

Он так звонко рассмеялся в ответ! Мама высказалась в том духе, что ребенок есть ребенок. Борис Александрович согласно покивал в ответ. Я тоже представился и протянул руку для пожатия. Ручьев улыбнулся и тоже пожал мне руку, церемонно назвав свои имя и отчество. Как я сейчас понимаю, ему было приятно, что его имя известно на Магнитострое и что даже дети знают, что он поэт.

Как сам впоследствии любил говаривать Борис Александрович, металлургов много, первостроителей города и комбината мало, а поэтов — единицы.

Сделал ему комплимент:

— Вы очень сильно похожи на главного конструктора космических кораблей Сергея Павловича Королева — и осанкой, и ростом, и такой же кряжистый.

Запомнил фразу Ручьева: «Да, у каждого свои высоты. У нас и в биографиях много общего». (Много лет спустя я узнал о том, что Сергей Павлович Королев тоже был репрессирован, как и Ручьев, но отбывал ссылку в одной из «шарашек» — работал в «полутюремных» условиях).

Помню, что Ручьев у меня поинтересовался: мол, что ты обо мне знаешь?

Я рассказал ему, что знаю, что в год 50-летия Великого Октября его наградили орденом Трудового Красного Знамени, а также дали Государственную премию РСФСР имени Максима Горького. И сделал умозаключение:

— Наверное, 1967 год был для вас счастливым, вот почему вы гуляете на стадионе имени 50-летия Октября.

Он добродушно рассмеялся и погладил меня по голове. Потом спросил:

— Ты, наверное, читал обо мне в газете «Магнитогорский рабочий»?

— Не только. В начале 1968 года в кинотеатре «Комсомолец» я смотрел художественный фильм. Перед сеансом показывали киножурнал «Новости дня». Там показали, как вам вручают премию. Но только вам дали какой-то значок, а денег я не видел.

Ручьев удивленно посмотрел на меня и пояснил:

— Это не значок, это знак лауреата, а деньги так не вручают. Их передают потом по ведомости.

Слово «ведомость» я не знал и удивленно посмотрел на маму. В этот момент к нам подошел Я. Н. Ременник, который слышал конец разговора:

— А паренек-то памятливый. Подрастешь, давай писать в газету «Магнитогорский рабочий».

Вместе мы прошли еще один круг вокруг стадиона, я молчал, а мама о чем-то

разговаривала с Ручьевым. Вышли со стадиона, поднялись чуть вверх по улице Гагарина и завернули на проспект Карла Маркса. Позднее его переименуют в проспект имени Ленина. А находящуюся выше улицу, где ходил трамвай, переименуют из улицы Ленина в проспект Карла Маркса.

Возле большого серого дома Ручьев остановился: «Вот здесь я и живу, в квартире номер один. Будет желание — заходите в гости. Всегда рад. С интересом провел сегодняшнюю прогулку».

В благодарность за внимание я прямо здесь же, на углу двух улиц, начал читать его стихотворение «Песня о брезентовой палатке». Выучил я его к окончанию четвертого класса и читал на утреннике в школе. Меня хвалили. Вот по простоте душевной и стал читать. Борис Александрович был тронут и предложил:

— Когда придете в гости, то я тебе несколько своих книг подарю. Раз нравятся мои стихи, то учи их наизусть. Ты их понимаешь? Легко запоминаются?

Я утвердительно ему покивал.

Звонок от поэта

Накануне первого сентября 1968 года у нас дома раздался телефонный звонок. Мама хлопотала на кухне, а я взял трубку. Услышал красивый драматический баритон: «Это поэт Ручьев вам звонит. Куда вы пропали, мой юный товарищ? Запишите, пожалуйста, мой номер телефона».

Встреча в библиотеке

В год столетия Владимира Ильича Ленина, в 1970 году, в городском дворце пионеров и школьников, что на проспекте Ленина, проходил большой конкурс чтецов. В жюри был и Борис Александрович Ручьев, диктор местного телевидения Юрий Загуменный, с которым мы жили в соседних домах и сына которого я хорошо знал. Увидев меня на сцене, Ручьев заулыбался. Читать можно было только по два стихотворения. И хотя я был в красном галстуке и белой рубашке, но набрался нахальства и сказал, как сейчас помню:

— В составе жюри я вижу известного советского поэта Бориса Александровича Ручьева. Хочу прочитать одно из его стихотворений.

И хотя за кулисами одна из ответственных старших пионервожатых мне корчила страшные рожицы и грозила пальцем, я с толком, с выражением и с расстановкой, как меня учили дома родители, прочитал одно из его стихотворений. Мне очень сильно хлопали, а Ручьев, чуть-чуть прихрамывая, вышел из-за стола, поднялся на сцену и пожал мне руку. Старшая пионервожатая исчезла за кулисами. Нам уже двоим сильно хлопали. Ручьев потом медленно спустился со сцены по ступенькам, а я ему помогал, придерживая за локоть. Зал снова зааплодировал.

Прием в комсомол

В мае 1971 года меня принимали в комсомол. Было это по адресу: улица Октябрьская, дом 32, где наряду с другими организациями, располагался Ленинский райком комсомола. Когда оргинструктор произнесла мою фамилию, то вручавший билеты секретарь райкома комсомола Юрий Абашин сказал мне:

— А я тебя, паренек, знаю, был на конкурсе чтецов в составе жюри.

Услышать подобное было приятно. А потом со всеми новопринятыми комсомольцами состоялась встреча с Борисом Александровичем Ручьевым. Его представили как первостроителя Магнитки, комсомольца тридцатых годов. Мне он очень образовался и пригласил на спектакль в драмтеатр имени А. С. Пушкина, который располагался наискосок от его дома.

Вместе с мамой мы пришли туда. Он прохаживался по фойе, с ним многие здоровались. По пригласительным билетам сидели мы рядом. А артист этого театра по фамилии Широков густым басом сообщил публике, что на премьере присутствует Борис Александрович Ручьев. Поэт встал и раскланялся. Самое забавное состояло в

том, что артист был в костюме царя, но зрители не обратили на это никакого внимания. Сказал на ушко об этом Борису Александровичу, а он озорно улыбнулся и погладил меня по руке.

В антракте к нам подошел невысокий рыжеватый мужчина с проницательным взглядом. Он о чем-то разговаривал с Борисом Александровичем. Это был заведующий литчастью театра, член Союза журналистов СССР Олег Глебович Вилинский. Когда после разговора Ручьев на несколько минут отошел, Олег Глебович вдруг спросил у меня, испытывающе глядя в глаза:

— А вы, молодой человек, сыном Борису Александровичу будете?

Я удивился страшно и ответил, как мне показалось тогда, основательно:

— Если бы я был его сыном, то носил бы фамилию Ручьев.

Олег Глебович задумчиво покивал головой и отошел в сторону, но прежде поинтересовался:

— Ну, хорошо, фамилии разные? Ну а что он с тобой так возится?

— Потому что я его юный товарищ!

Позже, когда Олег Глебович Вилинский вел вопросы культуры в газете «магнитогорский рабочий», я напомнил ему этот эпизод. Он, в свою очередь, очень удивился:

— Так это был ты?!

Оказывается, этот эпизод он тоже помнил.

После спектакля мы с мамой пошли провожать Бориса Александровича. На премьерный банкет он не остался, сославшись на усталость. Перешли через дорогу, присели в скверике на лавочку. Борис Александрович стал вспоминать, как его поддерживал, когда он после ссылки приехал в Магнитогорск, тогдашний первый секретарь Магнитогорского райкома партии Владимир Васильевич Колосок. Времена тогда были суровые, к отсидевшим в лагерях и к репрессированным относились с подозрением, а Ручьев хотел писать, потому что после ссылки замыслов у него было много. И чтобы окончательно снять с его имени пятно подозрительности, Владимир Васильевич добился того, что в 1963 году Ручьева за литературную деятельность наградили орденом Трудового Красного Знамени. Это был поступок, потому что поэт он тогда был не из самых известных, да еще и довольно длительное время был в местах не столь отдаленных.

В свою очередь и я подтвердил, что Владимир Васильевич — человек добрый и душевный и ко всем относится с вниманием, несмотря на возраст.

— А ты его откуда знаешь?— поразился Ручьев.

— Борис Александрович, а я с его сыном Сережкой в одной группе в детском садике номер сорок один воспитывался! А Владимир Васильевич иногда забирал сына и разговаривал с нами — его друзьями. Когда он уходил с территории, держа Сережку за руку, то воспитательница каждый раз умиленно повторяла: «Вот такие настоящие коммунисты!» Борис Александрович вопросительно посмотрел на мою маму, а она утвердительно покивала ему.

Там же, на лавочке, Борис Александрович стал рассказывать, как ездил на первый съезд советских писателей в 1934 году. И как лично ему Алексей Максимович Горький вручал билет члена Союза писателей СССР.

Помню, как я удивился:

— Вы видели Горького, живого?

Ручьев усмехнулся:

— Это не я его видел, это он увидел меня!

Потом пригорюнился.

— Пока по северу путешествовал, утерял связь с писательской организацией. Но меня позднее восстановили в Союзе.

Мало что тогда я понял из его разговоров, но чувствовалось, что вспоминать Ручьеву о прошлом не очень-то приятно и что-то его тревожило.

Прогулка к монументу «Первая палатка»

Когда я после окончания восьмого класса поступил в училище, то позвонил Борису Александровичу домой и поделился радостью. Он предложил встретиться возле его дома и погулять. Конечно, я с радостью согласился. Борис Александрович предложил, предварительно поинтересовавшись:

— Ты не устал? Давай тогда пойдем к памятнику моему творчеству.

Пошли по проспекту Ленина, потом свернули на проспект Металлургов, затем свернули налево по улице Чапаева и вышли к площади, где был установлен монумент «Первая палатка». Там было написано несколько строк из его стихотворения «Да, жгли у дверей золотые костры на рыжих каменьях Магнитной горы». Перешли через трамвайные пути, подошли к палатке, он погладил кусок руды, который лежал на символической руке, потом задумчиво сказал:

— Нет большей благодарности от людей, чем когда созданные тобой строки остаются на века. А ты как думаешь?

Я согласился с ним, но обратил внимание, что горы Магнитной более не существует. И прочитал ему строфу из своей поэмы, которая претенциозно называлась «О прошлом и будущем Магнитостроя»:

Срыли Магнитную гору,
Чтобы отпор дать врагам,
Помним военную пору:
Доля досталась всем нам.

Ручьев пожевал губами, а потом вынес свое суждение: «Первые две строчки хорошие, третья — ничего, а четвертая — слабая. Надо над строфой поработать. Я бы посоветовал тебе ходить в наше литературное объединение «Красное солнышко». Поваришься там, писать научишься».

Когда шли обратно, Борис Александрович устал: тяжеловато было подниматься вверх по проспекту Металлургов, а ехать на автобусе он категорически не хотел. Время от времени он выдыхал какое-то странное слово: «Алга, алга!» Когда он в очередной раз остановился отдохнуть, то я спросил, что за слово он произносит, когда начинает уставать. Ручьев сообщил мне, что по-киргизски это слово означает «вперед». И добавил, что хотя родился в городе Троицке Челябинской области, но долгое время жил с родителями в Киргизии. И когда идешь и выдыхаешь слово «алга», то дыхание нормализуется. Когда уже подходили к дому, то Борис Александрович сказал, что он не только поэт, первостроитель, но и коммунист.

— Так вас же Советская власть обижала, а вы в партию вступили?

Борис Александрович остановился и очень внимательно посмотрел на меня:

— Меня Советская власть никогда не обижала, мне Советская власть все дала — и мечту исполнить, и город строить, и крупнейший металлургический завод, и с интереснейшими людьми встречаться. А наказывали и обижали меня отдельные люди. И из зависти, и из-за злобности, из-за недалекости своей. Вот сейчас приду домой, стопочку-другую выпью и тяжесть с сердца спадет.

Проводил его до подъезда. К себе в этот раз он приглашать не стал.

Как я был переживальщиком

В один из дней ноября 1972 года Борис Александрович позвонил мне домой и попросил:

— Тут моя Любовь Николаевна (жена — И.Н.) на меня обиделась и поехать со мной к дантисту не хочет. Приглашаю со мной — переживальщиком будешь.

Конечно, я сразу же согласился.

За Ручьевым прислали белую «Волгу». Я еле успел на автобусе номер 5 подъехать к его дому, чтобы быть вовремя. Ручьев обрадовался, когда меня увидел. При-

хали в поликлинику заводоуправления ММК. В холле на первом этаже его уже ждали. Руководители поликлиники М. М. Фрадкова и С. М. Обушко искренне обрадовались своему доброму знакомому-пациенту. Пока Борис Александрович был у врача, Сима Михайловна Обушко расспрашивала меня обо всем. Очень похвалила за то, что я сижу и переживаю за Ручьева.

— Это такой человек! Сколько в нем доброты, ответственности! Дай Бог ему здоровья, а мы уж все силы приложим.

Когда Борис Александрович вышел из кабинета, увидел нас обоих, то глаза его засияли. Действительно, всегда приятно знать, что ты нужен кому-то, что кто-то за тебя переживает.

Сима Михайловна показала ему два пальца и продемонстрировала свои часы. Это означало, что два часа нельзя кушать и лучше не разговаривать, чтобы случайно не подхватить никакую инфекцию. Борис Александрович благодарно замычал. Сима Михайловна была очень растрогана.

Загадка от Ручьева

Накануне 1973 года без приглашения зашел к Борису Александровичу в гости, чтобы вручить новогоднюю открытку от нашей семьи и подарок в красивой картонной упаковке, который мама привезла из командировки в Москву. Любовь Николаевна, недовольная, открыла дверь, но все-таки в квартиру впустила. Стою в коридоре и не знаю, как быть: раздеваться или нет. Слышу на кухне пьяненькие голоса и звон чокающихся рюмок. Любовь Николаевна поджала губы:

— Иди, полюбуйся на своего кумира! Все гости за гостями, и он с ними квасит.

Мне, подростку, было неприятно это слышать. Я всегда с детства знал, что когда взрослые собираются, то выпивают, и не видел в этом ничего предосудительного.

Борис Александрович через дверь спросил, кто пришел, а потом и сам вышел в коридор. Увидел меня, обрадовался, но в квартиру приглашать не стал. Ему было неудобно за свой вид. Волосы немного всклокочены, глаза красные, рубашка расстегнута, верхней пуговицы нет. Но он бодренько сказал мне:

— Иногда надо и посидеть с друзьями, так что ты не взыскуй! А нам есть о чем поговорить и прошлое вспомнить.

Я сослался на занятость, но поздравил с наступающим Новым годом. Подарку он очень обрадовался и замечательно сказал:

— Спрячу-ка я его в рукав полушубка. Чтобы никто не догадался. А то если на закусь пойдет, то в Новый год радости не будет.

Обратно шел я на автобусную остановку задумчивый. Видимо, тяготы прожитой жизни не дают ему спокойно воспринимать действительность — без алкоголя.

Едва приехал домой, телефонный звонок. Голос почти трезвый и уверенный:

— Это поэт Ручьев! Хочу загадать тебе новогоднюю загадку, связанную с моей жизнью. Возьми ручку и запиши. Я написал четверостишие:

Знавал известного поэта,
Но имя не открою вам.
Две буквы «М» — его примета...
Оставил жизнь он северам.

И добавил:

— Хотел вставить в поэму «Полюс», но чувствую, что дописывать ее не хочу. Куража нету!!!

В телефонной трубке раздался отбой.

Долго думал я над разгадкой, но не получалось. Сначала подумал про В. В. Маяковского. Но причем здесь две буквы «м»? Позже, когда я по-приятельски сошелся с корреспондентом газеты «Магнитогорский рабочий» Юрием Балабановым,

который был сыном магнитогорской поэтессы Нины Григорьевны Кондратковской, рассказал ему про загадку Ручьева. Его мама после смерти Бориса Александровича стала вести городское литературное объединение и о многих знала. Дружила она и с Ручьевым. Именно от нее Юрий Балабанов и узнал, что во время ссылки Борис Александрович жил в одном бараке с поэтом Осипом Эмильевичем Мандельштамом. И фактически присутствовал при его кончине. Как-то поделился этой историей, и стало понятно, откуда две буквы «м».

Завет Ручьева

В июне 1973 года Борис Александрович стал хронически болеть. «Кончается мое времечко,— сказал он,— прошлое вспоминаю, мою молодость. Между прочим, с 1930 по 1934 годы на Магнитострое выходила газета «Магнитогорский комсомолец». Ты парень упертый, грамотный. Стань журналистом и возобнови выпуск этой газеты. Я тебя прошу».

Прошло время. В 1989 году я поделился желанием Бориса Александровича с тогдашним первым секретарем Ленинского райкома партии Анатолием Ивановичем Макеевым, а потом при его содействии и с руководителями городской комсомольской организации Александром Аникиным и Владимиром Шмаковым. Они в свою очередь поделились этим предложением с первым секретарем Магнитогорского городского комитета партии Виталием Макаровичем Рябковым. До партийной должности он был ректором Магнитогорского горно-металлургического института. Идея ему понравилась, а потому в апреле 1990 года на городской комсомольской конференции было принято решение возродить газету, но под другим названием — «Голос магнитогорской молодежи». Это была первая городская комсомольская газета в стране на тот период.

Позже на базе этой газеты мы стали выпускать и приложение «Октябрьская, 32». Там располагалась администрация Ленинского района Магнитогорска. Созданию этой районной газеты, приложения к городской газете, много поспособствовали руководители администрации района Владимир Иванович Прищепа и Вадим Валентинович Чуприн. Так завет Бориса Александровича Ручьева воплотился в жизнь. Есть особая мистика в том, что газета тоже выходила четыре года — с 1990 по 1994 годы. Через шестьдесят лет история повторилась.

На начальном этапе выпуска «Голоса магнитогорской молодежи» большую организационную поддержку оказал Валентин Федорович Романов, ректор Магнитогорского педагогического института. Да и не могло быть иначе, потому что Бориса Александровича Ручьева с местным пединститутом связывали теплые творческие и человеческие отношения. В его память проводятся регулярные «Ручьевские чтения».

...Когда творчество востребовано

В Магнитогорске на Правобережном кладбище нашли свой вечный покой много известных людей. Но постоянным вниманием пользуются два погоста: директора металлургического комбината Андрея Дмитриевича Филатова и всеобщего любимца Бориса Александровича Ручьева. Благородство этого человека, оставленное им для потомков творчество — это живой памятник пяти поколениям магнитогорцев. Жизнеутверждающее начало его стихов необходимо всем нам — его потомкам.

Наверное, надо сделать большой сборник воспоминаний о Борисе Александровиче Ручьеве. И работу эту надо начать сейчас — в год столетия со дня его рождения. Он заслужил это своей жизнью, своей любовью к людям и своей верностью городу своей юности — Магнитогорску.

Дмитрий Нифонтов
(г. Рославль Смоленской области — Москва)

Татьяна Бельченкова

(г. Рославль Смоленской области)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Слова этой знаменитой песни знакомы нам с самого детства. Ее мотив знают во многих странах мира.

В чем же секрет такой неугасающей популярности? Почему песня, автором слов которой является М. В. Исаковский, стала «народной»?

Ответы на эти вопросы я нашел в 2001 году вместе с учителем русского языка и литературы Бельченковой Татьяной Ивановной. Ныне ее уже нет с нами.

А результатом стала статья, которая публикуется не случайно: исполнилось 75 лет с момента первого исполнения песни «Катюша»!

Люблю твой скромный, ясный стих,
Его нехитрую душевность,
«Катюш» и «Любушек» твоих
Любовь и преданную верность.

Б. С. Бурлитын, 1950 г.

1

Есть во Всходском районе деревня такая
Где над речкой калина цвела,
Где гармонь на гулянку девчат закликая,
Вдоль по берегу вечером шла.
Где в полях поднималися дружные всходы,
По оврагам журчали ручьи,
Где на ясные зори, на тихие воды
Прилетали весной соловьи.

У этого стихотворения есть адрес: наша Смоленщина, бывший Всходский район (ныне Угранский) — это река Угра, деревня Глотовка — родина нашего большого поэта М. В. Исаковского.

Угранский район — лесной район. Это заповедные леса над тихими речками. В речную гладь смотрятся ивы; среди зеленых берез и ольхи пламенеют ярко-красные

кисти рябин. На возвышенности — сосновые боры с их шумом “морского прибоя “. Михаил Васильевич любил эти места.

Есть во Всходском районе деревня такая,
Где оставил я детство свое.
И куда б я ни шел,— мне звучал, не смолкая,
Теплый ласковый голос ее.

Красота этих мест и вдохнула в сочинения юноши поэзию. Тут начинался поэт Исаковский. Этот край знаменит одним событием, которое произошло более пяти веков назад и является не разгаданным до сих пор. Называется оно «великим стоянием на Угре». Татарские орды Ахмата, двигаясь по Руси, остановились на берегу Угры, напротив русского войска, возглавляемого князем Иваном III, дедом Ивана Грозного. Битвы не произошло, так как русские не дали никакого повода татарам для наступления, войска разошлись. Не было кровопролития. Кто знает? Может, названное событие оставило на берегах реки положительный заряд энергии, зло обошло эти места. Зато в XX веке их прославил родившийся здесь М. В. Исаковский.

Михаил Васильевич любил свою малую родину. Летом 1935 года Михаил Васильевич вместе с А. Т. Твардовским приезжал погостить к своей матери в Глотовку. Из Всходов в то время в Глотовку было несколько дорог, смотря по какой добираться: на лошади — по одной, на машине — по другой. Но оба поэта любили пройтись пешком, самым коротким путем — по стежке, которая проходила по правому, низкому, берегу Угры. С этой стежки хорошо был виден противоположный берег — высокий и крутой. Поэтам запомнился высокий берег, где у самого крутого спуска стояла беседка. И однажды вечером они побывали там, посидели в беседке, полюбовались рекой, закатом, чистым сквозистым лесом. Но они оказались не одни: здесь собралась молодежь, здесь был «круг», по-нашему, танцплощадка. Прогуливались парочки, звучал смех, песни, заливалась гармошка, видно было, что это любимое место молодежи.

Прогулка на крутой берег Угры не прошла бесследно. Исаковский пишет целый ряд песен на молодежную деревенскую тему: «Провожание», «И кто его знает», «Шел со службы пограничник» и другие. Композитор Захаров, большой друг Исаковского, руководитель хора имени Пятницкого, переложил на музыку некоторые из них. Вслед за его хором эти песни запела вся страна.

У песни «Катюша» интересная история. Первые восемь строк «Катюши» были написаны в начале 1938 года. Но дальше работа застопорилась. М. В. Исаковский не знал, что делать с «Катюшей», которую он заставил выйти на «высокий берег на крутой» и запеть песню. И он отложил стихи. Весною в редакции газеты «Правда» поэт впервые встретился с композитором Матвеем Исааковичем Блантером. Композитор сразу же стал выспрашивать у Исаковского, на слова которого к этому времени уже было написано несколько популярных песен, нет ли у него каких-либо стихов, на которые можно было бы написать музыку. Михаил Васильевич откликнулся на просьбу Блантера и тут же написал восемь строк «Катюши»:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Михаил Васильевич передал Блантеру восемь строчек и скоро забыл об этом, не веря, что из его незаконченных стихов может что-либо получиться. Но летом, встретившись с Михаилом Васильевичем, Блантер сказал, что музыку «Катюши» он написал, что песня получилась хорошая, но что необходимо дописать слова.

Однако случилось так, что обещание свое поэт не смог сразу выполнить, а потом на целый месяц уехал отдыхать в Ялту, решив дописать стихи после возвращения в Москву.

Но в Ялте неожиданно появился Блантер и, узнав о местопребывании поэта, приехал «подогнать» его. «Он сообщил,— пишет Исаковский,— что в Москве организован Государственный джаз-оркестр, руководит которым В. Кнушевицкий.

В ближайшее время состоится первое выступление, первый концерт этого джаза.

«Катюша» уже включена в программу первого концерта, и я немедленно должен дописать ее. Мол, деваться некуда».

Через два дня песня была дописана. И, как обещал М. И. Блантер, 27 ноября 1938 года на первом концерте Государственного джаз-оркестра под управлением Виктора Кнушевицкого впервые прозвучала песня «Катюша». Ее первая исполнительница Валентина Батищева, в тот вечер трижды выходившая на «бис», не ожидала такого головокружительного успеха и, конечно, не предполагала, что песню ждет не только счастливая, но и легендарная судьба.

В своей поэзии Исаковский создал образ девушки-смолянки, русской женщины-терпеливицы, труженицы. Первой была Катюша. А потом была война, Великая Отечественная война, и девушку-смолянку ждали суровые испытания.

«На позицию девушка провожала бойца...»

Ушел ее пограничник, ее любимый, защищать Родину. А сама она перед лицом великой беды отправилась в леса, когда «уходили в поход партизаны, уходили в поход на врага». И не всегда был счастливый конец: возвращался с фронта солдат, а на родине «... Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью...». И пришлось солдату пить за упокой на «травой заросшем бугорке», на могиле своей жены.

Михаил Васильевич Исаковский низко поклонился русской женщине военной поры, страшного лихолетья, написав стихотворение «Русской женщине».

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..
А первой была Катюша!..

В 1939 году «Музгиз» выпустило отдельной книжечкой песню «Катюша» вместе с нотами. Песню запела вся страна. Ее часто передавали по радио. Так в чем же тайна живучести песни «Катюша»? Ее вечной популярности?

Ведь она перешагнула вместе с народом в XXI век. Ее уже поет «послеперестроечное» поколение. Жить ей, не умирать еще долго-долго.

Короткий ответ: в народности.

На этот вопрос есть ответ в словах Л. Н. Толстого, когда он комментирует сам эпизод из романа «Война и мир» — «Ростовы в гостях у дядюшки».

«Дядюшка пел так, как поет народ, с тем полным и наивным убеждением, что в песне все значение заключается только в словах, что напев сам собой приходит и что отдельного напева не бывает, а что напев так только, для складу. От этого этот бессознательный напев, как бывает напев птицы, и у дядюшки был необыкновенно хорош».

Конечно, поэт не бессознательно предпочитает содержание в форме. Но верно то, что не бывает отдельно напева, мелодии от стиха, они слиты, они дополняют друг друга. В стихах композитор «слышит» мелодию, как бы открывает ее, так было и со

стихотворением «Катюша», когда Блантер «услышал», счастливо уловил мелодию стиха. Мелодия эта проста, доступна всем, в этом ее сила. Вообще форму поэзии Исаковского называют простой, традиционной. Но простота стихов Исаковского — это не сочинительство в угоду кому-либо. Это «не описание сарафана», как определял народность произведения В. Г. Белинский. Это высокое понимание души в народной песне. В стихотворении-песне «Катюша» мы рассмотрим связь с фольклором. В чем же это выражается?

Во-первых, в серьезности сюжета. Песня наполнена самыми главными истинами, составляющими смысл жизни нашего человека: любовь, служба в армии, ожидание, взаимная верность в любви, долг перед страной.

Во-вторых, «русский дух» песни, который уже чувствуется в начальных строчках. Это традиции древней русской литературы, «Слова о полку Игореве», это мотив плача Ярославны, просящей помощи у сил природы. Девушка Исаковского обращается к Солнцу, к ветру с просьбой перенести ее слова на «дальнее пограничье».

Ой, ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Фольклорные элементы очевидны и в начале стихотворения, в первом четверостишье:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Это одновременно поэтический параллелизм и экспозиция, то есть определение места, времени, героев произведения. Какая русская народная песня существует без параллелизма.

Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали...

Или:

Не шуми, мати, зеленая дубравушка...

В этом столько чувства, такой настрой на радость или грусть, сколько может вместить человеческая душа.

В песенный зачин «Катюши» включены как бы три органически спаянных образа: «высокий берег» реки, «расцветали яблони и груши», «поплыли туманы над рекой». Мы, смоляне, рады узнать, где этот «берег», какой он, над какой «рекой» плывет туман. Это усиливает интерес к песне.

Взятый в отдельности каждый из образов имеет свое символическое значение: расцветающий сад — это символ весны, красоты, молодости, любви, красоты родного края; река — это сама жизнь, с ее неостановимым течением, движением; туманы — в русской народной поэзии — символ тоски, тревоги, даже зловещих сил, так оно и есть. Свидетельство Исаковского: «Дело в том, что время было все-таки тревожное. Мы как бы уже предчувствовали войну, хотя и не знали точно, когда и откуда она может прийти...

Ведь в 1938 году еще пылало пламя войны в Испании. В том же году Красная Армия вынуждена была вести тяжелые бои на востоке с японскими самураями у озера Хасан, поэтому тема Родины, тема защиты ее от посягательства врагов, тема охраны границ была самой важной, самой первостепенной, и я, конечно, никак не мог пройти мимо нее даже в лирической песне».

Фольклорные символы образуют в песнях Исаковского тот подтекст, без которого немыслимо поэтическое произведение. «Без внутреннего смысла (подтекста) стихи выглядят как бы неодухотворенными, бескрылыми, нединамичными». (М. Исаковский).

В стихотворении «Катюша» подтекст воспринимается легко, органично, так как это наша речь, наша образность, которая в сознание русского человека входит с колыбельных времен, когда он слышит: «баю-баюшки, баю». Эта образность помогает нам представить и других героев песни. Каковы эти герои?

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила
Про того, чьи письма берегла.

Постоянный эпитет «степной сизый орел» — символ мужества, верности, защитника Родины, что понятно и дорого каждому русскому человеку. Этот образ дополняет слова, выражающие тонкое, глубокое чувство: «...про того, которого любила, про того, чьи письма берегла».

Повтор слов — это тоже фольклорная примета. Повтор усиливает смысл, приковывает внимание. Удивительно тонко нарисован образ «девушки простой», Катюши. Смоленская писательница Вера Звездаева пишет: «Поразительно тонко чувствует Исаковский женское сердце. Сдается, это не только от таланта, но и от органической близости к народному творчеству, от обостренного сердечного зрения».

Для народной поэзии характерны уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах: «полюшко», «травушка-муравушка», «лазоревы цветочки» и т.д. Колорит песни заключен в представлении имени с ласкательным суффиксом «Катюша». Столько душевности, теплоты и нежности, когда слово произносится в этой огласовке.

Наконец, мы подходим к самым главным, заключительным словам.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Вот она — клятва верности в любви к женщине, к Родине, в этих словах разгадка русского характера, который так тревожил на протяжении всей истории Европу, а победа над гитлеровской Германией усилила этот вопрос.

Для нас, русских, данное утверждение единства личного и общественного бесспорно. Такова разгадка вечности этого стихотворения-песни. Наглядное подтверждение слов Л.Н. Толстого о том, что патриотизм русских — чувство врожденное, что русские рождаются с этим чувством.

Стихотворный размер «Катюши» — четырехстопный хорей, создает легкость, прозрачность стиха, в нем и заключена та музыка, которую «услышал» Блантер.

Таким образом, зачин, постоянные эпитеты, повторы и т.д. в общем контексте песни воспринимаются не как условность, дань традиции, а как естественное воплощение ее содержания.

1941 год. Начало Великой Отечественной войны, а жизнь стихотворения-песни «Катюша» продолжалась, мало того, песня выразила настроение народа, его любовь к Родине, готовность защищать ее, что привело к победе над врагом. Песня «Катюша» внесла немалый вклад в общее дело торжества страны. Об этом свидетельствуют многие факты и письма Исаковскому с фронта от бойцов и командиров.

Дорогой Михаил Васильевич!

Многие из нас находятся на фронтах Отечественной войны с первых ее дней, имеют по одному и по нескольку ранений, участвовали во многих жарких боевых схватках. Приходилось переживать трудные дни, но никто из нас никогда не падал духом. И часто причиной этого были Ваши песни.

В самом деле, какой чувствуется прилив сил, куда девается усталость после первого же куплета «Катюши», ставшей нашей любимой фронтовой походной песней. Ваша «Катюша» действительно превратилась в нашу «фронтовую подругу».

1 апреля 1943 года. По поручению бойцов и командиров: старший лейтенант Степанов, лейтенант Брагин, старшина Петров, красноармеец Горюков.

Или:

Писателю Михаилу Исаковскому

Дорогой товарищ писатель!

Мы, рядовые бойцы и сержанты подразделения офицера Быкова, шлем Вам свой боевой привет.

Письмо пишем потому, что часто поем написанные Вами песни и тепло вспоминаем автора «В прифронтовом лесу», «Катюши», «Огонька» и многих других.

Песни эти в походе, на привале, в часы досуга веселят сердце солдата. Вот за них-то, за хорошие песни, волнующие сердце воина, наше большое солдатское спасибо.

Сентябрь 1945 года. С боевым приветом
старшина А. Пименов,
сержант И. В. Сташев,
рядовой П. Зайцев,
рядовой С. Шевырев,
рядовой Хмелюк,
рядовой П. Кий,
рядовой Т. Штена.

Бывший комиссар полка Б. К. Губарев в 1947 году написал Исаковскому: «*Я видел, как читались Ваши стихи на войне, как переписывались карандашом в солдатские тетради и записные книжки. На фронте это было очень грозное оружие.*

Я никогда не забуду, как помогали мне Ваши стихи в моих, порой чересчур коротких, беседах с бойцами. Я горжусь тем, что мой любимый поэт — это любимый поэт миллионов. Я давно понял, что причина Вашей необычной силы воздействия на миллионного читателя — от профессора до школьника — в художественности Вашей поэзии».

Таких писем были сотни. Они в свою очередь вдохновляли Исаковского на создание новых произведений. Через письма писатель чувствовал связь с народом. Он убеждался в необходимости своей поэзии.

О популярности песни «Катюша» говорит тот факт, что гвардейский миномет, самое грозное оружие Второй Мировой войны, был назван ласковым словом Катюша.

История этого оружия интересна.

Одним из создателей «катюши» — миномета был наш земляк, уроженец смоленского города Велижа Иван Исидорович Гвай. Первые залпы батареи «катюш» капи-

тана И. А. Флерова прогремели в дни Смоленского сражения в 1941 году под Оршей, Рудней, Ельней, Рославлем, на реке Угре. Гитлеровцы выделили специальные части, желая рассекретить это грозное оружие. Но, к сожалению, им удалось напасть на след и окружить у села Богатырь Угранского района батарею «катюш». Но капитан Флеров взорвал все минометы, а в одной из установок он подорвался сам. Это произошло 7 октября.

Судьба распорядилась так, что последний бой первая батарея «катюш» дала на «родине» песенной Катюши. Секрет оружия был спасен, а «катюша» превратилась в оружие победы.

Бойцы советской армии любовно называли это оружие «сестрой» Катюши, слагали стихи, среди которых было много иронических: «Эх ты, «катя», «катюшка»-подружка, угощай непрошеных гостей...».

«Загляни Адольфу в волчьи очи, приголубь бандита, приласкай, пожелай ему загробной ночи и по ветру кости разметай...».

По свидетельству артистки хора имени Пятницкого М. Подлатовой, во время войны в 1941 году Исаковский и Захаров (руководитель хора имени Пятницкого) по просьбе генерала А. И. Нестеренко, командира большого соединения минометов «катюш», написали «Песню про «катюшу». Эту песню впервые исполнил хор имени Пятницкого, а потом она стала своеобразным фронтовым гимном ракетных частей:

И на море и на суше —
По дорогам фронтовым —
Ходит русская «катюша»,
Ходит шагом боевым...

Немцам главный штаб прикажет,
Чтобы шли они вперед,
А «катюша» слово скажет —
Как метлою подметет.

Налетит «катюша» вихрем —
Чем ее остановить?
И задумал Гитлер «тигров»
На «катюшу» натравить.

Но такие им гостинцы
Приготовила она,
Что осталась от зверинца
Только химия одна...

Говорят и после смерти
Слышат немцы грозный шквал
И что даже на том свете
Лезут прятаться в подвал.

И даже немцы играли на губных гармошках и пели «Катюшу». Вспоминает бывший фронтовик, офицер-разведчик 139-й Рославльской дивизии: «Случилось затишье, передышка на полном участке фронта. Бои утихли на несколько дней, окопы против окопов. И немцы каждый вечер заводили одну и ту же пластинку. Нашу «Катюшу», через усилитель. Каково было нам? Терпение лопнуло, и командир разведки вызывает: возьмем? — Возьмем!

Стали готовиться к вылазке. Пошли, конечно, добровольцы. И утащили у немцев пластинку. И уже вечером наша «Катюша», с нашей стороны полетела через нейтральную линию.

Немцы в усилитель кричат:

— Рус, верни пластинку.

— Нет, наша «Катюша», наша пластинка.

— Рус, продай, дадим шнапсу (водки).

— Нет.

И такое бывало на фронте. Запись сделана в 1983 году во время празднования 40-летия освобождения г. Рославля от фашистских захватчиков.

Песню «Катюшу» пели на фронтах, в наших партизанских бригадах и отрядах сопротивления. Метко сказал о «Катюше» Александр Прокофьев:

Впереди отрядов партизанских
Чуть не всю Италию прошла.

А по свидетельству Андрея Малышко, «Катюшу» поют и американские негры:

Выходила на берег Катюша
На Великий Тихий океан.

Выйдя на просторы планеты «Катюша» поселилась в сердцах людей всех континентов и стала паролем дружбы. К Азовскому морскому пароходству приписан теплоход «Михаил Исаковский».

Однажды теплоход причалил в одном из портов Греции. К теплоходу подошел греческий докер и спросил русского матроса:

— Кто такой Михаил Исаковский?

В ответ матрос запел «Катюшу». Грек сразу все понял. Он заулыбался, закивал головой и подхватил песню.

Вскоре все узнали, что у них гостит «автор» знаменитой «Катюши». И когда закончился рабочий день, люди не пошли домой, а собрались у причала и запели «Катюшу». К ним спустился экипаж теплохода, наши моряки подхватили песню, и образовался импровизированный концерт. Песня сблизила людей, помогла установить теплые дружеские отношения.

Вспоминает поэт Константин Ваншенкин: «Вскоре после кончины Исаковского (1973 г.) я побывал в составе делегации поэтов в Югославии. Мы ночевали в Скопье. Мой номер помещался на втором этаже. Я встал и подошел к окну, чтобы закрыть его. И тут я окончательно проснулся. За окном была стройка. Рабочие пели «Катюшу».

В очерке смоленского журналиста Анатолия Рыжикова приводится такой факт. В годы войны «Катюша» стала гимном бойцов Сопротивления. Песня звала людей к борьбе, которая закончилась полной победой над коричневой чумой фашизма.

В послевоенные годы «Катюша» напоминала народам Европы об этой героической победе, в которую решающий вклад внес Советский Союз. Но такая память кое-кого не устраивала. И вот на Западе появился и получил шумный успех танец «Казачок». В его основу положена мелодия песни «Катюша». Но сходство этого танца с песней только внешнее. У него другой ритм и другое назначение — чисто развлекательное. Это китч-безвкусная безделушка «массовой культуры». Но эта безделушка, усиленно культивируемая на Западе, была сделана с дальним прицелом. Авторы танца, эксплуатируя всемирно известную мелодию, путем ее искусной аранжировки ставили целью размыть первоначальное содержание песни, затмить ее и таким образом заставить забыть подлинную «Катюшу».

Но эта попытка не удалась. Шумный успех танца «Казачок» пошел на спад. А песня «Катюша» продолжает жить своей неповторимой жизнью. Несмотря на «воз-

раст», она не утратила ни своей популярности, ни своей притягательной силы. Во время празднования 56-ой годовщины Победы над фашистской Германией радио и телевидение вело передачи о праздновании и, конечно, звучали песни на слова Исаковского, песни времен Отечественной войны. Я считаю, апофеозом праздника было исполнение песни «Катюша», это был заключительный номер концерта, когда все участники вышли на сцену, а солисткой была шестилетняя девочка. Чистым, звонким голосом она запевала, а все остальные артисты вместе со зрителями подхватывали и пели. Это было общее веселье, это было выражение радости, единения людей. И стало понятно, что жить этой песне века, потому что ее приняло самое младшее поколение в нашей стране. Лично я был в восторге от этого номера.

Жизнь песни увековечена в памятнике, поставленном на высоком берегу Угры в поселке Всходы. И этой песней стала «Катюша». История памятника уникальна и интересна.

В начале 80-х годов двое ответственных работников Угранского района, директор совхоза «Прогресс» В. Н. Невзоров и директор местного леспромхоза Н. П. Михайлюков, встретились на берегу Угры, на том месте, где еще до войны была поставлена беседка, и лежал большой плоский камень. Встретились не случайно. Они обсуждали проект памятника песни «Катюша», так как в народе это место, любимое молодежью, было связано с именем девушки Катюши, героиней песни Исаковского. Набросали проект, за дело принялись всем народом. Совхозные механизаторы из деревни Дракино бульдозерами притащили самый большой во всей округе многотонный валун, который поставили на старый камень, вросший в землю. Студенческий строительный отряд, работавший в то время в совхозе, вызвался оборудовать площадку. Вскоре на камне появилась медная чеканная табличка с надписью:

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой

М. Исаковский

Так летом 1983 года начал свою официальную жизнь памятник песне «Катюша», поставленный по велению сердца земляками поэта.

Летом в поселке Всходы открылся музей песни «Катюша». В его создании принимали участие многие люди Смоленщины, поселка, всей страны. **Другого такого музея нет ни в России, ни в ближнем, ни в дальнем зарубежье.** Разместился музей в Доме культуры, построенном на средства Исаковского. Получив в 1943 году первую Государственную премию за стихи и песни, Михаил Васильевич передал ее району на строительство ДК. Первый и третий залы посвящены творчеству Исаковского.

Второй зал музея посвящен песне «Катюша». В музее есть магнитофонная запись рассказа композитора Блантера о первом исполнении песни «Катюша», после которого «Катюшу» запела вся страна. Экспозиция яркая, интересная. В 2000 году музей собрал много гостей из Москвы, из разных городов России и Мира. Представительной была делегация из Китая, где эта песня пользуется большой популярностью. На празднике во Всходах она была исполнена и на китайском, и на русском языках. Желающих посетить музей песни «Катюша» очень много.

У нас, смолян, особая причина испытывать гордость за творчество М. В. Исаковского, что героиня судьбоносной песни «Катюша» — смолянка, что малая родина дала поэту «свои думы, свои напевы, свои слова, свои краски», как сказал сам поэт.

Самая большая награда поэту, когда люди назовут его творение народным. В связи с этим хочется привести слова А. Т. Твардовского: «Такова уж судьба песенного жанра — наиболее удачная песня... всегда как бы стремится оторваться от своего

автора, утратить эту свою принадлежность и приобрести несравненно большую, а именно — стать тем, что мы называем народной песней». А песне «Катюша» жить еще многие-многие годы, чтоб для новых поколений она была живым родником мудрости, простоты, верности в любви, в причастности каждого человека к великому слову Родина — Россия.

Валентина Батищева — первая исполнительница песни «Катюша».

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются бесплатно преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотеку работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Кульпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
— Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
— Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
— Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
— Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
— Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
— Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36);
— 14 филиалов названных выше библиотек.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru Интернета, а также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «День литературы», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Орла, Калуги, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла, а также Национльная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно зав. редакцией (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в

начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, вы-

сылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2013,— № 7; 2014.— №№ 1, 2.

2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края). — 2014.— № 1(41) (в номере опубликованы произведения тульских авторов, в том числе рассказ «Бомж» ответственного секретаря «ПЗ» Якова Шафрана).

3. *Золотая Ока*: Литературный журнал (Калуга).— 2013.— № 1(6), № 2(7).

4. *Созвучье* слов живых. Антология современной поэзии. Т. 8.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 176 с.

5. *Литературная* мозаика: Сборник поэзии и прозы ЛИТО «Вдохновение» / Сост. Л. Е. Авдеева.— М.: ИПО «У Никитских ворот», 2013.— 72 с.

6. *Ким Ир Сен*. За новый свободный мир, мир без войн.— М.: Об-во дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2012.— 8 с.

7. *Ким Чен Ир*. Клевета на социализм недопустима.— М.: Об-во дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2012.— 27 с.

8. *Галина Зеленкина*. Мысли вслух: Стихи.— Красноярск: Изд-во «Буква Статейнова», 2013.— 200 с.

9. *Созвездие:* Альманах. Вып. 1 / Сост. Н. В. Смирнова. — Калуга: Калужск. фонд русской словесности; Изд-во «Золотая Русь», 2013.— 200 с., ил.

10. *Живая душа*: поэзия и проза / Сост. Л. Е. Авдеева, В. С. Алехин.— М.: Изд-во «Здравие», 2013.— 80 с. («Библиотека современной литературы»).

11. *Артюхов Е. В*. Без права переписки: Избранные стихотворения.— М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2010.— 512 с., ил.

12. *Валерий Маслов*. Любовь не имеет названия: Роман.— Тула: Гриф. И К, 2013.— 240 с.

13. *Николай Макаров*. Афганцы Тулы: Книга-альбом.— Тула: Российский союз ветеранов Афганистана, 2014.— 512 с., Тл.

14. *Субетто А. И*. Методологические основания ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке / Под научн. ред. В. Н. Бобкова. — СПб.: Астерион, 2013.— 48 с.

15. *Субетто А. И*. Вернадскианская революция как научно-методологическая основа формирования ноосферного общества (научный доклад) / Под ред. В. Н. Бобкова.— СПб.: Астерион, 2013.— 56 с

16. *Субетто А. И*. Ноосферная глобализация как альтернатива капиталистической глобализации (научный доклад).— СПб.: Астерион, 2012.— 22 с.

17. *Субетто А. И*. Планетарная кооперация этносов — основа гармонического развития человечества в XXI веке (научный доклад).— СПб.: Астерион, 2012. — 11 с.

18. *Субетто А. И*. Ноосферно-научные и духовно-нравственные основания выживания человечества в XXI веке (научный доклад) / Под научн. ред. Л. А. Зеленова.— СПб.: Астерион, 2013.— 20 с.

19. *Субетто А. И.* Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика / Под научн. ред. Л. А. Зеленова.— СПб.: Астерион, 2013.— 128 с.

20. *Субетто А. И.* Дмитрий Иванович Менделеев — титан эпохи русского Возрождения / Под научн. ред. Л. А. Зеленова.— Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014.— 28 с.

21. *Субетто А. И.* Зов будущего: мир, человечество и Россия на пути к ноосферной гармонии / Под научн. ред. В. Т. Гуляева.— СПб.: Астерион, 2014.— 634 с.

22. *Субетто А. И.* Жизнь как единство творчества, здоровья и гармонии человека и общества / Под научн. ред. В. Т. Гуляева.— Кострома: НОУВПДО «АСППАМ», 2013.— 254 с.

23. *Субетто А. И.* Слово о русском народе и русском человека: Научное издание / Под научн. ред. А. В. Воронцова.— СПб.: Астерион, 2013.— 265 с.

24. *Наталья Квасникова*. От сатирика слышу!.. Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина: художественно-публицистическая повесть / Предисл. Леонида Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 71 с., ил.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 3.— Тула: Изд-во «Папирус», 2013.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Алексей Яшин*. Дэкаф: Северные повести (Шестая книга рассказов Николая Андреяновича) / Предисл. Л. В. Ханбекова; Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 300 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Евгений Залесский*. На святом, родимом берегу: Стихотворения, песни, рассказы.— Тула: Гриф и К, 2013.— 392 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Струков К. В.* Искры из камня: Стихи.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 124 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Роза Нарышкина*. Навстречу солнцу улыбнусь: Сборник стихов.— Тула: Тульский полиграфист, 2013.— 152 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Сергей Крестьянкин*. Пробуждение: Рассказы / Предисл. А. А. Яшина.— Тула: Гриф. И К, 2013.— 192 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Лебедев С. А.* Исповедь: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «КуйбышевАзот», 2013.— 174 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

2. *Лебедев С. А.* Чтоб память не гасла: Стихи и проза / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «КуйбышевАзот», 2013.— 240 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия с 2008 года ввела систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместитель, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2012-го года уже объявлены в № 1, 2013 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2014-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ, НАМ ПИШУТ

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ПИСЬМА НАШИХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ В «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

В № 11(6454), 19—25 марта 2014 г. помещено интервью собкора «ЛГ» в США Ирины Тосунян с постоянным автором «Приокских зорь», нашим бывшим земляком-туляком, известным поэтом, публицистом, критиком и литературоведом, автором многих известных советских песен Владимиром Яковлевичем Лазаревым (вспомните знаменитые «Березы»!). Ныне он живет в США, Калифорния, Монтэй-Вью. Интервью заканчивается словами:

— Владимир Яковлевич, вам хотелось бы вновь начать печататься в России?

— А я уже начал это делать. На днях мне прислали журнал «Приокские зори», он издается в Туле. Я послал туда свою повесть в стихах «Егор Таланов — тульский мастер». Набросок сделал еще в семидесятых годах, а закончил здесь. Это одна из моих любимых вещей. Она — свободная, правдивая. Ее сразу напечатали. Я рад.

— А последние ваши стихи?

— Я написал их в минувшем январе. Называются «Читая «Антологию русской поэзии XX века».

Как же много знакомых — исчезнувших лиц,
Сколько горьких утрат в этом перечне длинном,
Сколько много поэтов-самоубийц
И погибнувших по неизвестным причинам.
Сколько пало друзей по дороге под бременем
Этой тяжкой поры духоломного времени.

"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ". Газета русских писателей
http://denlit.at.ua/publ/2_208_2014/priokskie_zori/28-1-0-453

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» — Тула, 2013.— № 4.

Задевает за живое своим неравнодушием к оцифровыванию человечества «в эпоху активно-агрессивного развертывающегося ныне глобализма» А. А. Яшин в «Колонке главного редактора». Как это отражается на литературе, «о ком сейчас писать романы», какова «роль и задача» нового русского критического реализма в этих условиях? — вопросы, вынесенные им на очередную новую дискуссию ««Герой нашего времени» в оцифрованном человейнике».

К 140-летию со дня рождения классика русской литературы XX в. И. С. Шмелева опубликована глава из «Лета Господня» — «Именины» — и эссе главного редактора «Последний певец Руси ушедшей».

В разделе «Современный русский рассказ» читаем меткие притчи Н. Макарова, философские, заставляющие задуматься, с тонким ненавязчивым юмором рассказы А. Шендакова. Хороши рассказы Р. Артамонова «Пасьянс» и Т. Нойера «Кельнер». Блещущий юмором, написанный сочным высокохудожественным языком и, как и все, сочиняемое А. Яшиным, рассказ «Новые мытари». Удивительно лирична вселяющая надежду сказка К. Крестьянкиной «Пришло время». От повести Я. Шафрана, написанной душевным образным языком, буквально веет теплом, она согревает читателя. Чувствуется, что автор вынес из детства главное — свет любви и доброты.

Рубрика «Образы и тропы поэзии» представлена разноплановыми, но талантливыми поэтами. Начинается она одним из самых, считаем, удачных переводов «Слова о полку Игореве» И. Лукьянова. «Автора захватывает не только искусство перевода, но и высокое патриотическое чувство, когда он обращается к мысли о сохранении и сбережении великого государства...»,— пишет Е. Порошенков в предисловии к переводу. «Глоток весны», «немного света», быть «к людям добрым, а к себе строгим», и иметь «в душе любви звуки», ибо «без полета все вокруг — мука»,— этим, а также болью за Россию, русскую деревню и осознанием необходимости «повернуть к истокам...», наполнены чистые, светлые, искренние стихи в “Personalia” О. Пантюхина. Здесь же продолжение исторической поэмы «Песня о Гришке Отрепьеве» (см. начало в № 4—2012 и № 1—2013) замечательного поэта В. Резцова. Отрывок охватывает период с 30-х годов до начала Великой Отечественной. Впечатляет стихотворная «Повесть о жизни» Н. Квасниковой. Хороши стихи Е. Артюхова, вот несколько

строк: «К тому же учили неглупые предки, // душой поправляя завистливый разум, // спокойно сидеть на возлюбленной ветке // и малое видеть растроганным глазом».

«Русское литературное Зарубежье» на сей раз представлено повестью в стихах В. Лазарева «Егор Таланов, Тульский мастер» и рассказом «В ожидании суда» И.Карлова, прекрасно разбирающегося в психологии и мастерски рисующего образ своего героя — борца с несправедливостью, буквально кричащего: «Ведь разваливается все на глазах. Это же надо сейчас предотвратить, сейчас, пока не поздно!.. Пока страшного еще не случилось!»

В разделе «Публицистика» — интервью А. Степанова с главой Совета Общероссийской организации ветеранов ВС РФ генералом В.Ермаковым.

В «Персоналиях...» — знаменательная статья С. Крестьянкина. 2013 год для известной писательницы Н. Д. Парыгиной юбилейный — 55 лет как она член СП СССР. Множество людей выросли на ее произведениях. Книги ее востребованы. Поэтому в ноябре 2012 года в веневской детской библиотеке, благодаря заведующей Т. Орловой, зав. областной ДБ Н. Зуевой и зав. сектором краеведения Т. Митиной, открылась постоянная экспозиция, посвященная творчеству Н. Парыгиной. В том же разделе — мастерски написанный очерк А. Яшина к 70-летию А. Хадарцева.

Рубрика «Литературоведение...» посвящена материалам всероссийской и международной дискуссии «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории?». В ней приняли участие: С. Прохоров, гл. редактор «Истоков» (Красноярский край), А. Миронов (Калужская обл.), И. Карлов (Мозамбик), С. Лебедев (Тольятти), Р. Артамонов и О. Шаховская-Пономарева (Москва), В. Трусов (Мурманская обл.), Я. Шафран, В. Алтунин и Т. Рогожина (Тула), И. Рухович (Московская обл.).

В «Хронике литературной жизни» читаем, что «Приокские зори» пригласили участвовать в интернет-содружестве литературных проектов «Русское поле» (информацию о журнале на сайте «Хронос» дал его гл. редактор В. Румянцев), о том, что В.Чаплин призвал разработать модель православной экономики для России, а также о новых членах Академии российской литературы и о творческом клубе «Московский Парнас».

300025, Тула, а/я 920
Яшину А.А.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Благодарим Вас за преданность Музею-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за очередные номера журнала «Приокские зори» (№ 3, № 4, 2013 г.), любезно присланные в дар музею.

Хочется отметить материалы о А. Т. Болотове, Г. Р. Державине, И. С. Шмелеве.

Имена этих людей стали классикой, а классика всегда является украшением любого периодического издания, неся огромную пользу для читателей разного поколения.

Вообще, содержание журналов поражает разнообразием и охватывает разные направления современной литературы. Переданные Вами выпуски «Приокских зорь» хранятся в фондах нашей научной библиотеки.

Несомненный интерес представляет публикация о Вашем творчестве: Квасникова Н. От сатирика слышу!.. Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина: художественно-публицистическая повесть / предисл. Л. Ханбекова. — М.: «Московский Парнас», 2013.— 71 с.

Всего Вам самого доброго, творческих успехов и интересных литературных находок.

С уважением,

научный сотрудник отдела книжных фондов: Л. Н. Лапина

ТУЛЬСКАЯ ПРАВДА

В областной газете «Тульская правда» за № 47(60), 16—22 декабря 2013 г. на развороте полосы (стр. 8) опубликован материал зав. редакцией «Приокских зорь» Марины Баланюк о заслуженном архитекторе РСФСР Павле Михайловиче Зайцеве (12.12.1927 — 16.08.2005), автора многочисленных архитектурных проектов Тулы, среди которых здания Тульского областного художественного музея, гостиница «Москва», проект реконструкции Центрального городского парка (ныне им. П. П. Белоусова) и многих других. Автор очерка пишет о начале жизненного пути знаменитого тульского архитектора:

«Замечательный человек, творец, десятки лет служивший образцом в искусстве зодчества в любимом городе, с добрым, отзывчивым сердцем Павел Михайлович Зайцев родился 12 декабря 1927 года. Сначала вскоре после его рождения умерла мать, затем в 1936 г. был репрессирован отец — техник патронного завода. Павел Михайлович, как и многие его сверстники, начал трудный, нелегкий жизненный путь. 14-летним юношей поступил на работу токарем на машиностроительный завод. 1945 г.— учится в коммунально-строительном техникуме, а в 1950-м заканчивает его, защитив на «отлично» дипломный проект «Архитектура жилого дома» по специальности техник-архитектор».

Новости Тулы и Тульской области

Молодой коммунар

http://mk.tula.ru/articles/a/26899/

ЕСТЬ ЛИ ПОЭТЫ В ТУЛЕ

31.05.2013

Автор: Ирина Скибинская

Здравствуйте! Мне очень хотелось бы почитать стихи тульских поэтов в наших газетах. Возможно ли это? На все мои запросы Интернет отвечает: «А есть ли поэты в Туле?»

Некоторых авторов я знаю (...) уверен, что есть и другие тульские поэты, но их почему-то в периодической прессе не публикуют.

Во всех регионах, кроме Тульской области, газеты печатают своих авторов. Не понимаю, почему в нашей области такое отношение к своей творческой интеллигенции.

Владимир Гусев:

Мы не можем отвечать за политику всех тульских изданий, однако в том, что касается «Молодого коммунара», вы правы: мы действительно не публикуем стихи. Формат газеты — общественно-политическое периодическое издание, в первую очередь мы стараемся оперативно реагировать на события, происходящие в жизни нашего региона.

Поэзия — это совершенно иной, не газетный жанр, и на страницах «Молодого коммунара» она была бы не вполне уместной. Место стихам и прозе — в сборниках, альманахах и антологиях, а они в нашем городе издаются регулярно: «Тула», «Приокские зори»,* «Ковчег», «Тула литературная» и т. д.

Кроме того, встречи с тульскими литераторами регулярно устраиваются в библиотеках города, в музее В. В. Вересаева.

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Главная «Статьи » № 12(206) 2013
http://denlit.at.ua/publ/12_206_2013/jakov_shafran_stalin_sozidanie_strany_i_sostojanie_literatury/26-1-0-420

Яков ШАФРАН.
Сталин, созидание страны и состояние литературы

НАС ПОЗДРАВЛЯЮТ

С наступившим 2014-м годом редакцию нашего журнала тепло и искренне поздравили писатели, ученые, руководители творческих союзов и литературных журналов, президенты академий, послы и представители многих других организаций, читающие и любящие «Приокские зори», в частности: В. И. Патрушев (Москва), А. М. Зорин (Москва), Валентина Ерофеева (Москва) — от имени газеты «День литературы», Сергей Прохоров (Красноярский край), Геннадий Авдеев (Москва, фракция ЛДПР ГД ФС РФ), Владимир Резцов (Калининград), А. К. Адамов (Москва), Анатолий Пережогин (Московская область), Игорь Герасимов (Донецк, Украина), Елена Бивейнис (СПб), Евгений Артюхов (Москва), Владимир Емельянов (Москва), Наум Ципис (Бремен, Германия), Анна Барсова (Екатеринбург), Федор Ошевнев (Ростов-на-Дону), Владимир Корнилов (Братск), Виктор Буланичев (Бийск), Алмаз-ханум (Узбекистан), Галина Зеленкина (Кодинск Красноярского края), Владимир Оноприенко (Москва), Наталья Квасникова (Москва), Юрий Черняков (Петрозаводск), А. М. Шикалов (Тула), Ирина Кедрова (Москва), Тамара Булевич (Красноярск), Сергей Лебедев (Тольятти), Алексей Селичкин (Калуга), Ефим Гаммер (Иерусалим, Израиль), Рудольф Артамонов (Москва), Вадимир Трусов (Мончегорск), Борис Кобринский (Москва), А. И. Субетто (СПб) и многие другие, в том числе приславшие стихотворные поздравления.

* Неточность в ответе Владимира Гусева: «Приокские зори» не являются «сборником, альманахом и антологией». Это всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал...

С наступившим 2014-м годом (103-м годом чучхе) нас поздравил и советник посольства КНДР в России:

Добрый день, уважаемый
Алексей Афанасьевич!
Поздравляю Вас с Новым 2014 годом !

От всей души желаю Вам и Вашим родным и близким
доброго здоровья, семейного счастья, благополучия и новых успехов
в Новом 2014 году !

с уважением и наилучшими пожеланиями,

Сон Гван Су

МЫ — В «ВИКИПЕДИИ»

В № 1, 2014 «ПЗ» была помещена статья о журнале «Приокские зори» из «Википедии» — свободной энциклопедии. Это большая честь для нас. Ниже публикуем статью-персоналию о нашем главном редакторе.

ЯШИН, АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

[править | править исходный текст]

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Перейти к: навигация, поиск Яшин Алексей Афанасьевич

Яшин Алексей Афанасьевич

Дата рождения:

6 мая 1948 (65 лет)

Место рождения:

пос. Белокаменка Североморского (тогда Полярного) района Мурманской области СССР

Научная сфера:

Радиофизика, биофизика полей и излучений и биоинформатика

Место работы:

Медицинский институт Тульского государственного университета, профессор, писатель, главный редактор журнала «Приокские зори»

Альма-матер:

Тульский политехнический институт (ныне ТулГУ), Ленинградский государственный университет, Литературный институт им. А. М. Горького

Алексей Афанасьевич Яшин (6 мая 1948 г., пос. Белокаменка Североморского (тогда Полярного) района Мурманской обл., СССР) — советский, российский писатель-прозаик, главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула); ученый-биофизик.

Содержание [убрать]

1 Биография
2 Литературное творчество
2.1 Список произведений
2.2 Литература
3 Научное творчество
3.1 Список произведений
3.2 Литература
4 Примечания
5 Ссылки

Биография[править | править исходный текст]

Родился в мурманском Заполярье в семье моряка-североморца, участника Финской кампании и Великой Отечественной войны [1].

До 1966 г. жил в семье на различных маяках Главсевморпути и гидроотдела Краснознаменного Северного флота, окончил Полярную среднюю школу № 1 им. М.А.Погодина. С 1966 г. живет в Туле.

В 1971 году окончил Тульский политехнический институт

В 1981 году окончил Литературный институт им. А.М.Горького [2], учился на математико-механическом факультете Ленинградского госуниверситета.

В 1971—1991 годах работал инженером-конструктором, руководителем группы и начальником сектора на тульских предприятиях военно-промышленного комплекса: Центральное КБ аппаратостроения и КБ приборостроения (Тула), принимал непосредственное участие в разработке боевой техники, в том числе — зенитного ракетно-пушечного комплекса «Панцирь — С1».

В 1991—2007 годах являлся первым заместителем — зам. по науке директора Государственного НИИ новых медицинских технологий (Тула); профессор Медицинского института Тульского госуниверситета. Основатель и руководитель Тульской научной школы «Биофизика полей и излучений и биоинформатика».

С 1975 года также занимается литературной работой.

В 2005 году руководил созданием литературного журнала «Приокские зори». Будучи членом Правления Академии российской литературы, отвечает за разработку концепции нового русского критического реализма. Является членом редколлегий ряда московских и тульских литературных изданий.

Литературное творчество[править | править исходный текст]

Автор многих книг и художественных публикаций в литературных изданиях СССР и России, в частности, в журналах «Уральский следопыт» (Сверд-ловск — Екатеринбург), «Московский Парнас», «Истоки» (Красноярск), «Ясная Поляна» (Тула), «Подъем» (Воронеж), «Приокские зори», «Голос эпохи» (Москва) и др. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 г.

Леонид Ханбеков пишет о творчестве писателя: «...Алексей Яшин изобрел, да, изобрел, своеобразный метод иллюстрации своих произведений выразительнейшими гравюрами, офортами, рисунками из журналов середины XIX века, из «Нивы» и «Отечественный записок», сопроводив их своими подписями. Каждая их подписей - настоящий мини-фельетон или памфлет, обличительный микроочерк о типаже или явлении времени, которое мы нынче переживаем. С одной стороны, эта страница-иллюстрация не имеет никакой прямой связи с рассказом или очерком, текст которого прерывает, а с другой — дает хорошо оценимые дополнительные впечатления о наших временах, трудней которых дни и годы случались, но, как точно подмечено, подлей не было» [3].

«И тут я, пожалуй, удивлю почитателей таланта автора, когда пролистаю первую, вторую части книги, чтобы остановиться сразу на третьей — «Пришествие Антихриста по наши души» и сказать, что по-настоящему художественное, оригинальное по сюжету, ярко самобытное по письму, актуальное по публицистической остроте в выходе на факты, даты, события, объясняющие самую суть того, как был потоплен Титаник под названием СССР — это «Быль из времен первоначального накопления капитала», которую Алексей Яшин, не мудрствуя лукаво, назвал «Вор у вора...» [4].

В. В. Жириновский говорит: «...Многие писатели в противоборстве добра и зла выступают как сторонние наблюдатели, ставят проблемы, не предлагая их решения. В творчестве Алексея Яшина поднимаются самые острые актуальные проблемы современной политики, экономики, образования, состояния армии. Он дает глубокий честный анализ исторических событий, точный срез современности. Это писатель нестандартного мышления. Ведь придумать сюжет можно и не так сложно, а вот для того, чтобы его мастерски воплотить, нужен талант, который складывается из многих составляющих»[5].

А. А. Яшин является лауреатом ряда литературных премий.[6]

Список произведений[править | править исходный текст]

«На островах»[7]

«В канцелярии»[8]

«Трамвайное кольцо»[9]

«Непосредственное продолжение из житейских наблюдений»[10]

«В конце века»[11]

«Художественная эвристика»[12]

«Тяжело дышит синий норд»[13]

«Историк и его История»[14]

«В час волка»[15]

«Живые шахматы»[16]

«Подводная лодка „Капитан Старосельцев“»[17]

«Штиль»[18]

«Живописный паноптикум»[19]

«Ешьте крабов»[20]

«Без руля и без ветрил»[21]

«Любовь новоюрского периода»[22]

«Страна холода»[23]

«Катехизис идеалиста»[24]

«Сны и явь полковника Хмурова»[25]

«Очерки истории Тульской психиатрической больницы им. Н. П. Каменева»[26]

«Видение на Патмосе»[27]

«Квадратная пустота»[28]

«Будни главного редактора»[29]

«Дэкаф»[30]

Литература[править | править исходный текст]

Леонид Ханбеков. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина. [31]

Леонид Ханбеков. Сочинения. Т. 4. [32].

Наталья Квасникова. От сатирика слышу!.. [33].

Научное творчество[править | править исходный текст]

Автор многих научных публикаций в отечественных (СССР и РФ) и зарубежных изданиях и издательствах, в том числе монографий, изданных в СССР, РФ, Германии, на Украине, изобретений, защищенных авторскими свидетельствами СССР и патентами РФ и Украины, научных открытий №№ 356, 436, зарегистрированных в МААНОИ/МААНО, многих учебных пособий.

В числе монографий изданы в Москве, Туле, Твери серии: «Биофизика полей и излучений и биоинформатика», «Электродинамика и информатика живых систем», «Экспериментальная электромагнитобиология», «Макро- и микроскопическая биофизика и биоинформатика».

Наиболее существенные изобретения: [34].

Научному творчеству А. А. Яшина посвящено издание: «Аннотированный библиографический указатель научных трудов Яшина Алексея Афанасьевича» [35]. На стр. 32 читаем: «...4.4. В области биологии сложных систем, биофизхики полей и излучений и биоинформатики <...>, являющейся научной специализацией автора, начиная с середины 90-х гг., в результате выполненных исследований — теоретических и экспериментальных — сложилась Тульская научная школа биофизики полей и излучений и биоинформатики, руководимая автором. Школа получила известность и признание в стране, СНГ и за рубежом. Исследования проводятся в тесном научном сотрудничестве с многими академическими и отраслевыми институтами России, Украины, Белоруссии, Польши, Австрии, Таиланда и др. стран. Основное направление исследований — взаимодействие низкоинтенсивных (нетепловых, биоинформационных) физических, преимущественно электромагнитных, полей с живым веществом. Полученные результаты, как правило, имеют выраженный отечественный и мировой научный приоритет. Считаем их перечисление здесь нецелесообразным, поскольку они в достаточной степени полноты раскрыты в аннотациях к изданным книгам по этой тематике (см. ниже). Отметим, что по результатам исследований автором с коллегами декларированы два научных открытия, несколько научных гипотез и теорий. Несомненным приоритетом обладает предложенная автором и разработанная совместно с академиком Е. И. Нефедовым (Москва, ИРЭ РАН) теория единого информационного поля ноосферы». (Примечание: в цитате в контексте изложения материала: автор (исследований) — А. А. Яшин.)

Судаков К. В. в книге «Функциональные системы» [36] пишет: «...А. А. Яшин (2003) полагает, что человеческий мозг является ранговым отображением макроструктур мироздания. Он разделяет представления М. Каку и А. М. Полякова о солитонно-голографическом механизме распространения информации в биосистемах. При этом, как считает Яшин, голограммы материализуются в их носителях — поля, в основном электромагнитном. Яшин формулирует концепцию о параллельных мира как основе виртуальной реальности. Он полагает, что процесс мышления определяет-

ся генерацией нервной системой солитонов — электромагнитных волн сверхнизкой интенсивности порядка 10^{-20} — 10^{-22} Вт/Гц×см^2, не сливаясь и не изменяя свою форму. Солитонные волны, по мнению А. А. Яшина, и строят голограммы мозга».

Звания и награды А. А. Яшина [37].

Список произведений[править | править исходный текст]

«Глобализация как ноосферный процесс» [38]

«Земное эхо солнечных бурь» [39]

«В поисках спасения от солнечных бурь» [40]

Серия «Живая материя» [41]

«Информационная виртуальная реальность» [42]

«Информационно-полевая самоорганизация биосистем» [43]

«Информационные аспекты развертывания эволюции жизни» [44]

«Основы системного моделирования информационных процессов в живом веществе и совершенствование крайневысокочастотной терапии» [45]

«Рецензия на книгу Ю. В. Чайковского «Эволюция» [46]

«Теория биологического поля А. Г. Гурвича» [47]

«Информационная самоорганизация биосистем: вирусная концепция» [48]

Серия «Феноменология ноосферы [49]

«Конструктивная эволюция: От биопоэза до ноосферы» [50]

«Проектирование многофункциональных объемных интегральных модулей СВЧ- и КВЧ-диапазонов» [51]

«Конструирование микроблоков с общей герметизацией» [52]

Литература[править | править исходный текст]

Справочник Академии инженерных наук Российской Федерации. [53]

Библиографическое международное энциклопедическое издание «Кто есть Кто в Русской секции Международной академии наук». Часть 1. [54]

Розанова О. П. «Яшин Алексей Афанасьевич» // Тульский биографический словарь. Новые имена.[55]

Тульский государственный университет. Научные школы. 1980—2000 // «Биофизика полей и излучений и биоинформатика» Часть 1.[56]

«А. А. Яшин»//Российские научные школы. Т.3. [57]

Примечания[править | править исходный текст]

↑ Показывать компактно

↑ выпускников Литинститута

↑ Леонид Ханбеков. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: «Московский Парнас», 2008.— С. 89., илл. (Серия «Созвездие России»)

↑ Леонид Ханбеков. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: «Московский Парнас», 2008.— С. 60., илл. (Серия «Созвездие России»)

↑ Интервью с председателем ЛДПР В. В. Жириновским «Главное — позиция автора» // Приокские зори.— 2013.— № 2, С. 41)

↑ Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, им. А. С. Грибоедова, им. Н. А. Некрасова, им. А. П. Чехова, им. В. В. Маяковского, им. Валентина Пикуля, им. Александра Фадеева, им. Ярослава Смелякова, им. Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат «Московского Парнаса».

↑ Яшин А. А. На островах: Рассказы; Повесть.— Тула: Приокское книжное издательство, 1987.— 157 с.

↑ Яшин А. А. В канцелярии: роман.— Тула: Приокское книжное изда-тельство, 1991.— 288 с.

↑ Яшин А. А. Трамвайное кольцо: Современный городской рассказ.— Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 1999.— 274 с.

↑ Яшин А. А. Непосредственное продолжение из житейских наблюдений: Максимы и эссе о начальниках и женщинах. Сокровища смиренных. На Итаке (повести). — Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2000.— 287 с.

↑ Яшин А. А. В конце века: Роман. Рассказы о конце века: Петровская академия наук и искусств.— Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.— 228 с.

↑ Яшин А. А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.— Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.— 411 с.

↑ Яшин А. А. Тяжело дышит синий норд: Северные рассказы: Петровская академия наук и искусств.— Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2003.— 244 с.

↑ Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х час-тях.— Тула: «Гриф и К», 2004.— 481 с.

↑ Яшин А. А. В час волка: Литературное эссе в 6-ти частях: Петровская академия наук и искусств.— Тула: «Гриф и К», 2005.— 526 с.

↑ Яшин А. А. Живые шахматы: Новые рассказы Николая Андреяновича (Повести, рассказы, эссе): Петровская академия наук и искусств.— Тула: «Гриф и К», 2006. — 346 с.

↑ Яшин А. А. Подводная лодка «Капитан Старосельцев»: Роман. Рассказы в масть: Петровская академия наук и искусств.— М.: «Московский Парнас», 2006.— 278 с.

↑ Яшин А. А. 2007 — Штиль: Третья книга рассказов Николая Андреяновича (Повести, рассказы, публицистика): Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2007.— 302 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Яшин А. А. Живописный паноптикум: Современный русский литературный лубок / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2008.— 165 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Яшин А. А. Ешьте крабов. Публицистика 2007-го года. Литературоведение: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2008.— 256 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Яшин А. А. Без руля и без ветрил: Современный русский литературный лубок. Изд-е 2-е, исправл. и расширен. / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: Московский Парнас», 2009.— 273 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Пар-нас».— М.: «Московский Парнас», 2009.— 712 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Пре-дисл. акад. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2009.— 342 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Москов-ский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Яшин А. А. Сны и явь полковника Хмурова: Педагогическая поэма в 3-х частях

/ Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литера-туры. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2011.— 551 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Ивашиненко Д. М., Терешкина О. В., Яшин А. А. Очерки истории Тульской психиатрической больницы им. Н. П. Каменева: К 100-летию больницы.— Тула: ИПО «Лев Толстой», 2011.— 96 с., цв. илл. (Книга-альбом)

↑ Яшин А. А. Видение на Патмосе: Роман-предвидение в 6-ти частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независи-мое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2012.— 367 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Яшин А. А. Квадратная пустота: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литера-турное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2012.— 334 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Яшин А. А. Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 годов / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. — М.: «Московский Парнас», 2012.— 517 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»); см. также в электронном виде: URL: www.pz.tula.ru

↑ Яшин А. А. Дэкаф: Северные повести / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 299 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

↑ Леонид Ханбеков. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина. — М.: «Московский Парнас», 2008.— 90 с., илл. (Серия «Созвездие России»)

↑ Леонид Ханбеков. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина / В кн.: Леонид Ханбеков. Сочинения. Т. 4.— М.: «Библиотека «Московского Парнаса», 2009.— С. 62—146.

↑ Наталья Квасникова. От сатирика слышу!.. (Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина): Художественно-публицистическая повесть) // Приокские зори.— 2013, № 3. — С. 59—86.

↑ А.с. СССР №№ 1679664, 1764195, 1829127, 1598238, 1700789, 1758918, 1786695, 1832407.

↑ Аннотированный библиографический указатель научных трудов Яшина Алексея Афанасьевича(К 30-летию научной деятельности): Петровская академия наук и искусств. ГУП НИИ новых медицинских технологий.— Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.— 112 с.

↑ Функциональные системы.— М.: Изд-во Российской академии наук, 2011.— 320 с. С. 89.

↑ Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор по кафедре «Электронные вычислительные машины» и профессор по специальности «Медицинские приборы и системы» ТулГУ, академик ряда российских, зарубежных и международных академий, член докторских диссертационных советов (Тула, Москва, Сургут). Им подготовлено 10 докторов и 20 кандидатов технических, физико-математических, биологических, медицинских и педагогических наук. В настоящее время — заместитель главного редактора научных журналов «Вестник новых медицинских технологий» (Тула» и «Электродинамика и техника СВЧ, КВЧ и оптических частот» (Москва); член редколлегий научных журналов и альманахов: «Физика волновых процессов и радиотехнические системы» (Самара) и «Миллиметровые волны в биологии и медицине» (Москва), альманах «Медицинские аспекты квалитологии» (Львов — Донецк, Украина). Лауреат научных премий имени

Тульского комсомола (1977 г.) и имени Н. И. Пирогова (2008 г.). Награжден орденом «Labore et scientia» («Трудом и знанием») Европейского научно-промышленного консорциума и многими медалями. Медали им. А. Нобеля, В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет ряд званий в том числе академических:«Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования», Почетный член Международного биографического центра (Кембридж, Англия); Почетный изобретатель Европы (Ганновер, Германия), Почетный радист России

↑ Яшин А. А. Глобализация как ноосферный процесс / В кн.: В. И. Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, культуры, образования и экономики в XXI веке: колл. монография / Под ред. А. И. Субетто и В. А.Шамахова. В 3-х тт. Т. I.— СПб.: Астерион, 2013.— С. 236—253.

↑ Яшин А. А. «Земное эхо солнечных бурь» // Вестник новых медицинских технологий.— 2009.— Т. XVI, № 1.— С. 7—8.

↑ Яшин А. А. В поисках спасения от солнечных бурь // Медицинская газета.— 2009.— № 8, 11.02.2009.— С. 11.

↑ Яшин А. А. Живая материя: Ноосферная биология (нообиология).— М.: Изд-во ЛКИ(URSS), 2007.— 216 с. (2-ое изд. в 2010), Яшин А. А. Живая материя: Онтогенез жизни и эволюционная биология / Предисл. В. П. Казначеева.— М.: Изд-во ЛКИ(URSS), 2007.— 240 с. (2-ое изд. в 2010), Яшин А. А. Живая материя: Физика живого и эволюционных процессов.— М.: Изд-во ЛКИ(URSS), 2007.— 264 с. (2-ое изд. в 2010).

↑ Яшин А. А. Информационная виртуальная реальность. — Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2003.— 244 с. (Серия «Электродинамика и информатика живых систем», Т. 4).

↑ Яшин А. А. Информационно-полевая самоорганизация биосистем // Вестник новых медицинских технологий.— 2000.— Т. VII, № 1.— С. 3—38.

↑ Яшин А. А. Информационные аспекты развертывания эволюции жизни // В кн.: XIX Любищевские чтения: Сб. докладов. Т. 2: Современные проблемы эволюции.— Ульяновск: Изд-во Ульяновск. гос. пед. ун-та им. И.Н.Ульянова, 2005.— С. 36—41.

↑ Яшин А. А. Основы системного моделирования информационных процессов в живом веществе и совершенствование крайневысокочастотной терапии (Теоретико-экспериментальное исследование): Дисс. ... д-ра биол. наук. — Тула: ТулГУ, 2001.— 562 с.

↑ Яшин А. А. Рецензия на книгу Ю. В. Чайковского «Эволюция» // Вестник новых медицинских технологий.— 2008.— Т. XV, № 1.— С. 166.

↑ Яшин А. А. Теория биологического поля А. Г. Гурвича: Ретроспективный анализ с позиций современной биофизики и биоинформатики // В кн.: XVIII Любищевские чтения: Современные проблемы эволюции: Сб. докладов.— Ульяновск: Изд-во Ульяновск. гос. пед. ун-та им. И. Н. Ульянова, 2004.— С. 96—101.

↑ Яшин А. А., Субботина Т. И., Савин Е. И. Информационная самоорганизация биосистем: вирусная концепция. — Saarbrücken (Deutschland): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.— 101 p.

↑ Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Предтеча ноосферы. Часть 1: Естественно-научный базис / Предисл. В. Г. Зилова.— М.: Изд-во ЛКИ(URSS), 2010.— 368 с., Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Предтеча ноосферы. Часть 2: Мышление и виртуальная реальность / Предисл. В. Г. Зилова.— М.: Изд-во ЛКИ(URSS), 2010.— 276 с., Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Развертывание ноосферы. Часть 1: Теория и законы движения ноосферы / Предисл. В. Г. Зилова.— Москва — Тверь — Тула: Изд-во «Триада», 2011.— 312 с. (Серия монографий «Макро- и мик-

роскопическая биофизика и биоинформатика». Вып. 1), Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Развертывание ноосферы. Часть 2: Информационная и мультиверсумная концепции ноосферы / Предисл. В. Г. Зилова.— Москва — Тверь — Тула: Изд-во «Триада», 2011.— 360 с. (Серия мо-нографий «Макро- и микроскопическая биофизика и биоинформатика». Вып. 2), Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Заключительные главы — прогностика / Предисл. В. Г. Зилова.— Москва — Тверь — Тула: Изд-во «Триада», 2012.— 330 с. (Серия монографий «Макро- и микроскопическая биофизика и биоинформатика». Вып. 3).

↑ Яшин А. А. Конструктивная эволюция: От биопоэза до ноосферы: Монография / Предисл. В. П. Казначеева. — СПб.: Ноосферная общественная академия наук, 2013. — 669 с., ил. (Электронное издание).

↑ Яшин А. А., Кандлин В. В., Плотникова Л. Н. Проектирование многофункциональных объемных интегральных модулей СВЧ- и КВЧ-диапазонов / Под ред. Е. И. Нефедова.— М: НТЦ «Информтехника», 1992.— 324 с.

↑ Яшин А. А. Конструирование микроблоков с общей герметизацией. — М.: Радио и связь, 1985.— 100 с. (Серия «Библиотека конструктора радиоэлектронной аппаратуры»).

↑ Справочник Академии инженерных наук Российской Федерации.— М.,1995.— С. 150

↑ Библиографическое международное энциклопедическое издание «Кто есть Кто в Русской секции Международной академии наук».Часть 1.— М.: «Мобиле», 2005.— С. 423—426.

↑ Розанова О. П. «Яшин Алексей Афанасьевич» // Тульский биографический словарь. Новые имена.— Тула: Издательский дом «Пересвет», 2003.— С. 275

↑ Тульский государственный университет. Научные школы. 1980—2000 // «Биофизика полей и излучений и биоинформатика».Часть 1.— М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2000.— С. 331—332.

↑ «А. А. Яшин»//Российские научные школы. Т. 3.— М.: «Академия естествознания», 2010.— С. 430—432

Ссылки[править | править исходный текст]

Поиск по научным статьям в журналах Российской Академии Естествознания. Поиск в журналах РАЕ.

СПИСОК ЧЛЕНОВ Отделения медико-биологических наук Русской секции Международной академии наук. Международная Академия наук. Русская секция.

Электронный альманах НООСФЕРА XXI ВЕКА. Соционауки.— Научно-общественный редакционный совет НООСФЕРЫXXI ВЕКА.

Медицинский институт. Тульский государственный университет. — Журнал «Вестник новых медицинских технологий», публикации, разработки, диссертационные советы.

A. A. Yashin (англ.). International Directory of Distinguished Leadership (2001).

Яшин, Алексей Афанасьевич. Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 годов. «Московский Парнас» (2012). — Рецензии на литературные произведения Алексея Яшина.

Научная школа: «Биофизика полей и излучений и биоинформатика». Энциклопедия УЧЕНЫЕ РОССИИ.

Яшин Алексей Афанасьевич. Энциклопедия УЧЕНЫЕ РОССИИ.

Категории: Персоналии по алфавиту

Ученые по алфавиту

Родившиеся 6 мая

Родившиеся в 1948 году

Персоналии: Наука
Прозаики
Публицисты
Члены Союза писателей России
Заслуженные деятели науки Российской Федерации
Ученые России
Биофизики

Обращаемся к нашим авторам: становясь участниками «Википедии», вы повышаете престижность нашего журнала!

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В. В. Резцову, зав. отделом поэзии. Дорогой Владимир Вадимович! В последние минуты уходящего 2013 года Вы опять подарили мне поздравления, ободряющие информацию и стихи — новую часть поэмы «Песня о Гришке Отрепьеве». Я Вас также сердечно поздравляю с Новым годом и желаю счастья, т.е. борьбы за торжество справедливости, ощущения своего личного полезного участия в этой борьбе.

Мне как филологу нравятся Ваши стихи: своей звучной упругостью, доходящей до публицистической ясности конкретностью, агитационно-лирической манерой. И Вы совершенствуетесь в этом ремесле, что может стать явлением, ценным самим по себе. Дерзайте, Ваше поэтическое творчество в сочетании с публицистикой и политической практикой будет стократ полезней.

С уважением
Александр Михайлович Шикалов (Тула)

ВОЗВАНИЕ К НАРОДАМ РОССИИ В ЗАЩИТУ ОТЕЧЕСТВА ПРОТИВ ИНТЕРВЕНЦИИ НА УКРАИНЕ

Сегодня нам всем должно быть стыдно за то, что мы предаем Украину, а вместе с ней и Россию. Нам должно быть стыдно за то, что мы позволяем называть события в Украине просто беспорядками. Неужели еще до сих пор не понятно, что все, что там происходит — это настоящая Интервенция, настоящая война? И нам следует объединиться в защите от врага. Нам следует требовать того же от государственных властей и наших СМИ, которые делают вид, что ничего страшного не происходит. Нам должно быть стыдно, что мы сидим дома у телевизоров и безропотно повторяем себе и близким ту ложь, что нам преподносят. Нам должно быть стыдно, что мы не задумываемся, не интересуемся тем, что на самом деле происходит. Невежество — еще не предательство. Но после того как мы узнаем правду, молчание становится предательством.

Где бы мы ни были, мы можем выйти на улицы с демонстрациями, с плакатами, на которых будет написано: **«РУКИ ПРОЧЬ ОТ СВЯТОЙ РУСИ!»** Киев, Отец русских городов — это наша святая Русь. Россия и Украина! Не жить нам друг без друга. Так чего же мы ждем? Пора опомниться! Пора объединиться в одном благородном порыве: «Вставай страна огромная! Вставай на смертный бой!» Или все уже совсем переродились в трусов и иждевенцев? Или действительно уже нет великой и огромной страны — России? Или уже все забыли о том, что каждый третий человек в России в десяти поколениях — украинец по крови, а каждый третий украинец — русский! И неужели не понятно, что идет намеренная атака на нас? И неважно, куда и как ПОКА рвутся враги: в Украину или в Сирию! Неважно подо что замаскирована эта атака. Важно, что это есть атака против нас! Будут убивать нас и наших детей! Пора защищаться!

Как? Да так, как всегда защищалась Россия от врагов. Каждый как может, так и встанет на защиту Отечества. **Духом и Правдой**! Хватит сюсюкать и лгать! называйте вещи своими именами. Пишите, кричите! Выходите на улицы с мирными демонстрациями! Пока не требуется проливать кровь. Есть мирные способы протеста и борьбы. Но они должны быть! НОД! НОД!

Ирина Стругова, Сиэтл-США, 9февраля 2014

* * *

Уважаемый Алексей Афанасьевич, добрый день!

Я обращаюсь с огромной просьбой от своего имени и имени Городской библиотеки города Калиша (Республика Польша):

В этом году мы отмечаем столетие начала Первой мировой войны. Мой родной город Калиш, который тогда был частью Российской Империи, был разрушен прусскими солдатами в самом начале войны. Это событие нашло широкий отклик в Польше и России.

Я с большим интересом прочитал Ваш рассказ «Последний граф империи». Хочу просить Вас разрешить мне перевести фрагмент рассказа на польский язык с целью опубликовать его в книге, посвященной годовщине разрушения города Калиша. Возможно ли использовать Ваши снимки и биографию, размещенные в Интернете?

У меня к Вам волнующий меня вопрос — я просмотрел издание Нивы за 1914 год, нашел там фотографию Соколова, но мне не удалось найти информацию, что он стал графом. Это правда, что были планы поставить памятник Соколову в Калише?

С уважением,

Аркадиуш Блашчик, Польша

УТРАТЫ

Ушел из жизни Наум Эфроимович Ципис (г. Бремен, Германия), душевно прекрасный человек, талантливый писатель, постоянный автор и друг нашего журнала. Скорбим.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

С приемом в члены Союза писателей и переводчиков при Московском городском отделении Союза писателей России зав. отделом поэзии «Приокских зорь» Владимира Вадимовича Резцова и зав. редакцией журнала Марину Григорьевну Баланюк.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Литературно-художественный и публицистический журнал

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 16 лет.

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.03.2014
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы, исключая поэзию, представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. Поэзия представляется по e-mail: sensei419@yandex.ru зав. отделом поэзии Резцову Владимиру Вадимовичу.

С признательностью — редколлегия журнала

ДИПЛОМЫ ИСТИННО НАРОДНОЙ,
ОБЩЕПИСАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША»
ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА

вручают в Северной столице на крупном академическом форуме профессору Александру Ивановичу Суббето (лауреат 2013-го года),

а профессор Игорь Григорьевич Герасимов (лауреат 2013-го года) демонстрирует свой диплом на фоне баррикад восставшего Донбасса:

ТВОРЧЕСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Тула, Центральная городская библиотека имени Л. Н. Толстого: творческая встреча редколлегий журналов «Приокские зори», «Золотая Ока» (г. Калуга) и тульских писателей

Тульская область, Алексин: очередное заседание Алексинского литературного объединения «АЛЛО», многие участники которого регулярно публикуются в «Приокских зорях»